

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000029488189

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

НОЧЬ

В ДАМАСКЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

Л Е О Н И Д М Л Е Ч И Н

Title: Noch' v Damaske

Author: Mlechin, L. M.

☆ НОЧЬ ☆
В ДАМАСКЕ

ПАЛЬМИРА / Санкт-Петербург

БММ / Москва

2016

16+

Издание не рекомендуется детям младше 16 лет

*Все события и герои этой книги вымышлены.
Поверьте автору: уж он-то точно знает. И любые совпадения
с реальными линостями — будь то в тексте
или же на иллюстрациях обложки — абсолютно случайны.
Если же у читателя сложится иное мнение, причина тому проста:
жизнь опережает самые невероятные фантазии.*

Млечин Л.

М 72 Ночь в Дамаске : [роман] / Леонид Млечин. —
СПб. ; М. : ООО «Издательство «Пальмира» ;
АО «БММ», 2016. — 319 с. — (Серия «Политическая
история»).

ISBN 978-5-88353-689-1

Отряд террористов в Дамаске проник в здание штаба военно-воздушных сил Сирии именно в тот момент, когда там находился российский министр обороны. Но о его визите не знал никто, кроме самых доверенных лиц. Нужно обязательно выяснить, откуда происходит утечка информации, как с этим связаны многочисленные смерти и кто стал предателем. К бывшему разведчику Виталию Шувалову обращается сам президент, доверяя ему провести расследование.

Действие политического романа Л. Млечина разворачивается в России, Сирии, Ливане, Австрии и Германии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Млечин Л. М., 2016
© Оформление.
«Издательство «Пальмира»,
АО «БММ», 2016

ISBN 978-5-88353-689-1

*Что такое скелет в шкафу?
Это человек, который играл в прятки и выиграл.*

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

МОСКВА. КРЕМЛЬ

Президентские садовники обыкновенно покидают кабинет заранее, задолго до появления хозяина. Но у них предостаточно времени для работы — полить цветы, оборвать засохшие листья, взрыхлить землю. Только не в этот день. Присматривавший за садовниками офицер Федеральной службы охраны вдруг заторопился:

— Все, пора заканчивать!

Он не должен был объяснять причину спешки. В первом корпусе Кремля это и так все прекрасно понимали: президент появится раньше обычного. По кабинету рассредоточилась группа хмурых офицеров. И хотя даже ночью в приемной президента дежурит охрана, все равно перед появлением хозяина положено проверить, не попали ли в кабинет каким-то чудом посторонние технические устройства, то есть звукозаписывающая и звукопередающая аппаратура.

После того как один из охранников украинского президента сыграл с ним злую шутку, установив в кабинете магнитофоны, а потом сбежал с кучей кассет, веры не было никому. Начальник службы безопасности готов был дать голову на отсечение, что его ребята никогда так не поступят. Но судьба головы президентского

охранника никого не интересовала. Его задача состояла в том, чтобы принять все мыслимые и немыслимые меры предосторожности.

В первую приемную докладывали о каждом шаге приближающегося президентского кортежа. Всякий раз, когда президент хотя бы на короткое время оказывался на улице, руководителей охраны охватывало беспокойство. Была бы их воля, президент вовсе не покидал бы хорошо защищенные кремлевские апартаменты.

Маршрут президентского кортежа был надежно обеспечен. Служба регулирования уличного движения заранее перекрывала улицы. Сотрудники Федеральной службы безопасности и Федеральной службы охраны, одетые в штатское, размещались по всему маршруту следования кортежа, внимательно следя за крышами и окнами домов, где способен разместиться снайпер, за поведением пешеходов и особенно за перекрестками, откуда могла вырваться набитая взрывчаткой машина террориста-камакадзе.

Сопровождавшая президента личная охрана обучена действиям в любой ситуации. Тем не менее минимум дважды в день, утром и вечером, руководители службы безопасности напряженно вслушивались в зашифрованные сообщения о передвижении президента. Тяжелее всего им приходилось во время поездок президента по стране. Особенно если он вдруг изъявлял желание пообщаться с народом. Худшие минуты для телохранителей.

Выразить свое неудовольствие руководитель личной охраны, разумеется, не смеет. Он держит свои переживания при себе. На то и глава государства, чтобы принимать такие решения, на которые другие неспособны. Обязанность же руководителя охраны — беспрекословно выполнять приказы и поручения хозяина. Даже самые неожиданные.

Кабинет первого заместителя директора Федеральной службы безопасности был обставлен стандартной светлой мебелью. На столе — лампа под традиционным зеленым стеклянным абажуром. На приставной тумбе — телефоны, в том числе спецкоммутатор. Такой аппарат положен всего трем десяткам высших чиновников страны. Это очень удобная система. Достаточно назвать имя человека, с которым хочешь поговорить. Операторы спецкоммутатора достанут его хоть из-под земли и соединят с ним, где бы он ни находился.

Кабинет Валерия Сергеевича Лебедева отличался от соседних тем, что книжные полки были заполнены книгами. Остальные обитатели этого здания расставляли на полках сувенирные альбомы и бесполезные подарки, которыми чиновники на праздники одаривают друг друга. Новый первый зам не только запрашивал литературу из списка специальной книжной экспедиции, положенной ему, но и сам ходил по магазинам.

Лебедев заказал себе и гостю чай с сушками и выжидающе посмотрел на генерала Ключкова.

— Дмитрий Федорович, вы можете объяснить, как именно отряд террористов в Дамаске проник в здание штаба военно-воздушных сил Сирии именно в тот момент, когда там находился наш министр обороны? В вашем отчете президенту, который я читал, есть всё. За исключением главного. Сам факт приезда министра, его маршрут, любые детали решением Совета безопасности держали в строжайшем секрете. О визите предполагалось рассказать только после благополучного возвращения министра домой. Никто посторонний и не знал о его прилете в столицу Сирии... Кроме террористов, выходит... Откуда у них такая информация? Как вы можете это объяснить?

Клочков вежливо переспросил:

— Это ваша личная просьба, Валерий Сергеевич, или вы исполняете поручение президента?

— А вы уточните у президента, — так же мягко рекомендовал ему Лебедев.

Лицо Клочкова дернулось.

— Я нисколько не сомневался в ваших полномочиях, — как бы извиняясь, заметил он. — Вопрос в том, как мне переоформить докладную записку.

— Писать ничего и не надо, — Лебедев разложил на столе карту. — Просто покажите, как именно группа боевиков проникла в тщательно охраняемый штаб и из ракетной установки обстреляла внутренний корпус, где министр проводил совещание. Вы же написали, что все обстоятельства теракта вашими людьми установлены.

Начальник главного разведывательного управления Генерального штаба вытащил из стаканчика остро заточенный карандаш и уверенно нанес на карту маршрут движения преступной группы, уничтожившей здание штаба в Дамаске, в результате чего погибли российский министр обороны и его помощники.

— Распишитесь, пожалуйста, — попросил Лебедев.

Генерал Клочков поставил внизу подпись и указал дату.

— У вас ко мне больше нет вопросов? — осведомился он.

— Благодарю вас, Дмитрий Федорович. — Лебедев встал из-за стола, чтобы проводить гостя.

Когда дверь за Клочковым захлопнулась, Лебедев открыл сейф и вытащил еще две такие же карты Дамаска. Помимо начальника военной разведки, в его кабинете утром побывали первый заместитель министра обороны и начальник управления военной контрразведки. Каждый из них, по просьбе Лебедева, показал на карте путь боевиков в Дамаске.

Разложив рядом три карты, Лебедев не смог сдержать мрачной улыбки: все трое указали разные маршруты.

Не владеют информацией? Это предположение он отмел. Генералы хорошо знали ситуацию в Сирии, все последнее время только ею и занимались.

Не располагают точными данными? Импровизировали, лишь бы не демонстрировать свою неосведомленность? Едва ли. Предварительное расследование громкого теракта в Дамаске завершено. Так что все данные они получили.

И все, как сговорившись, назвали налет террористов злосчастной случайностью, предусмотреть и предотвратить которую было невозможно.

Лебедев сложил все карты в папку. Он придерживался своей версии. Боевики потому и напали на штаб, что знали не только о прилете российского министра обороны, но и его точный маршрут в Дамаске.

Заместитель директора Федеральной службы безопасности посмотрел на часы. Ровно через пятнадцать минут его примет президент. После того, что накануне произошло в Дамаске, несомненно, внимательно его выслушает. Поверит ли его версии? Когда он накануне видел президента, глава государства был в гневе. И требовал ответа: как все это могло произойти?

НАКАНУНЕ

ЛИВАН. БЕЙРУТ

До Бейрута Салим и Дитер Рольник добрались на катере, которым управлял мрачный грек-киприот, не пожелавший даже взглянуть на пассажиров. Необычное для южного человека отсутствие любопытства объяснялось элементарной предусмотрительностью. Чем меньше капитан катера, чьими услугами пользовались самые разные люди, видит и запоминает, тем больше у него шансов благополучно дожить до старости и уйти на заслуженный отдых в кругу семьи.

В Бейруте Рольника посадили в машину и сразу вывезли из порта. Ливанская столица показалась Дитеру пустынной. Люди предпочитали не высовываться. Только дети играли среди бетонных развалин.

Дважды их машину останавливали. Первый раз у заграждения, устроенного из бетонных блоков; документы проверили боевики шиитской боевой организации «Хезболла». Второй раз — возле баррикады, возведенной из мешков с песком; ими заинтересовались бдительные посты христиан-маронитов. Они пересекли так называемую зеленую линию, отделяющую Западный Бейрут от Восточного. Христианский Восточный Бейрут был в куда лучшем состоянии: военных не видно, люди прогуливаются по цветущим улицам.

Рольнику приятно было вновь ощутить атмосферу военного лагеря. Он мгновенно приноравливался к новым обстоятельствам. Везде и всегда чувствовал себя абсолютно уверенно.

Он много раз бывал в Ливане. В основном миссии оказывались несложными. Днем приезжал, а ночью его уже переправляли на территорию, контролируруемую христианами, сирийцами или друзьями.

На сей раз операции предшествовало долгое обсуждение плана действий. Он встретил несколько знакомых лиц — на старой вилле, принадлежавшей человеку, который за солидное вознаграждение предоставлял ее всем нуждавшимся в безопасном месте для деликатных встреч и важных бесед за закрытыми дверями. Обслуга на вилле принадлежала к одному клану, что почти гарантировало безопасность. Возле дома был большой бассейн. Дитер Рольник искупался и, освежившись, устроился в уютной зеленой беседке, из которой открывался дивный вид на залив.

Постепенно здесь собрались еще десять человек, приехавшие порознь. В гражданской одежде. Без оружия. Всем за тридцать. Рольник уже встречал их в разных точках земного шара. Оценил, что сейчас Салим собрал лучших людей.

Вообще-то его предложение не очень понравилось Рольнику: перебраться в Дамаск и взять в заложники русского офицера, который обучал сирийские войска. Офицера следовало выкрасть и доставить в надежное место. Опасное дельце. Но работа есть работа. Рольника попросили заняться этим, потому что у него был большой опыт в организации таких рейдов.

Он оценил подготовительный этап. Вся необходимая информация собрана. Русский офицер находился в четырехэтажном здании — штаб-квартире сирийских войск. Задача состояла в том, чтобы проникнуть

в здание, захватить офицера, убить как можно больше сирийцев и, уходя, взорвать здание, чтобы запутать следы.

Салим отвел Рольника в сторону — обсудить денежный вопрос. Конечно, Рольник в любом случае исполнит поручение самого Хаджи Бакра, руководителя службы безопасности халифата — так теперь называлась территория, которой управляли эти люди. Но без денег такие дела не делаются. Он же не боевик-камикадзе, который взрывает себя в надежде на райские кущи, а профессионал высокого класса, ценность которого для халифата растет с каждой операцией.

Сумма его устроила. Он всегда объяснял клиентам, что сумма гонорара зависит не только от степени сложности операции и грозящей ему опасности, но и от того, нуждается ли он в чьей-то помощи или в специальном снаряжении, которое приобретает за свой счет. В данном случае все было готово.

Он оценил оружие. Новенькие бельгийские автоматы F2000 с подствольным гранатометом и российские калашниковы АК-103-2 с модифицированным ударно-спусковым механизмом, позволяющим вести огонь очередями по три выстрела. Таких он еще не видел.

— Откуда? — поинтересовался Рольник.

— Подарок покойника Муаммара Каддафи, — ухмыльнулся Салим.

— В каком смысле?

— Когда с Ливии сняли санкции, Каддафи заказал большую партию оружия у бельгийцев. Эти автоматы получила тридцать вторая бригада, которой командовал младший сын Каддафи. И у русских он тоже успел приобрести эти новенькие игрушки. А когда его сбросили, все это можно было купить в Ливии.

По плану они должны были спуститься по веревке с крыши соседнего здания, проникнуть на третий этаж,

где будет проходить совещание, схватить офицера и, пользуясь переполохом, выскользнуть на улицу.

Рольник засомневался, удастся ли им вытащить оттуда русского офицера живым.

— Мы проберемся туда и возьмем его, — обещал он Салиму. — Но выбраться будет нелегко.

Салим чуть заметно пожал плечами, и Рольник его понял: потери не имеют значения. У заказчика иные приоритеты.

— Дитер, нам очень нужен русский, — подчеркнул Салим.

Рольник с уважением относился к Салиму — хороший боец, жесткий, бесстрашный. Но он вынужден подчиняться приказам. А Рольник чувствовал себя свободнее, и поэтому ему почти всегда удавалось выйти сухим из воды.

— Я понял тебя, — сказал Рольник. — Но у меня один вопрос. Зачем ты посылаешь со мной Гюнтера Валле? Он же хочет выйти из игры.

— Дитер, — мягко ответил ему Салим, — ты же сам знаешь, что из наших игр выходят только ногами вперед.

Сирия уже была разрушена войной. Пострадала и столица. По городу на большой скорости ездило большое количество автомобилей без номеров, полных вооруженными людьми. Передвигаться по прифронтовому городу опытному человеку нетрудно. В полуразрушенных кварталах всегда найдется место, где спрятаться. Затеряться ничего не стоило. Рольник не любил придумывать сложное прикрытие. Трудно обмануть опытных людей, а в городе полно профессиональных вояк.

Рольник решил, что они будут действовать открыто — насколько это возможно. В темноте они немногим отличались от большинства жителей Дамаска,

в котором полыхала война. И всех боевиков снабдили действующими пропусками в запретную зону.

С собой взяли оружие, снаряжение и большую черную сумку со взрывчаткой. По одному тихо пробрались в полуразрушенное здание, расположенное по соседству со штабом правительственной армии. Им предстояло провести в засаде весь день, наблюдая за происходящим у сирийских военных.

Следовало убедиться в том, что цель на месте. Если бы они ворвались в здание, а русского полковника там бы не оказалось, все пошло бы насмарку. Повторить атаку было бы невозможно.

Они расположились в здании и занялись наблюдением. Только один из них немного нервничал — потому что это была его первая столь масштабная миссия. Но Рольник не беспокоился на его счет. Он знал, что Салим не подсунет ему негодного человека.

Они почти не разговаривали. Молились. Читали Коран. Ели очень мало. Зато не пожалели сил на тщательный осмотр оружия. Больше всего времени ушло на подгонку снаряжения, необходимого для того, чтобы проникнуть к сирийцам. Дитер Рольник сам проверил тонкий, но крепкий канат черного цвета с алюминиевым гарпуном на конце.

Они обратили внимание на особые меры безопасности. К штабу правительственных войск постоянно подъезжали служебные автомобили. Входили и выходили какие-то люди, некоторые почему-то были в штатском. Охрану у входа удвоили. Армейские патрули установили жесткий контроль над всем районом.

Дитер Рольник какое-то время сомневался: не отменить ли акцию? Но не хотелось отказываться от обещанных за нее денег. Да и Хаджи Бакру он посулил, что проведет операцию.

Наблюдение подтвердило, что офицеры штаба занимают служебные кабинеты на верхних этажах — по-дальше от улицы, с которой могут обстрелять окна. Рольник убедился в том, что как минимум два десятка европейцев, скорее всего русских, находятся в здании. К вечеру стало ясно, что центр активности переместился на третий этаж, на котором было с дюжину комнат.

Дитер Рольник и предположить не мог, что в штаб военно-воздушных сил Сирии на большое совещание с соблюдением всех мер предосторожности доставили российского министра обороны. Его визит в Дамаск проходил в полной тайне. В стране война.

ДАМАСК. ШТАБ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

Совещания в сирийском штабе значительно хуже служебных совещаний у него дома! И на тех, и на других приходилось сидеть тараша глаза на оратора. Разница состояла в том, что дома министр понимал, что говорят выступающие. А на долгих и муторных заседаниях с сирийцами он совершенно терял нить, хотя его персональный толмач, выпускник Института военных переводчиков, быстрым шепотом весьма точно излагал многословные и велеречивые выступления сирийских генералов.

Министр хотел бы все закончить побыстрее. Однако ночное совещание затянулось. Пышные обороты восточных партнеров, просто не умевших говорить кратко, бесили министра. Одновременно с его приездом в Сирию морем доставили новейшие установки ракет «земля — воздух». Обсуждался вопрос о том, как помочь офицерам сирийской противовоздушной обороны быстрее освоить новую технику.

Его подчиненные, служившие в Дамаске, жаловались министру, что учатся сирийцы плохо и медленно. Даже выпускники российских военных училищ. Трапезы, собрания и молитвы занимают слишком много времени.

В двенадцать ночи Дитер Рольник и его боевики приступили к делу. Сама по себе операция по переброске с крыши на крышу не представляла особой сложности — они проделывали такие манипуляции сотни раз в учебных лагерях. Ночь была безлунной, и их вряд ли могли заметить. Труднее всего избежать шума. Алюминиевый гарпун ударялся о крышу с грохотом, и тут ничего нельзя было поделать. Но по крайней мере, гарпун зацепился с первой попытки, и все десятеро быстро перебрались на соседнюю крышу.

На крыше, возле парапета стояли в боевом охранении два сирийца. Вместо того, чтобы нести службу, они курили и лениво переговаривались. Никакой бдительности. Салим окликнул их и шепотом подозвал. Они колебались. Салим снова их позвал — погромче и с командными нотками в голосе. Теперь они поспешили на его зов. На одного сзади набросился Рольник. Другого взял на себя Салим. Но оплошал, не справился. Гюнтер кинулся ему на помощь. И напоролся на нож. Сирийца они общими усилиями прикончили. Но и Гюнтер уже не дышал.

Непосредственно под крышей находились две комнаты. Двери были закрыты. Прислушавшись, поняли, что в обеих комнатах люди спят — видимо, отдыхали офицеры, сменившиеся с дежурства.

Стараясь не шуметь, спустились по деревянной лестнице вниз. И оказались на этаже, где и ночью не прекращалась работа. В одной из комнат за неплотно прикрытыми дверями громко разговаривали несколько человек. Оттуда шел сигаретный дым.

Салим подобрался поближе к двери. Остальные страховали его и держали под прицелом двери, чтобы никто не застал их врасплох. Салим постучал в дверь. Сирийский офицер беззаботно открыл ее и получил пулю в грудь. Затем раздались два выстрела. Глушитель не делает выстрел вовсе уж бесшумным. Да и люди не умирают беззвучно. Один из сирийцев, падая, опрокинул стул.

Рольник и Салим ждали, когда на шум выйдет кто-то из соседней комнаты, откуда тоже доносились голоса. Два вооруженных человека один за другим выскочили в темный коридор. Они ничего не увидели и не успели понять, что происходит. Люди Рольника прикончили их ножами — ударом, рассекающим горло. Так что те даже не смогли позвать на помощь.

Еще один из сирийцев, зажавшись своих товарищей, пошел посмотреть, что с теми случилось. В руках он держал автомат, но не сумел им воспользоваться. Здесь на этаже располагались штабные офицеры, а не бойцы, закаленные в постоянных схватках.

Боевики Рольника заняли весь коридор.

Видимо, рыба была несвежая. Как их могли накормить такой гадостью? Или он просто переел? Всякий раз говорил себе перед трапезой: соблюдай умеренность! И всякий раз одно и то же... Советник российского посольства, он же исполняющий обязанности резидента внешней разведки в Дамаске Олег Виленович Червонцев уже дважды вынужден был извиняться и выходить в туалет.

Как назло, избежать участия в совещании было невозможно. Вслед за официальной делегацией, которую возглавил главком военно-воздушных сил, прилетел сам министр обороны. Червонцева центр предупредил, а военные до самого последнего момента ничего не подозревали.

Министр устроил своим подчиненным сюрприз — в своем духе! И теперь решительно все, в том числе в посольстве и в резидентуре внешней разведки, стояли на ушах. Зал для совещаний был забит.

Когда Червонцев выходил, собравшиеся в кабинете начальника штаба сирийской авиации провожали его удивленными взглядами. Одновременно с ним из зала с деловитым видом выскользнул Ахмед Шараф из сирийского главного управления безопасности. Червонцев бросился в туалет, Шараф, поглядывая на часы, помчался к выходу. В другой момент Червонцев бы призадумался — куда это он? Договорились, что Шараф неотлучно сопровождает министра... Но сейчас ни о чем не мог думать, кроме собственного желудка, напоминавшего кратер, из которого извергалась лава.

Будь он дома, выпил бы соды и очистил желудок, с тоской думал Червонцев. У сирийского фельдшера в медпункте на первом этаже, наверное, много чего найдется в шкафчике, но соды точно нет. Если его стошнит в туалете, вся компания решит, что советник посольства напился до чертиков. А он практически и не пил. Они с Пьянковым всего лишь пообедали.

Полковник Пьянков много лет служил в штабе Московского округа противовоздушной обороны. Неожиданно в управлении международного военного сотрудничества министерства обороны ему предложили Сирию. Это было еще до начала боевых действий, и полковник немедленно согласился, хотя командировка в любом случае небезопасная и ехать пришлось без семьи. Зато в Сирии хорошо платят, и жизнь — с точки зрения бытового комфорта — прямо-таки генеральская. В его пользование предоставили полностью обставленный коттедж с кондиционером, просторным холодильником, большим телевизором и компьютером, а также машину с водителем. Утренние пробежки из-за жары он

отменил, вместо этого много плавал в бассейне и ходил в спортивный зал.

В последние месяцы, конечно, все изменилось. Разгорелась настоящая война. Зато и платили совсем по-другому. Рассчитывая на боевые, Пьянков хотел остаться в Дамаске еще на один срок. Потому был крайне любезен со всеми, кто мог замолвить за него словечко. Пригласил Червонцева в дорогой ресторан. Щедро угощал.

Помочь ему продлить командировку? Червонцев еще не решил. Кто такой Пьянков? Да никто, без связей и поддержки... Но пообедать Червонцев не отказался. И ресторан-то выбрали хороший! Откуда же там несвежая рыба?

Червонцев собрался с силами и неуверенно вышел из кабинки. Старательно мыл руки и озабоченно рассматривал себя в зеркало. Может, у него с желчным пузырем неполадки? Надо бы провериться. Но некогда. Сейчас надо ублажать министра и присматривать за его окружением. Такое никому не доверишь.

Он не успел домыть руки, как пришлось срочно вернуться в кабинку. С тоской подумал о том, что предстоит продержаться еще целый день. Вечером-то другой большой прием. Но что ему там делать, если его выворачивает наизнанку? И не прийти нельзя! Что товарищи подумают? Да к тому же московские гости!

Дверь мужского туалета с шумом распахнулась. Сидя в кабинке, Червонцев неодобрительно поморщился: кого это еще принесло? Ему сказали, что все сирийские офицеры знают — это туалет только для российских советников. Остальные ходят на второй этаж. Ворвавшийся в туалет вел себя самым хамским образом. Громко стуча тяжелыми башмаками по кафелю, он распахнул дверь сначала одной кабинки, потом другой, наконец приблизился к Червонцеву. Какого черта? Неизвестный так рванул дверцу, что она едва не слетела с петель.

— Что за безобразие! — громко произнес Червонцев. Наверное, кто-то из пьяных сирийских офицеров. Ему говорили, что с началом войны многие из них стали пить, хотя мусульманам и запрещен алкоголь.

— Оставьте меня в покое! — грозно прикрикнул Червонцев.

Он неважно говорил по-арабски. Но полагал, что его голос произведет должное впечатление на пьяницу. Вместо этого ворвавшийся в туалет хам мощным ударом ноги выбил дверь. Еще хорошо, что она не упала на Червонцева, а повисла на одной петле. Самому Червонцеву стало еще хуже, чем в тот момент, когда он, мигом спустив штаны, уселся на унитаза. Прямо на него смотрело дуло автомата, и какой-то бородатый человек сказал по-русски, хотя и с сильным акцентом:

— Выходи!

И Олег Червонцев, который только что с тоской думал, что он никогда не сможет покинуть туалет, подхватил брюки и встал.

Дитер Рольник и другие ворвались в комнату, где находились семь человек. Четверо явно были русскими.

Салим бросился на офицера, сидевшего на диване. Рольник занялся остальными. Он выпустил весь магазин своего автомата. Пули разметали их по комнате. У одного сирийца, сидевшего в стороне, был шанс немного сравнять счет, однако он не сумел быстро взяться за свой калашников и умер с выражением ужаса на улице.

Российский офицер дрался с невероятным ожесточением. Но некому было прийти на помощь. Снизу уже доносились встревоженные голоса. Хотя сирийцы еще не поняли, что внутрь штаба проникли враги, шума оказалось достаточно для беспокойства.

Рольнику стало ясно, что они не уйдут живыми, если промедлят, да еще и потащат сопротивляющегося рос-

сийского офицера. Прикрыв глаза, Салим хладнокровно перерезал тому горло. Вытащил его документы, прочитал с запинками трудную для араба фамилию: «Пьянков».

Но тут Руслан Хамидулин притащил еще одного русского — и почему-то в штатском.

— Зачем привел? — буркнул Рольник. — Кто он такой?

— Какая-то шишка. Можно допросить, — предложил Хамидулин.

— Спроси, сколько здесь русских, — велел Рольник.

Хамидулин приставил нож к горлу русского — для убедительности — и повторил вопрос. Перевел ответ:

— Он говорит, что здесь целая делегация и их министр обороны.

Рольника предупредили, что там может быть большая шишка — и чуть ли не из самой Москвы. Намекали, что располагают ценнейшим источником информации. Рольник не поверил. Выходит, информация оказалась точной... Велел уточнить, где именно находится министр и вся делегация.

— Во внутреннем корпусе, — объяснил Червонцев. — Там безопаснее.

Рольник опять прикрыл глаза, и Хамидулин беспечно перерезал русскому горло. Таково было общее пожелание заказчиков — пусть русские пожалеют, что вмешались в сирийские дела.

Дитер Рольник распахнул окно и посмотрел на соседнее здание. На третьем этаже свет горел во всех окнах. Относительно возможности приезда русского министра обороны он сильно сомневался. Но внутренний корпус штабного комплекса, не видимый с улицы, в любом случае представлял собой отличную мишень. Кто-то там точно заседает. А вдруг и в самом деле какой-то босс из России... Чем черт не шутит... Заказчики останутся довольны.

Подошел Салим, шепнул на ухо:

— Все точно. Там должен быть их министр. К нам поступила такая информация.

— Чего раньше молчал? — буркнул Рольник.

— А вдруг нас обманывали?

Боевики развернули принесенную с собой мобильную ракетную установку. Прицелились в центральное окно. Собрали со стола все документы, карты и фотографии и бросились назад на крышу. Заложили взрывчатку возле лестницы и установили взрыватель. Оставалось пять минут на то, чтобы уйти. Они успели.

Ровно через пять минут пустили ракету. Третий этаж соседнего дома буквально разнесло. Сирийцы решили, что начался обстрел и за первой ракетой последуют другие. В такой ситуации, как правильно рассчитали нападавшие, сирийцы ринутся вон из здания в поисках убежища, и никто Рольника и его людей искать не станет.

Действительность превзошла ожидания. Внутри здания началась нелепая перестрелка. Люди спешно покидали штаб. Рольник, Салим и его люди выскользнули из укрытия и побежали по улице, смешавшись с удирающими в панике сирийцами.

Они заранее заложили взрывчатку и в развалинах дома, в котором укрывались перед нападением. Отбежав на приличное расстояние, Рольник нажал кнопку дистанционного управления, и здание просто рассыпалось. Теперь уже ни у кого из сирийцев не было сомнений в том, что они попали под прицельный обстрел врага.

В условленном месте боевую группу ждал микроавтобус. Рольник с остальными сложили оружие и снаряжение, переоделись. Помолились. Им предстояло вернуться в Бейрут.

— Где Гюнтер? — поинтересовался сидевший за рулем Али. Он курил длинную тонкую сигарету, распространяя запах крепкого турецкого табака.

Салим развел руками — без какой-либо печали. Потери для такой масштабной операции минимальные.

Когда они добрались до Бейрута, Рольник предложил остановиться не в гостинице, а провести пару дней в частном санатории:

— Дорого. Но того стоит. Надо прийти в себя после тяжелой операции.

Все согласились, поскольку стали заметно богаче. И авторитетнее в высшем руководстве халифата.

Немедленно появились врачи. Сразу начались оздоровительные процедуры. Дитер Рольник пришел в отличное расположение духа. И заснул.

ЛИВАН. БЕЙРУТ. САНАТОРИЙ

После полуночи Руслан проснулся, почувствовав, что враг рода человеческого где-то рядом. Сон покинул его в мгновение ока. Он был бодр и свеж и готов действовать.

Все вокруг безмятежно спали, не подозревая, что им угрожает. Да и как они могли бы это понять, если ни один из них не знал, кто охотится за ними! Хотя лучше им было оставаться в неведении! Иначе страх и отчаяние поселились бы в этом и без того не слишком веселом месте.

Понимая всю меру опасности, он все же продолжал считать, что положение не безнадежно. Он-то знает, что противник рядом, и попытается спасти тех, за кем охотятся. Важнее всего не уснуть и сберечь силы для последней схватки с врагами Аллаха.

Руслан осознавал, что в этой борьбе бесконечно одинок. Сколько бы он ни предупреждал тех, над кем нависла опасность, никто не прислушался к нему. Он бессильно пожал плечами: людей губит гордыня. Вдруг

замер: ему показалось, что где-то по зданию идет враг рода человеческого.

Осторожно ступая, он вошел в пустую операционную. Там все было готово к завтрашней работе. Ему нужен был скальпель. И он знал, где его найти. Он любовно перебрал все инструменты и выбрал тот, который пришлось ему по руке. Бог знает, как он отличал один от другого.

Операционные охраняются, но именно в ту ночь немолодой охранник каждые десять минут отлучался, чтобы позвонить домой: у только что родившегося внука болел живот, и охранник тревожился и переживал за маленького.

Руслан беспрепятственно поднялся на третий этаж и с прежней осторожностью двинулся по слабо освещенному коридору. Он не хотел, чтобы его услышала дежурная медсестра. Однако на посту ее не оказалось. Сестра куда-то убежала, путь был свободен. Он и не рассчитывал на такую удачу.

Нужная ему дверь находилась наискосок от стола дежурной медсестры. Та могла вернуться с минуты на минуту. Дымился только что налитый стакан чая, лежала лепешка с сыром и помидорами. В другое время он бы съел лепешку — по ночам он постоянно ощущал голод. Но сейчас ему следовало поторопиться.

Он приоткрыл дверь, ведущую в палату, и остановился на пороге. Здесь лежал только один пациент, о ком в санатории очень пеклись. Ему дали снотворное, чтобы он хорошо выспался, и поставили капельницу. Уровень жидкости быстро уменьшался, и это напомнило Руслану, что время истекает и следует действовать незамедлительно.

Он вытащил скальпель, взятый в операционной, и прикрыл за собой дверь.

Через тридцать секунд дверь распахнулась, и Руслан, сощурившись, вышел на свет. Коридор по-прежнему

му был пуст. Быстрыми шагами он пересек его и исчез на лестничной клетке.

Почти следом появилась дежурная медсестра. Она бегала вниз за салфетками, потому что бестолковая сменщица израсходовала днем весь запас. Спрятав коробку в шкафчик, она поспешила в палату напротив. Главный врач санатория просил не оставлять пациента без внимания — очень важная персона. Заглянув в палату, чтобы проверить его состояние, она вскрикнула.

Капельница пустела буквально на глазах, но спасительный раствор не поступал больному — гибкая пластмассовая трубка была рассечена чем-то острым, бесценная жидкость вытекала на пол. На столике — рядом с бутылками минеральной воды — лежал скальпель. И этим же скальпелем было перерезано горло важного пациента. Не углядела! Она бросилась к телефону — сообщить о смерти иностранца, которого звали Дитер Рольник.

А Руслан, вернувшись в свою палату, лег с сознанием предстоящей ему миссии. Он знал, что враг должен методично уничтожаться, иначе будет еще много жертв. Одолеть врага не просто. Но он уже понял, как это можно сделать. У самой могущественной силы на земле есть слабое место. И как бы хорошо враг ни замаскировался, он его найдет. Эта битва с врагами Аллаха должна завершиться всемирной победой.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

МОСКВА. КРЕМЛЬ

День у президента начался с доклада первого заместителя директора Федеральной службы безопасности. Генерал Лебедев, заменявший своего всерьез заболевшего начальника, был мрачен и не слишком приветлив, чему, впрочем, никто не удивился. Он провел в президентском кабинете двадцать минут и вышел еще более мрачным.

Тут же прозвучал сигнал вызова главного охранника. Когда тот вошел, большой кабинет опустел. Президент после доклада Лебедева удалился в комнату отдыха. Он был без пиджака, в белой рубашке и черном галстуке. Стоя у открытого сейфа с личными бумагами, что-то лихорадочно искал. Не находил. И явно злился.

— Где-то у меня был его телефон, — пожаловался президент.

В руках у главного охранника возникли ручка и блокнот.

— Скажите, как его зовут. Выясним.

Президент рассеянно посмотрел на него.

— Да я и фамилии не помню. В школе у него была фамилия Шубников. А настоящую я потом тоже слышал, да забыл.

Охранник сразу понял, что имеет в виду президент. В разведывательной школе всем давали конспиративные

имена. Называть друг другу подлинную фамилию запрещалось. Во-первых, приучали к конспирации. Во-вторых, пытались ограничить масштаб будущих провалов. Перебежавший к врагу разведчик мог, конечно, опознать однокурсников, но не знал даже их подлинных фамилий. Значит, понял охранник, речь идет о ком-то, с кем президент в молодые годы учился в разведшколе.

— Сейчас сделаем запрос, — с готовностью сказал охранник. — Но это потребует какого-то времени, пока в Ясенево поднимут архивы.

Президент захлопнул дверцу сейфа. Лицо его обрело какое-то странное выражение.

— Знаешь, Виктор, нельзя, чтобы стало известно, что этим человеком интересуется президент. Ты все выясни и быстро... Не сам. Понятно?

Охранник чуть помедлил, ожидая, не последуют ли еще указания. Но лицо президента приняло обычный сосредоточенный вид. Им уже овладели другие заботы. Охранник, стараясь ступать неслышно, удалился.

Дежурный секретарь в первой приемной вопросительно посмотрел на охранника. Тот чуть заметно кивнул. Это означало, что к президенту можно заходить. Секретарь поднялся, захватив тонкую папку. Он должен был доложить хозяину, кто ожидает приема и кто жаждет незамедлительно поговорить с главой государства по телефону. На три срочных звонка следовало немедля ответить. После того, что произошло ночью в Дамаске...

МОСКВА. КРЕМЛЬ

Встречу устроили в одном из пустующих помещений. Президент не хотел, чтобы Шувалова видели в его приемной, записывали в журнал посещений.

Шувалова завели в помпезно обставленную комнату, стерильная чистота которой свидетельствовала о ее необитаемости. У дверей стояли двое молодых людей, еще один сидел в комнате. При появлении Шувалова он встал. Обилие охраны заставило Шувалова насторожиться. Это кому же из сильных мира сего он понадобился?

Если бы он видел, как за час до его приезда тщательно осматривали эту необитаемую комнату, сомнений бы у него не осталось. Сотрудники службы безопасности проверили прочность огромной люстры, безопасность электропроводки. Перевернули и ощупали мебель.

Президент вошел через другую дверь, на которую Шувалов и внимания не обратил. Двигался он энергично, пожал руку, предложил сесть. Сразу дал понять, что торопится. Закинул ногу на ногу, внимательно посмотрел на Шувалова:

— Ты совсем поседел. Хотя шевелюру сохранил.

Инстинктивно дотронулся до своих волос.

— А у меня другие заботы.

Забот у него хватало. Вблизи Шувалов увидел то, что незаметно на телеэкране: темные мешки под глазами, ранние морщины, вообще какое-то ощущение усталости.

— Я вот пытался вспомнить, когда мы в последний раз виделись, — президент сделал вид, что задумался. — На курсах переподготовки в Краснознаменном институте, верно? Еще совсем были молодыми.

Шувалов, к стыду своему, плохо помнил нынешнего президента. Хотя получилось так, что они дважды учились вместе — сначала два года в разведшколе, затем еще на курсах. Но Шувалов учил арабский, трудился на восточном направлении, западников знал плохо. Может, в этом дело. Может, будущий президент в те годы особо не привлекал к себе внимание — качество, важ-

ное в этой профессии. Когда одноклассник внезапно оказался в Кремле, Шувалов пытался нащупать общие воспоминания — безрезультатно.

— Есть одно дело, которым я попрошу тебя заняться, — сказал президент, завершив лирическую часть.

— Я ушел с оперативной работы, — на всякий случай напомнил Шувалов.

— Знаю, Виталий, — нетерпеливо дернул головой президент. — Это личная просьба. Личную просьбу можешь выполнить?

Такого разговора Шувалов не ожидал.

Года три назад с ним связывались прежние коллеги, хотели втянуть его в одну комбинацию. Он поблагодарил — и отклонил предложение. Ушел значит ушел. Теперь же так поступать показалось неуместным.

— Может, хочешь чаю? Или кофе? — спохватился президент.

— Специально для меня не надо. Но составить компанию могу, — дипломатично выразился Шувалов.

Он никак не мог решить для себя, как ему именовать президента. На «ты» — не слишком вежливо по отношению к главе государства. На «вы» — странно, в школе все тыкали друг другу.

Президент сделал движение рукой, и молодой человек в белой рубашке вкатил красиво сервированный столик — чашки с государственным гербом, аккуратная горка печенья. Шувалов охотно выпил чая с молоком. Он ушел из дома не позавтракав — в этот день кусок в горло не лез. Президент до своей чашки не дотронулся; заговорил тихо и медленно:

— Все, что я тебе сейчас сообщу, как ты понимаешь, высшая государственная тайна. Но я даже не буду просить тебя хранить ее, потому что верю тебе. — Президент замолчал. То ли обдумывал, как вести разговор дальше, то ли вспомнил что-то особо неприятное. Глаза

у него потемнели. — Провал, какого еще не было. Кто-то выдал информацию о приезде министра обороны в Дамаск. Говорю «выдал», потому что есть основания считать, что исламистов на него навели. Такого еще в истории нашей страны не случилось.

Президент опять замолчал.

— Ты, наверное, удивился, почему я этим сам занимаюсь. — Он опять крутанул головой. Возможно, хотел выругаться, но это было не в его стиле. — Ты не можешь представить себе, что я испытываю.

Президент заглянул в бумаги, лежавшие у него на столе.

— Вот что уже известно. Сирийские саперы из-под обломков взорванного в Дамаске здания извлекли, помимо наших людей, искалеченный труп человека с европейскими чертами лица. Уже установили, кто он. Немец. Террорист. Присоединился к халифату. Имя — Гюнтер Валле.

— Я его знаю, — сказал Шувалов.

Президент усмехнулся.

— Мне уже доложили. Но это еще не все. За день до этого в Бейруте погибает наш важнейший агент. — Он вытащил из внутреннего кармана пиджака картонную карточку и сверился с ней. — Ее имя тебе тоже известно: Кристина фон Хассель.

Шувалов вздрогнул. Это было имя из прошлого. Он входил в число трех офицеров, которые приняли окончательное решение о ее вербовке.

— Так вот, она предупреждала о возможности теракта против наших людей в Сирии. А за несколько дней до ее гибели в Дамаске внезапно умирает офицер, который ее вел, — полковник Федоровский.

Игоря он тоже хорошо знал.

— Его срочно командировали в Сирию как раз для того, чтобы предупредить теракты, — продолжал пре-

зидент. — А он умер в первую же ночь в Дамаске. — Президент развел руками.

— Как ты понимаешь, с тех пор, как я работаю в Кремле, деталями разведывательных операций мне заниматься некогда. И незачем. Но тут явно происходит нечто чрезвычайное. Вопрос в том, что именно. Или немцы вместе с кем-то провели эту операцию против нас? И концы в воду... Или у нас в Ясенево предательство. Наши люди сотрудничают с халифатом? И думать о таком не хочется. Но... — Вот теперь он посмотрел Шувалову прямо в глаза. — Поэтому я тебя позвал.

Уже не собирается ли он отправить Шувалова с секретной миссией в Дамаск? Это была бы странная идея.

— Ребята из ФСБ, ясное дело, бьют копытами. У них в контрразведке уже есть список подозреваемых. Лебедев утром был у меня. Знаешь его?

Шувалов кивнул.

— Но я не верю, что они найдут предателя, — продолжал президент. — Предал кто-то из своих. Кто где-то здесь, рядом. Какой-то мерзавец, которого я знаю, который, вполне возможно, заходит в мой кабинет, стоит у меня за спиной...

Он замолчал.

Откуда-то бесшумно появился человек в безукоризненно отутюженном костюме, прошептал президенту на ухо что-то неслышное и выскользнул из комнаты. Президент его словно не заметил.

— Я хочу, чтобы его нашли! — Это была, пожалуй, первая фраза, произнесенная с металлом в голосе. Президент встал и прошелся по комнате, разминая усталые мускулы. — Почему ты? Ты знал всех троих. Ты человек, не чужой разведке, но независимый от ее начальства. И главное — в отличие от остальных точно в этой истории не участвовал. Просто не мог... Выходит, из тех, кто

способен разобраться в этой истории, доверять я могу только тебе. Видишь, я с тобой предельно откровенен.

Он остановился и посмотрел на Шувалова.

— Ты молчал, пока я говорил. Теперь скажи, что думаешь.

Шувалов был ошеломлен. Он ожидал чего угодно, но не такого предложения.

— Я ушел из конторы, — напомнил Шувалов. — Да и когда работал, не был контрразведчиком. Я же работал по линии ПР, политическая разведка.

Он подумал, что напрасно расшифровал аббревиатуру, знакомую всякому сотруднику бывшего Первого главного управления КГБ СССР. Политическая разведка была самым важным подразделением в любой резидентуре, и все стремились работать на этом направлении.

Президент улыбнулся:

— Виталий, а как же дело подполковника Сивашенкова? Кто его расследовал?

Вот об этой истории сам президент никак не мог знать. Когда он служил в разведке, это дело было известно только узкому кругу восточников. Значит, он не сам вспомнил о Шувалове, а кто-то назвал его имя. Кто-то, посвященный в ту историю.

— Это была самодеятельность, — заметил Шувалов. — Резидентура тогда осталась без офицера КР.

Подполковника, который представлял в исламабадской резидентуре линию КР — внешнюю контрразведку, пришлось срочно вернуть в Москву после того, как выяснилось, что он берет с наших дипломатов деньги за молчание относительно их сомнительных коммерческих делишек.

И в этот момент завертелась история с подполковником Сивашенковым, связавшимся с пакистанскими

спецслужбами, — хотел заработать перед пенсией. Шувалов получил потом орден Красной Звезды, который ему вручил председатель Комитета госбезопасности и при этом многозначительно пожал руку. Председатель же и попросил орденосца поменьше распространяться о случившемся.

— Представь себе, — устало заметил президент, — у меня под рукой сейчас тоже нет надежного офицера КР. — Он вновь уселся и нетерпеливо спросил Шувалова: — Так как? Я жду ответа. Готов исполнить личную просьбу президента и помочь родине?

Шувалов чуть поморщился. Напоминать о родине было излишним. Он не любил патетических разговоров, которые в офицерском кругу велись обыкновенно по пьяной лавочке. На трезвую голову они просто работали и исполняли свой долг.

— Вот и отлично, — сказал президент, вставая. — В Ясенево есть два человека, которые посвящены в твою миссию. Это директор и генерал Калганов.

Он действительно торопился. Наверное, время для разговора с Шуваловым нашли между двумя какими-то важными мероприятиями.

— Калганова ты должен помнить, — добавил президент, уже выходя. — Он же курировал восточные дела в твои годы, верно?

И новая пауза.

— Знаешь, почему я так хочу, чтобы нашли того, кто сообщил боевикам о поездке министра?

— Предатель должен быть наказан.

Президент посмотрел на Шувалова:

— Потому что я сам должен лететь в Дамаск. Отменить поездку не могу. Должен повидать наших ребят, которые там служат. — Мрачно добавил: — Но не хочу, чтобы мой визит закончился точно так же.

Дверь за президентом закрылась. И как-то сразу исчез столик с чаем, молоком и печеньем, хотя именно сейчас Шувалов с удовольствием выпил бы еще чашку и пожевал печенья. Словно растворилась и многочисленная охрана. Если бы Шувалов был мистиком, он бы подумал, что и разговор с президентом, и секретное поручение — все это ему приснилось.

Но появился давешний офицер. Свернутый плащ он держал в руке.

— Виталий Александрович, мне велено срочно доставить вас в Ясенево. Вы готовы? Или, может, вам что-нибудь нужно?

Любезный офицер вывел Шувалова через тот же подъезд к черному лимузину. Это уже была другая машина. Прежний водитель, вероятно, отправился обедать. Правила остались неизменными: можно оставить без обеда офицера, но только не шофера.

Шувалов плохо представлял себе, к кому в Ясенево он должен обратиться и как, собственно говоря, ему предстоит действовать. Его встречал начальник департамента кадров генерал Кольцов. Он покровительственно похлопал Шувалова по плечу:

— Я же тебе говорил, что к нам вернешься. А ты еще спорил. Ну, кто был прав?

Десять с лишним лет назад Кольцов, тогда еще подполковник, оформлял увольнение Шувалова. Забрал удостоверение и проводил его к выходу, чтобы бывшего сотрудника выпустили.

— В банк, значит, уходишь?

Шувалов кивнул.

— А сколько тебе там платить будут?

Услышав цифру, обиделся и замолчал.

Теперь генерал Кольцов был сама любезность. Подхватил Виталия под ручку, сам повел по территории:

— Ты небось забыл, где что? — Пообещал накормить отличным обедом, но позже. — Директор ждет. — И нашептал на ухо: — Ему надо уезжать, поэтому сказал: как Виталий появится, сразу ко мне.

В начальственный кабинет за все годы службы в разведке Шувалова допустили только один раз — когда его назначили руководителем подразделения и участникам совещания потребовалась срочная справка. Запустили на три минуты. Он исчерпывающе ответил на вопрос директора, и его отправили назад.

Начальником внешней разведки тогда был Иранец — он выдвинулся во время революции в Иране, служил там резидентом. Молодой генерал рассчитывал на большую карьеру, но его, как и многих, погубил август 1991 года.

Иранец проводил его внимательным взглядом, но ничего не сказал. Потом Шувалову передали, что он будто бы понравился начальству. Однако практических последствий вызов к верховному начальству не имел.

Кольцов ввел его к Директору и, робко ступая, вышел. Шувалов не узнал кабинет. Впрочем, здесь сменилось столько начальников, что немудрено. Вместо Иранца появился Академик, который просидел несколько лет. После него — Индус. Его Шувалов знал, встречались на курсах подготовки руководящего состава. Когда появился новый президент, Индусу пришлось уйти. Претензий к нему не было, просто-напросто меняли команду, а он считался человеком Академика.

Нового директора Шувалов прежде никогда не встречал. Еще один западник, с которым у восточников дороги не пересекались. Директор был немногим старше Шувалова, но выглядел куда солиднее. Должность, что ли, придает такую значительность? Директор находился в отличной физической форме.

Все руководители разведки жили рядом в дачном поселке, который в советские времена строился для приема дорогих гостей — товарищей из социалистических стран. Однако товарищам пожить там не удалось. В лесных домиках укрепляли здоровье генералы.

Директор был с Шуваловым откровенен.

— Не стану лукавить. Я и президенту сказал, что не очень верю в успех вашей миссии. Всё должны делать профессионалы.

Шувалов выслушал его с непроницаемым лицом. По крайней мере, предупрежден, что он лицо для конторы нежелательное и ему искренне желают провалиться.

— Но приказ президента будет исполнен, — подтвердил Директор. — Вам выпишут удостоверение, выделят рабочее помещение. Получите доступ ко всем документам, которые понадобятся для исполнения вашего задания. Если возникнет необходимость с кем-то побеседовать, мы это тоже устроим. — Он поднялся из-за стола. — Ко мне вопросы есть?

— Нет.

— Буду нужен — заходите, — сказал Директор, провожая его к двери. — Ко мне или, лучше, к Калганову. Вы ведь его, кажется, знаете?

Директор вернул его под опеку Кольцова, который повел Шувалова обедать.

Столовая в разведке большая. Генералы едят в отдельном зале, все встречаются лишь при входе. Шува-

лов поразился тому, что не увидел ни одного знакомого лица. Значит, действительно прошло много времени. Его ровесники в большинстве своем вышли на пенсию, и только некоторые, став генералами, наслаждались жизнью.

Обед оказался дешевым и невкусным. Впрочем, Шувалов, который по утрам вставал на весы с глубоким внутренним трепетом, предпочитал как раз невкусную пищу. От нее не растолстеешь.

Первым с ним беседовал начальник ближневосточного отдела Орлов, больше похожий на боксера. Он так сжал руку Шувалову, что тот поморщился. Орлов своей силы не сознавал. Слишком огромный для занимаемого им кабинета, он постоянно что-то задевал и ходил с осторожностью.

— Я так понимаю, что вас ввели в курс дела? — поинтересовался Орлов.

То ли вопрос, то ли утверждение.

Шувалов не стал деликатничать:

— Что же там все-таки произошло?

Орлов посмотрел на него с откровенной неприязнью.

— А что, могут быть разные толкования?

— Случайность исключаете?

— Нет. Кто-то сдал наших. И я даже не представляю себе, какие деньги были за это уплачены.

— Кого-нибудь подозреваете? — спокойно спросил Шувалов.

— Список допущенных к информации о поездке министра обороны вам покажут. Список короткий. Все, кто в списке, включая меня, на подозрении.

Орлов встал, задев стол, и графин с водой чуть не полетел на пол. Но Орлов ловко его подхватил.

— Я в отпуск должен был идти, — пожаловался он. — Сдал путевку и билеты. Остался. Если бы уехал, решили

бы, что я собираюсь удрать. Сейчас все равно кто-то в моем личном деле роется. — Он мрачно уставился на Шувалова. — Что еще я вам не рассказал?

Шувалов тоже поднялся.

— Мне нужны личные и оперативные дела...

— Директор уже распорядился, — усталым голосом произнес Орлов. — Вас ждут в секретном архиве. — Он понимающе кивнул:

— Начинать надо... с самого начала.

Курить в кабинетах запрещалось, но Орлов пренебрегал этим правилом. Он свернул пепельницу из листка бумаги, которую не выпускал из рук, и дымил.

— Спасибо, — сказал Шувалов.

Слова Орлова догнали его уже у самой двери.

— Я вам сочувствую. Вы благодарный слушатель, и сейчас каждый второй будет капать вам на соседа, коллегу и начальника. Послушаешь, у нас не один предатель, а целая куча.

Шувалов повернулся:

— Надо понимать, что вы в предателя внутри собственной службы не верите?

Орлов обронил:

— Я вообще ни во что не верю. Я — атеист, хотя это сейчас и не модно.

На то, что Орлов — под подозрением, намекнул главный кадровик службы генерал Кольцов. Он настойчиво предлагал Шувалову начать с беседы в управлении внешней контрразведки.

— Они тебя сориентируют, — убеждал он Шувалова. — Будешь знать, с кем можно откровенничать, а с кем быть настороже. Чьим словам можно доверять, а к кому следует отнестись с осторожностью. А ты сразу к Орлову...

Но Шувалов настоял на своем. Из ближневосточного отдела пошел сразу в секретный архив. Сотрудник архива удивился:

— Дела из особого хранения. Я сам в них никогда не заглядывал. Вы — пятый, кто получает к ним доступ.

Если их было всего пятеро, подумал Шувалов, еще не все так плохо. Хуже, если был никому не известный шестой. Хотя почему же «неизвестный»? Неизвестных тут нет, тут все свои.

В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА

МОСКВА. БАНЯ ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

В бане гостевого загородного дома Службы внешней разведки происходило то, что осторожные сирийские гости именовали товарищеской встречей коллег, а приятно возбужденные русские хозяева называли просто пьянкой с помывкой.

Сирийская делегация из главного управления безопасности, подчиненного непосредственно президенту страны, прилетела в Москву в четверг вечером. В пятницу гости отдыхали. Всю субботу шли деловые встречи, в воскресенье же, дав сирийцам выспаться, хозяева повезли их на секретный загородный объект, известный своей баней и хорошим поваром. Баню соорудили специально для иностранных гостей.

Сирийцев было шестеро. Четверо прилетели из Дамаска, двое постоянно работали в Москве, под крышей посольства. Все как на подбор молодые ребята, кроме старшего — подполковника Абд аль-Хакима. Все хорошо говорили по-русски.

Час плавали в бассейне, затем парились.

В бане было шумно и весело. Сирийцы, с удовольствием вспоминая годы учебы, травили старые анекдоты, старательно и со вкусом ругались по-русски матом, что им самим очень нравилось и что страшно веселило хозяев.

Сирийцы, не выдержав, первыми выползли из парилки. Дольше всех продержался Абд аль-Хаким. Он облюбовал себе верхнюю полку. Наравне с русскими выбегал окунуться в бассейн. Веником умело обрабатывал соседа.

— Здоров парень! — восхищенно прошептал Игорь Федоровский, мускулистый белокурый полковник из управления нелегальной разведки. — Наш человек!

— Он и есть почти что наш, — так же шепотом откликнулся подполковник Маслов, который работал в подразделении, отвечавшем за международное сотрудничество.

Маслов сам служил в резидентуре в Дамаске. Обзавелся пивным брюшком, которое теперь старательно обхаживал березовым веником в наивной надежде похудеть.

Федоровский соскользнул с полки и распахнул дверь:

— Всё, я иду туда, где трудно, а то, понимаешь, водка выдыхается.

Последних выбравшихся из бани встретили приветственными криками и штрафными бокалами. Пиво было свежее, бочковое, а не бутылочное. Водку вытащили из холодильника. На стол вывалили воблу. Абд аль-Хаким, закутанный в простыню, ухватил самую здоровую за хвост и привычно стал бить о край стола.

Федоровский, пригладив жидкие светлые волосы, решительно поднялся. Граненый стакан водки казался крохотным в его огромном кулаке:

— Предлагаю выпить за тесное сотрудничество России и Сирии!

— До дна! — подхватили по-русски сирийцы.

Первые уроки пития они получили в российских военных училищах. Дисциплина там была суровая, но в выходной день выпить не возбранялось. Напротив,

преподаватели желали знать, кто и сколько в состоянии потребить и не потерять контроль над собой. У офицера должны хорошо работать голова, язык и печень, говорили преподаватели.

— Добрая закуска, — с полным ртом пробормотал Маслов.

Он очищал свою тарелку с завидной скоростью.

— Предлагаю тост за наших президентов! — вскочил сирийский майор.

Он лихо осушил стакан и рухнул на стул. Глаза его остекленели. Несколько мгновений сидел не шевелясь, потом вернулся к жизни и полез за закуской, неуверенно тыкая вилкой в тарелку с нарезанным сыром.

Остальные пили за профессиональное сотрудничество, за братство разведчиков, за любимое дело. Последние тосты смогли поддержать уже далеко не все. Двоих молодых сирийцев нежно переложили в мягкие кресла, пылившиеся в углу, и они заснули.

Наравне с русскими пили подполковник Абд аль-Хаким и капитан Шаукат. Абд аль-Хаким расспрашивал москвичей, строятся ли в городе новые мечети. Шаукат, вытирая пот со лба, изъявил желание сыграть на гитаре. Маслов обещал достать гитару.

— Карманов! — окликнул он лейтенанта, который кружку за кружкой глотал пиво, а водку не пил. — Ты почему опять не выпил за здоровье сирийских товарищей?

— Я выпил, — обиженно отозвался стриженный ежиком Карманов.

Он знал, что сейчас услышит, и его пухлое лицо заранее обиженно скривилось.

— Что ты выпил? Пиво сосешь, а настоящие чекисты признают только водку! — оборвал его Маслов. — Какой же ты, к черту, чекист? Переведем тебя в хозяйственное управление или вообще выгоним. На хрен мы тебя вообще сюда взяли, а?

— Оставь ты его. Не скандаль при гостях, — нехотя вступился за лейтенанта Федоровский.

Набравшийся Маслов пропустил его слова мимо ушей.

— Найди гитару, — приказал он.

Карманов встал.

— Здесь нет гитары, товарищ подполковник.

— Не возражать! — отрезал Маслов. — Выполняй приказ. Какой же из тебя, твою мать, чекист, если ты не в состоянии отыскать такую мелочь, как гитару? Шпиона ты у себя в собственной заднице не найдешь.

Все радостно захохотали.

Когда растерянный Карманов вышел, Абд аль-Хаким удивленно спросил Федоровского, проявив исключительное знание русского языка:

— Зачем вы у себя таких охламонов держите?

— Его папа — старый чекист, — заплетающимся языком проговорил Федоровский. — Служил вместе с нашим первым заместителем директора.

Маслов потащил ко рту стакан, но рука предательски дрожала, и половина пролилась на тарелку с жареным мясом.

— Чего мы цацкаемся с этим старьем? — разозлился пьяный Маслов. — Правда, у сирийцев еще хуже. Куда ни придешь, сидят какие-то старперы. Они только тем и занимаются, что о своих прошлых подвигах рассказывают. — Маслов цепко ухватил Абд аль-Хакима за руку.

— Пора от этого старья избавляться. А то страну почти профукали. Это никуда не годится, вот что я вам скажу. Вся Сирия теперь только на нас и держится.

Внезапно встрепенулся Федоровский, который сунул в рот сигарету не той стороной и тщетно пытался ее прикурить, держа спичку у фильтра:

— А я слышал, что у вас теперь все решают иранцы?

Подполковник Абд аль-Хаким отцепил руку Маслова от себя и, повернувшись к Игорю Федоровскому, отчеканил:

— В Сирии все решает наш любимый президент, которому мы все верны как один!

Слова Абд аль-Хакима повисли в воздухе. Мгновенно протрезвевший Маслов первым нарушил неловкое молчание:

— Может, нам, ребята, на воздух выйти? Погуляем? Завтра опять засядем оборудование монтировать, так ничего и не увидите. А во вторник вам уже назад, в Дамаск.

ГЕРМАНИЯ. БЕРЛИН. ТЮРЬМА

Тюрьма, где держали осужденных боевиков террористической организации «Исламское сопротивление», со стороны казалась бетонным чудовищем, начиненным собственной сетью телекамер, и, по словам начальника тюрьмы, гарантировала полную изоляцию заключенных. Здание построили больше ста лет назад, и в нем содержалось почти полторы тысячи человек.

На воротах висел плакат, отпечатанный по заказу Федерального ведомства уголовной полиции: «Чужих здесь не знают. Не каждый приходит сюда с честными намерениями. Поэтому особое недоверие не является невежливостью». Несмотря на строгий тон плаката, немолодые тюремные надзиратели хранили врожденное почтение к адвокатскому сословию и не подозревали, что молодые его представители плевали на традиции и юридические нормы.

Адвокаты свободно приносили своим осужденным клиентам все, что те просили, — от Корана и мобильных телефонов до самодельных электроплиток для приготовления еды.

У сидевших в тюрьме террористов нашлось множество поклонников. В стопке бумаг они вырезали отверстие, в углубление клали передачу, заклеивали и отдавали папку адвокату, которому предстояло понервничать минут десять, пока его впускали в тюрьму.

Шестьсот человек ежедневно приходили и уходили из тюрьмы, в основном это был обслуживающий персонал; кроме того, тюрьму регулярно посещали ремонтники, электрики, врачи, адвокаты и ортопеды.

В обеденный перерыв две молодые женщины предъявили на входе удостоверения адвокатов и потребовали провести их в комнату свиданий.

Удостоверения были поддельными, но пожилой надзиратель этого не заметил. Обе посетительницы преспокойно пронесли в тюрьму два пистолета и автомат в большой сумке, где сверху для вида лежали новенькие папки для бумаг и свежие газеты.

Дитер Рольник принадлежал ко второму поколению бойцов «Исламского сопротивления». Ему было двадцать три года, когда он подложил взрывное устройство под двухэтажное здание клуба на американской военной базе в Германии. Один американский солдат погиб, трое были ранены. Через три месяца Дитера Рольника случайно арестовали во Франции. Вместе с ним задержали несколько его друзей.

Когда французские полицейские стали фотографировать арестованных, те отворачивались от камеры, закрывали глаза и корчили рожи. Темпераментная подружка Дитера еще и укусила двух полицейских, которые пытались ее обыскать.

Серьезный приговор грозил из всех задержанных лишь одному Рольнику. Несколько человек видели, как он закладывал взрывное устройство под здание американского клуба. И поэтому «Исламское сопротивление» в преддверии суда приняло решение немедленно освободить Дитера.

Две женщины с поддельными удостоверениями беспрепятственно добрались до комнаты, где Рольник беседовал со своим адвокатом. Надзиратель попытался вежливо остановить вошедших:

— Вам, наверное, не сюда. Эта комната занята.

Тут одна из лжеадвокатов ударила его по лицу, другая же ворвалась в комнату с криком:

— Давай, Дитер, выходи! — Она сунула ему в руки пистолет. Прикрикнула на адвоката:

— Лезь под стол!

Он безропотно сел на корточки, сложив руки на голове. Перепуганный пузатый адвокат даже не смог сказать, кто ворвался в комнату и загнал его под стол — женщина или мужчина. Когда его допрашивали в полиции, он честно признался: «Единственное, что я видел, — черный автомат, свисавший на ремне».

Дитер Рольник выскочил с пистолетом в коридор.

Стоявший там надзиратель уже пришел в себя и успел включить сигнал тревоги. Рольник схватил второго надзирателя и под дулом пистолета потащил его к воротам. Женщины бросились за ним. Дежурный не хотел открывать дверь, но Рольник прострелил ему ногу, и тому пришлось это сделать.

Одного-единственного выстрела хватило, чтобы лишить надзирателей желания сопротивляться. Рольник и его освободительницы беспрепятственно выбрались из тюрьмы, сели в ожидавшую их машину и исчезли.

Надзиратели попытались связаться с полицейским патрулем, который находился, как выяснилось впо-

следствии, всего-навсего на соседней улице, но из-за плохой радиосвязи у них ничего не вышло. В результате начальнику городской полиции и начальнику тюрьмы из-за громкого побега пришлось подать в отставку.

Исчезнувших преступников принялись искать с утренней энергией. Полицейским удалось найти машину, на которой бежали Рольник и его освободительницы, и квартиру, где они провели первую ночь. На большее следствия не хватило. Рольник и его женщины словно в воду канули. Правительство выразило недовольство всеми, кто занимался розыском. Руководители Федерального ведомства по охране конституции обещали накрыть террористическое подполье, однако обещания не выполнили.

Полиция сумела арестовать только девушку, которая наняла для террористов машину и квартиру. Она отказалась давать показания. Иных преступлений за ней не числилось. Тем не менее Петра Вагнер, скромная девушка с большими серыми глазами, получила пять лет тюрьмы за соучастие в организации побега террориста Дитера Рольника.

В тюрьме Петра изобрела свою стратегию выживания, сохраняя подвижность тела и ума. Часами читала Коран. Писала длинные письма друзьям и нравоучительные сказки для маленького брата, который учился в третьем классе.

В ее камере была электрическая розетка. Ей разрешили купить маленький телевизор и кипятильник, она могла в любое время выпить чай или кофе. Еще ей полагались настольная лампа и вмонтированный в стену радиоприемник с четырьмя программами. Зато ее камера прослушивалась. Правда, по правилам в этот момент в самой камере должна была загораться лампочка. Этот же прибор позволял связываться с надзирателями.

Однажды лампочка загорелась ночью, и неприятный голос проквокал из динамика:

— Что вам нужно?

Петра послала его к черту. Оказалось, аппарат сработал из-за сырости.

Она часто думала о том, что позволила поймать себя исключительно по собственной глупости. И поклялась, что во второй раз ее не возьмут.

МОСКВА. КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА

Неказистый парень даже не забыл преподнести ей букетик ландышей. Он стоял в передней и, едва она вошла, вручил цветы, мгновенно прильнув к ее губам. Она прижалась к нему всем телом и поняла, что он уже готов. Его руки стянули с нее легкий плащ и сцепили в объятиях. Он опустился на колени.

Такого она еще не испытывала. Голова у нее начала кружиться. Только одна мысль преследовала ее: сколько же времени в жизни потеряно впустую.

Он поднялся и стащил с нее платье. Расстегнул брюки, и она увидела, что же скрывает его одежда. Она не могла отвести глаз от этой штуки, которая казалась ей самой замечательной игрушкой, которую только можно придумать. Она вскрикнула от боли, будто ее пронзило огненное копьё. Незаметно боль сменилась чудесным чувством удовлетворения.

— Еще, еще! — кричала она, не слыша своих слов. Только бы это не закончилось.

Он был неутомим. У нее не было даже сил поднять руку.

Полковник Федоровский, не отрываясь, смотрел на небольшой экран. Сидевший рядом с ним техник, молодой лейтенант с редкими рыжими усиками, открыв рот, наблюдал за происходящим.

Лейтенант второй год служил в управлении оперативно-технического обеспечения. Он получал большую зарплату с доплатой за секретность и квартальные премии за то, что всю смену сидел в комнате с наглухо занавешенными окнами, возился с видеотехникой и жизни не видел.

— Ни фигя себе! — не переставал восхищаться он. — Видел, как он ей засадил? Ну, мужик дает! Повезло же парню. Была бы у меня такая штука, разве бы я здесь сидел!

Хладнокровный Федоровский одернул его:

— Не забывай снимать!

Техник отмахнулся:

— Не сомневайтесь, аппаратура работает исправно.

Новое оборудование, созданное Центральным научно-исследовательским институтом специальной техники, функционировало прекрасно. Тайно размещенные в конспиративной квартире этажом ниже магнитофоны записывали даже то, что произносилось шепотом. А специальная аппаратура позволяла еще и наблюдать за происходящим в квартире даже в темноте.

Три аналогичных комплекта новенькой аппаратуры презентовали сирийским товарищам.

Когда конспиративная квартира внизу опустела, техник завистливо сказал Федоровскому:

— Ну, товарищ полковник, такого удальца я еще не видел.

Белокурый Федоровский насмешливо глянул на него:

— А что ты вообще видел, мальчик?

Перевозбужденный техник вознамерился возразить. Но полковник его остановил:

— Ты больше делай и меньше говори. Привыкай держать язык за зубами, а то на нашей службе наживешь неприятностей.

Федоровский подписал все бумаги, зашел в туалет, потом умылся, надел новенькое шерстяное пальто, купленное за границей на распродаже, и ушел.

МОСКВА. ЯСЕНЕВО

Кабинет генерала Ивана Антоновича Калганова был большой и скучный. Другие генералы в Службе внешней разведки старались как-то украсить свой служебный быт. Калганов же ничего лишнего на рабочем месте не держал.

Полковник Федоровский разделся в приемной и зашел к генералу. Калганов указал ему на жесткий канцелярский стул.

— Аппаратура работает безукоризненно. Претензий к конструкторам нет, — доложил Федоровский.

— Хорошо видно?

— И видно, и слышно, — рассмеялся Федоровский.

Генерал недоуменно поднял брови.

— Квартира-то не пустой оказалась, — объяснил полковник.

— А кто там был? — недовольно спросил Калганов. — Это же конспиративная квартира нашего управления. Она, правда, давно не использовалась. Но чужих там быть не должно. Я приказал следить за порядком.

— Вот наш охламон и следит, — Федоровский с удовольствием повторил услышанное от сирийца Абд аль-Хакима звучное словцо.

— Охламон — это лейтенант Карманов? — хмуро переспросил генерал.

— Так точно! Парень водит туда девок как к себе домой.

Федоровский вытащил из папки полученные в фотолаборатории снимки. Раскладывая их на столе перед Калгановым, полковник продолжал бормотать: мол, ничего подобного он никогда не видел.

— Наш охламон оказался просто-таки сексуальным террористом, — подсмеиваясь, доложил Федоровский. — Что он с этой бабой выдeldывал, просто уму непостижимо. И продолжалось это часа два без перерыва. Я не знаю, как она домой дойдет. По-моему, на ногах не держалась. — Полковник захлопнул папку и деловито спросил: — Будем составлять документы на увольнение Карманова или без скандала вернем его в техническое управление? Все равно он в нашем деле ни на что не годится.

Калганов ответил не сразу.

К удивлению Федоровского, который ожидал, что генерал с отвращением отбросит снимки и прикажет немедленно гнать лейтенанта из чекистских рядов поганой метлой, Калганов стал внимательно их рассматривать. Генерал даже достал из стола лупу. Он видел, что полковник следит за ним с удивлением, но никак не реагировал. Закончив изучение фотоснимков, которые можно было смело печатать в порнографическом журнале, генерал Калганов задумчиво посмотрел на полковника.

— Во-первых, заберите из фотолаборатории все материалы и принесите мне. Во-вторых, предупредите техника. Если сболтнет о том, что видел в квартире, пойдет под трибунал. В-третьих, увольнять Карманова не будем. Все ясно, Игорь Мокеевич?

Полковник Федоровский научился тонко чувствовать интонации своих начальников. Он поднялся со стула и вытянулся.

— Так точно, Иван Антонович.

— Можете идти.

Окончательно растерявшийся полковник вышел из кабинета и подумал, что генерал, наверное, тронулся. Его подозрения, вероятно, усилились бы, если бы он знал, что, оставшись один, генерал вновь стал разглядывать снимки. Причем генерала Калганова интересовали отнюдь не прелести незнакомки, как это можно было бы предположить, а мужские достоинства лейтенанта Карманова.

Потом генерал снял трубку внутреннего телефона и соединился с дежурным:

— Найдите лейтенанта Карманова и привезите его ко мне домой на оперативной машине в десять вечера. Знаете мой адрес?

Ответственный дежурный, взяв остро отточенный карандаш, аккуратным почерком прирожденного канцеляриста записал адрес генерала Калганова, заместителя начальника управления нелегальной разведки.

ГЕРМАНИЯ. ГОРОД ДАХАУ

Вместо пяти лет Петра Вагнер, соучастница нападения на тюрьму, провела за решеткой всего один год. Суд высшей инстанции счел приговор излишне суровым. Девушка из хорошей семьи, никогда не нарушала закон, запуталась, попала под дурное влияние, раскаивается, ей преподнесен хороший урок, она твердо настроилась на исправление...

Родители неустанно хлопотали, газеты искренне сочувствовали, умелые адвокаты старались. Словом, ее выпустили за хорошее поведение. К ужасу одних и молчаливому восхищению других, Петра Вагнер, выйдя из тюрьмы, решила, как ни в чем не бывало, вернуться до-

мой. В большом городе ее появление прошло бы незамеченным, но только не в родных местах.

В детстве она стеснялась говорить, где родилась. Потом, напротив, научилась произносить название города с вызовом. Петра Вагнер появилась на свет в Дахау.

Один из первых устроенных нацистами концентрационных лагерей, который принес печальную знаменитость городу, стоял в стороне. На месте лагеря после войны был устроен музей, но горожане туда не ходили. Жители Дахау, баварского городка с более чем тысячелетней историей, утверждали, что в 1933 году они голосовали против нацистов и в создании концлагеря не виноваты.

Когда Петру освобождали, она попросила свою лучшую школьную подругу Кристину фон Хассель встретить ее. Все, кроме собственных родителей, называли Кристину просто Кристи. Она приехала за Петрой на машине.

Подруги обнялись. Петра забросила в багажник битком набитую сумку и плюхнулась на сиденье рядом с водительским. Петра в тюрьме располнела, появился второй подбородок, но черты лица стали жестче. Она стриглась коротко и в своем балахоне была похожа на мужчину.

Выход на свободу подействовал на Петру очень сильно. Она без умолку болтала.

— Едем сразу домой? — перебила ее Кристи.

— Нет, нет, — взмолилась Петра. — Давай остановимся в гостинице, поужинаем, немного выпьем, выспимся, а утром поедем.

Они сняли один номер с двумя кроватями. Петра, забыв о том, что правоверным нельзя употреблять алкоголь, на радостях заказала в номер ужин с шампанским. Она рассказывала о тюремной жизни. При этом не упоминала никаких имен, боясь, что их подслуши-

вают — предположение, которое Кристи восприняла как нелепое.

Ела Петра мало, зато много пила. Лицо у нее покраснело, глаза горели. Шампанское закончилось, и она, не принимая во внимание вялое сопротивление Кристи, заказала в номер еще два мартини. Петра отвыкла от спиртного и быстро опьянела. Кристи, домашний ребенок, воспитанный в строгости, выпила куда меньше, но и ее развезло.

До того дня, когда Петру арестовали, Кристи и не подозревала, что подруга детства занимается чем-то нелегальным. Соседи считали Петру Вагнер послушной дочерью, бесцветной, лишенной интересов и увлечений. Ее отец был успешным юристом и членом городского совета от правящего Христианско-демократического союза.

— Когда же все это началось? — расспрашивала ее Кристи.

Петре хотелось доказать, что она способна какие-то вещи делать лучше, чем мужчины. Деятельная по натуре, она вознамерилась помогать членам боевой организации «Исламское сопротивление», отбывавшим тюремный срок.

Петра и ее соратники переписывались с заключенными. Из этих писем, которые из-за тюремной цензуры были выдержаны в отвлеченном ключе, она многое узнала. Письма критиковали ее за размытость позиции и требовали определенности: или полностью поддерживай «Исламское сопротивление», или отойди в сторону.

Петра постепенно втянулась в работу: подготовка адвокатов для процессов над террористами, сбор пожертвований. Утро начиналось совместной молитвой единомышленников. Потом они просматривали свежие газеты и журналы, делали ксерокопии для заключенных,

подготавливали письма. К ним прикладывались наиболее интересные газетные статьи, рецензии и списки новых книг. Около полудня приходили курьеры с вещами, которые следовало передать в тюрьму. В течение часа они спешно паковали все посылки, и адвокаты отправлялись к заключенным.

Обратно получали указания заключенных. Письма были исчерканы красным карандашом, словно бы их правили школьные учителя. Половина комитета тут же начинала выполнять указания, добывая все необходимое. Заключенные требовали от молодежи дисциплины, настаивали, чтобы Петра и другие глубоко изучали Коран и религиозные книги и присылали им отчеты о прочитанном. Вечером проводились дискуссии на политические и религиозные темы.

Постижение священных текстов рождало ощущение принадлежности к авангарду борьбы за справедливое дело. Петре нравилась такая дисциплина, необходимость подчиняться приказам — все то, что еще недавно она напрочь отвергала.

По вечерам часто говорилось о том, что жить в этой стране возможно, лишь уйдя в подполье и ведя вооруженную борьбу. Обозначенная великая цель избавляла Петру от разочарований повседневной жизни.

Она попала в компанию молодых женщин, которым завидовала, потому что они обрели уверенность в себе, они знали, как вести себя на людях, и их уважали потому, что они занимались этим делом. Они стали ее идеалом, Петра пошла за ними.

Потом ей придет в голову мысль: встретить она в юности кого-то другого, кто произвел бы на нее столь же сильное впечатление, как и члены боевой организации, она пошла бы за ним. А если бы ей встретился мужчина, который полюбил бы ее и захотел семьи, детей, она отказалась бы от политической борьбы. Но она встретила

людей, вовлекших ее в эту борьбу. Она не сопротивлялась, ведь чего ей точно не хватало, так это уверенности в себе...

Лучшей проверкой на преданность группе перед вступлением в нее считалось участие в вооруженном ограблении банка. Будь новичок тайным агентом полиции, он никогда не пошел бы на преступление. Однако Петру приняли без испытания. Ее привел Гюнтер Валле. Это случилось, когда было принято решение, что арестованных и осужденных боевиков «Исламского сопротивления» надо освобождать из тюрьмы любыми средствами. Для проведения боевых операций принялись создавать подпольную группу.

Гюнтер сообщил о Петре людям, которые находились в подполье. Им предстояло решить, брать ее к себе или нет. Они настороженно относились ко всем тем, кто по собственной инициативе пытался войти с ними в контакт. Но Гюнтер был проверенным, своим человеком.

Старшее поколение террористов разработало строгую схему беседы с новичком. Люди в масках, которые разговаривали с Петрой Вагнер в полутемной комнате, исходили из того, что первая встреча — решающая. Важно в первом же разговоре оценить степень решимости новичка идти до конца, волю к сопротивлению, способности и возможности. Может ли она сделать то, что от нее захотят? Готова ли и в состоянии ли физически перенести арест, суд и заключение, если ее поймают полиция?

Ей сразу всё объяснили: чего от нее хотят, какому риску она отныне будет подвергаться, какие меры предосторожности ей придется соблюдать.

Петре говорили, что от соблюдения правил безопасности зависят ее собственная жизнь и жизнь других членов группы, что необходима самодисциплина. И одно-

временно внушали, что ее потребности, надежды, ожидания могут быть реализованы только при участии в подпольной работе.

Через месяц Гюнтер Валле сообщил Петре, что она принята. Встреча с двумя террористами произошла во Франкфурте-на-Майне, возле Центрального вокзала. Все вместе пошли в «опорный пункт» — меблированную мансарду. Здесь Дитер Рольник, возглавивший после ареста старших товарищей «Исламское сопротивление», собрал группу.

— Двое из них и вытащили Дитера Рольника из тюрьмы, — закончила Петра свой рассказ. — А всю подготовительную работу сделала я. Но напрасно не послушалась совета немедленно исчезнуть.

— А куда же ты могла деться? — заплетающимся языком спросила Кристи.

Петра ухмыльнулась, но ничего не сказала.

Уже было поздно, и девушки стали ложиться спать. Утомленная дорогой, вином и рассказами, Кристи буквально провалилась в сон. Он казался чудесным.

Она видела себя в постели с мужчиной. Лица незнакомца ей разглядеть не удавалось, а вот тело было необыкновенно красивое и мускулистое. Совершенно голый, он ласкал Кристи. В ее жизни это происходило впервые.

При этом мягким голосом неизвестный шептал: «Тихо, деточка, тихо. Тебе будет хорошо, очень хорошо. Ты не пожалеешь. Я обещаю».

Руки мужчины нежно гладили ее ноги. Затем принялись за грудь, и Кристи только жалела, что ее девичья грудь такая маленькая. Каждое его прикосновение заставляло трепетать. В темноте она не видела ничего, ощущая лишь влажное прикосновение языка. Кристи почувствовала доселе неведомое ей блаженство. Она начала постанывать и проснулась.

На ней не было никакой одежды, и в постели она действительно лежала не одна. Только... Кристи оцепенела от неожиданности.

Она увидела голову с короткой стрижкой. И вовсе не очаровательного незнакомца. Это была Петра Вагнер, совершенно голая и пьяная. Она посмотрела на Кристи и заплетающимся языком пробормотала:

— Я хочу тебя. У тебя такое тело, такая кожа...

Услышав ее голос, Кристи окончательно пришла в себя. Взвизгнула и вскочила с кровати. Подхватила со спинки стула свои вещи и побежала к двери. Щелкнула выключателем — загорелся свет, заставив ее сошуриться.

— Куда ты? — всполошилась Петра, которая чуть не свалилась с кровати.

— Не подходи ко мне! — завопила Кристи.

Она пыталась одеться, но руки у нее дрожали. Кристи никак не могла надеть блузку и застегнуть юбку.

Голая Петра выползла в коридор. Она прислонилась к косяку и захныкала:

— Не обижайся на меня, Кристи. Я напилась и ничего не соображала. Мне почудилось, что... Понимаешь, у меня же никого не было целый год.

Кристи лихорадочно одевалась. Ее трясло от негодования.

Петра вдруг без слов опустилась на колени. Она заплакала. Этого Кристи не ожидала.

Она без сил присела на деревянный стул возле двери. Некоторое время обе молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Петра по-прежнему стояла на коленях. Кристи, прижав к груди пиджак, пыталась привести в порядок свои мысли. Петра — лесбиянка?

— Прости меня, — монотонно повторяла Петра, — прости, если можешь. Если бы ты знала, что мне пришлось пережить.

Она заплакала.

— Ладно, — устало сказала Кристи. — Забудем, и давай спать. Только по-настоящему.

Петра с трудом поднялась, колени у нее стали ярко красные. Она кивнула и пошла к своей постели.

Засыпая, Кристи стыдливо подумала о том, что, пока она не проснулась, ей было очень хорошо. Как жаль, что она до сих пор девственница и не испытала все это с настоящим мужчиной.

Утром у Петры началась настоящая паранойя. По дороге домой, прямо в машине она стала строчить письма соратникам. При этом постоянно оглядывалась. В какой-то момент ей показалось, что за ними следят. Кристи не успела ахнуть, как Петра щелкнула зажигалкой, подожгла свои письма и бросила горящие бумаги прямо на пол машины.

Кристи нажала на тормоза так, что они обе чуть не вылетели из машины через ветровое стекло.

— Ты с ума сошла! — Кристи топтала ногами горящие бумаги.

Петра пыталась ее остановить.

— Ты что, не видишь? Нас преследуют! Надо немедленно уничтожить эти бумаги, а то меня опять упекут за решетку.

Машина Кристи чуть не загорелась, и тут мнимые преследователи остановились, чтобы любезно спросить, не нужна ли девушкам помощь и не прислать ли пожарных.

Кристи довезла Петру до дома и поспешила распрощаться с подругой детства. Она устала и хотела отдохнуть. К тому же у нее дома вставали очень рано, и ей нельзя опаздывать к завтраку. Родители не видели ее несколько месяцев, пока она сдавала экзамены.

Прежде чем Кристи успела отстраниться, Петра смачно поцеловала ее в губы и радостно сказала:

— Увидимся завтра.

Рюмочка вишневой водки — вот и все излишества, которые позволял себе старший фон Хассель по воскресеньям.

Завтрак отца состоял из неизменной булочки, слегка намазанной маргарином, двух тоненьких кусочков ветчины, большой чашки кофе с молоком. В доме не принято было тратить деньги на еду. Мать пила кофе и съедала кусочек хлеба с клубничным джемом собственного изготовления. Кристине полагалась детская диета — тарелка с кашей и йогурт без сахара.

— Что за мотовство? Нам это не по карману, — ворчал отец, когда мать приносила из супермаркета несколько помидоров, яблоки и овечий сыр.

Сладкое покупали только в праздники. Но Кристина из-за этого не страдала. Высокая, спортивная девушка, она каждый день плавала в бассейне, играла в школе в волейбол и не скучала без конфет и печенья.

Отец не был скупым, просто считал, что деньги можно использовать с большей пользой. Летом Кристина, помогая на ферме, что-то зарабатывала и сама покупала большой кекс с цукатами, апельсины и бананы. Когда она гордо приносила домой кульки, он посматривал на дочь неодобрительно.

Кристи обнаружила, что в родительском доме ничего не изменилось. В столовой, как всегда по воскресеньям, царил полная тишина, только сквозь открытое окно доносился звон колоколов. Лето было на излете, но еще стояла чудесная погода. Допив кофе, отец развернул газету.

Он сидел в белой рубашке с накрахмаленным воротничком. Воротнички — это была забота матери. Отцовские рубашки в прачечную не отдавали. Собственно, он знал, что выглядит старомодно, что давно наступили

иные времена и даже его сверстники сильно изменились. Но ему не хотелось меняться. После того как удалось получить работу на почте, все пошло на редкость хорошо. А от добра добра не ищут.

— Пойдешь купаться? — спросила мать, собирая посуду со стола. На ней был старенький, безусловно чистый передник.

Двое старших сыновей давно покинули родительский дом. Один преподавал топографию в военной академии, другой служил в банке. Теперь мать с грустью следила за тем, как дочь становится взрослой. Умная и талантливая, в родном городке не останется, переедет в большой город, значит, родителям суждено стареть вдали от детей.

Кристина поступила в университет во Франкфуртена-Майне. Сначала жила у брата, потом перебралась в общежитие. Приезжала только на каникулы. Но учеба закончена. Может быть, дочка вообще последний раз в отчем доме? Найдет себе работу и приезжать не сможет.

— Нет, мамочка, — сказала Кристина, — пойду собираться. Скоро на поезд.

Она попросила у отца разрешения встать из-за стола. Погруженный в газету, он неопределенно буркнул, что было сочтено согласием.

Кристина оглядела себя в зеркале и в целом осталась довольна. Стройная, высокая, с длинными волосами, правильными чертами лицами. Только, пожалуй, слишком худая, и очки ее как-то сушат.

Кристи совсем не походила на своих одноклассниц и подруг, которые мечтали поскорее уехать подальше от дома. Когда Кристи поняла, что у нее есть собственные планы на жизнь, она задумалась: а как же мама?

У мамы все было просто. Если Кристи не успевала вовремя накрыть на стол, то рисковала остаться без

обеда или ужина. Девочкой она училась играть на двух музыкальных инструментах — на пианино и на еще одном по собственному выбору.

В половине шестого вечера Кристи следовало возвращаться домой — никаких игр с подружками в позднее время. До ужина и после ужина — приготовление уроков. Свет в ее комнате гасился ровно в десять часов. Однажды Кристи попыталась объяснить матери, что солнечный свет идет до Земли восемь минут, поэтому она имеет право читать в постели не до десяти, а до восьми минут одиннадцатого.

Познания дочери порадовали родителей, но свет был выключен ровно в десять. «Я строга с тобой, потому что люблю тебя», — объясняла ей мать.

Накануне выпускного вечера они с мамой несколько раз ездили в магазин, где придирчиво изучали современные фасоны. А по возвращении домой мама садилась кроить платье из старого отреза. У хорошей хозяйки ведь ничего не пропадает. И нет смысла тратить деньги на то, что можно сделать самой.

Мама шила хорошо, однако в выпускной вечер Кристи с огорчением увидела, что другие девушки пришли в модных платьях, купленных в дорогих магазинах.

Когда Кристи уезжала в университет, мама спустилась в кухню раньше обычного и приготовила большой завтрак. Она настояла на том, чтобы Кристи поела как следует, — это было последнее, что она могла сделать для своей дочери, которая уходила из родительского дома в самостоятельную жизнь.

А Кристи накануне отъезда позволила себе первую вольность в родительском доме. Поздно вечером, когда шел дождь, она вдруг выскользнула из комнаты на улицу. Лило как из ведра, а Кристи все стояла не двигаясь. Дождь стучал по ставням. Наступила ночь — черная и теплая. Кристи подняла руки, и дождевые капли

потекли ей под рукава. Ей нравилось стоять возле дома. Перед сном она любила выйти на улицу и посмотреть в окна. В гостиной, склонившись над газетой, сидел отец.

Кристи поняла, что прежняя жизнь закончилась. Ей доставляло удовольствие стоять босиком на мокром песке. Она надеялась, что это достаточно прочная почва для ее новой жизни.

Мать вышла на крыльцо и увидела, что Кристи стоит под дождем.

— Промокнешь. Немедленно иди домой! — встревожилась она. — Лучше ничего не могла придумать?

Кристи с нежностью смотрела на маму, стоявшую под навесом.

— Марш в ванную!

В ванной Кристи сбросила мокрое платье, намылилась и погрузилась в горячую воду — чертовски горячую. Кристи почему-то представила себя на студенческой вечеринке, где ребята наперебой приглашают ее танцевать. Придется им отказывать, ведь она не любит танцевать. Это то, о чем однажды с ней говорила мама: «Как же ты собираешься делать то, что тебе не нравится, но что делать все равно придется?»

На первом курсе профессор сказал ей: «Кристи, не пытайтесь кому-то подражать. Вы не похожи на других девушек на курсе, сохраните в себе эту самостоятельность».

Окончив университет, Кристи разослала заявления с просьбой о приеме на работу в несколько мест и теперь ждала ответа. Она не сомневалась, что легко найдет себе подходящее дело. Профессора восторгались ее способностями, она знала несколько языков, в том числе русский и арабский, и у нее были организаторские способности. А пока она вместе с группой выпускников уни-

верситета отправлялась в Москву на международный семинар. Там собирались обсуждать положение женщины в современном мире. Кристина очень хотела посмотреть Россию.

Перед отъездом она зашла попрощаться с Петрой. Но заплаканные родители сказали ей, что дочка, не успев толком с ними поговорить, исчезла.

Неужели ее школьная подруга опять ушла в подполье? Тогда они больше никогда не встретятся, подумала Кристи.

ГЕРМАНИЯ.

ВИЛЛА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОРОДСКОГО СУДА

Кристи не ошиблась в своей подруге.

Петра Вагнер стояла в последнее воскресенье июля с пышным букетом красных роз перед виллой председателя городского суда Юргена Конто, студенческого друга ее отца. Ее сопровождали два молодых человека в новеньких костюмах, державшие в руках сумки. Они широко улыбались и старались выглядеть непринужденно. Одним из них был Гюнтер, старый знакомый Петры. Это он привел ее в подполье. Второго звали Фрицем.

Его отец-автомеханик эмигрировал в ФРГ из Ирака, нашел здесь работу и был счастлив. А вот сын переживал, что семья утратила связь с исторической родиной, о которой, впрочем, он имел весьма слабое представление. И презирал отца, полагая, что тот поддался слабости и переехал на Запад. Родители не были религиозны, Фриц же углубился в ислам — из чувства протеста и чтобы обрести себя в обществе, которое считал чужим. Ему хотелось слышать о преимуществах исламской культуры перед западной, о ее большей духовности:

— Даже если американцы высадятся на Марсе или облетят Млечный Путь, счастье, мораль, возвышение души не будут им даны.

Он находил ответы на многие волнующие его вопросы в мечети, куда стал часто наведываться. Здесь ему шепнули, что есть люди, которые намерены восстановить разрушенный крестоносцами халифат. Он объединит множество стран и будет расширяться, пока не охватит все и вся. Ему объяснили, что греховный христианский мир заслужил гибель. И долг правоверного — выступить на борьбу с неверными:

— Настало время джихада, настало время обнажить меч, который послал нам пророк. Пусть неверные научатся уважать мусульман! Аллах разрешает нам отвечать ударом на удар, использовать то оружие, которое используют наши враги. Они убивают наших женщин — мы убьем их. Ислам не делает различия между военными и гражданскими. Ислам различает правоверных и неверных. Неверных надо убивать всех, — почти задыхался Фриц.

Когда на Фрица обратили внимание сотрудники Федерального ведомства по охране конституции и его поставили на негласный учет, в мечети ему посоветовали: «Не ходи к нам пока. Запишись в спортивную секцию. Через полгода твое дело закроют, и вернешься к нам».

Фриц ждать не захотел. Он нашел себя в кругу боевиков «Исламского сопротивления». Его уже задействовали в двух операциях: он звонил по телефону семье похищенного и необыкновенно вежливо требовал выкуп. А еще заказывал в похоронном бюро гробы и просил доставить их домой представителям крупного бизнеса, которых считал врагами. Он повторял, что стать настоящим мужчиной — значит быть готовым умереть за ислам: «Мы хотим быть достойными своих предков и уничтожим всех, кто противостоит закону Аллаха».

Петру Вагнер в доме судьи знали, и дверь перед ней и ее спутниками гостеприимно распахнулась, тем более что она заранее по телефону предупредила о своем приходе.

Даже после громкого процесса и тюрьмы она оставалась для семейства судьи прежней маленькой Петрой, которая когда-то играла с детьми самого Конто. Со времени ее ареста судья не только не отвернулся от своего старого друга, но и неофициально принял в судьбе Петры большое участие. Ее досрочное освобождение не состоялось бы без его советов.

Похитить судью предложила сама Петра. Он заслужил такое, потому что отправил в тюрьму трех исламистов, пойманных с оружием в руках. Дитер Рольник, ставший лидером группы, с восторгом принял ее предложение.

Подпольщики сидели на полу, застеленном потрепанными матрасами, в квартире, которую им снял один из сочувствующих. За недели вынужденного безделья они обленились и опустились; мужчины перестали бриться, женщины — причесываться. В группе было семеро мужчин и три женщины, в основном недоучившиеся студенты из приличных семей.

Во всех подпольных группах число женщин было меньше, чем мужчин. Дефицит женского внимания дурно влиял на подпольщиков. Они становились злыми и агрессивными. Дико завидовали тем, кому достались немногие единомышленницы.

Дитер Рольник разрешил в своей группе свободную любовь, запретив о ней рассказывать, поскольку это противоречит принципам ислама. В простых выражениях он объяснил трем участницам, что в особых условиях подполья им придется отвечать взаимностью всем, кто из группы этого пожелает. Соратницы согласились — ради общего дела. Им, правда, приходилось спать мень-

ше остальных, зато ночью в квартире, где обитала группа, царили покой и согласие.

Авторитет Рольника был непререкаем. Высокий, мускулистый и нервный, он казался воплощением настоящего борца. Когда утром он шумно умывался в ванной, не прикрыв двери, все видели, что у него спина и руки покрыты татуировками.

Рольника оценили после того, как в Целле он спустился на надувной лодке по реке и заложил взрывчатку в стену тюремного управления. Он взорвал заряд с помощью 400-метрового зажигательного шнура. Взрывчатка проделала в железобетонной стене дыру в полметра. Найти Рольника полиции не удалось. Он исчез из города, изменил внешность и разжился новыми документами.

Дитер Рольник при всех расцеловал Петру. В постели она ему не нравилась — пресная, к тому же он предпочитал более стройных. Но спал со всеми тремя по очереди, чтобы поддерживать хорошие отношения в группе. Предложение похитить судью пришлось ему по вкусу. Он раздобыл два армейских автомата со сбитыми заводскими номерами. Отобрал двоих в сопровождение, дал им денег, велел постричься и купить приличные костюмы.

— У Юргена Конто в воскресенье день рождения, — вспомнила Петра. — Я могу зайти его поздравить. Раньше я так всегда делала.

Утром в воскресенье Дитер отвез ее на мотоцикле в кафе на другой конец города. Заказал ей кофе, кусок торта и взбитые сливки, которые она очень любила. Когда официантка в кружевном передничке приняла заказ, Дитер небрежно спросил, где телефон. Петру провели в закуток с телефоном-автоматом. В городском справочнике значился номер судьи Конто. С годами она забыла его, и теперь пришлось свериться.

— Дядя Юрген? — преувеличенно радостным голосом произнесла она в трубку, когда ее соединили с судьей. — Это Петра Вагнер. Примите поздравления с вашим днем рождения. Я хотела бы заглянуть к вам на минутку.

Повесив трубку, Петра несколько секунд продолжала стоять у автомата. Она тупо смотрела на табличку с номером, по которому можно было бесплатно соединиться с полицией. И тут Дитер Рольник твердо взял ее за руку, уведя за собой.

К кофе он заказал рюмку шнапса, заставив ее выпить залпом. Алкоголь в группе был запрещен. Но когда идут на акцию, обычные правила перестают действовать.

В четыре часа дня, сжимая в правой руке букет роз, купленный предусмотрительным Рольником, Петра Вагнер стояла у ворот дома судьи Конто. Она нажала кнопку переговорного устройства и назвала имя. Судья нажал кнопку, чтобы открыть калитку, и вышел встретить дочку своего старинного друга.

Высокий и статный судья прихрамывал и шел медленно, опираясь на палку с фигурной ручкой. От дома к калитке вела выложенная красным кирпичом лужайка, с обеих сторон обсаженная цветами. Когда-то у судьи была пышная шевелюра, к старости он изрядно облысел, хотя по-прежнему выглядел в высшей степени импозантно.

Очков судья не носил и еще издали, увидев Петру, приветственно помахал ей рукой. Он думал о том, что дети часто огорчают родителей, и искренне сочувствовал своему студенческому другу Вагнеру. Петра была таким очаровательным ребенком. Почему она позволила дурной компании увлечь себя?

Петра в ответ тоже неуверенно помахала судье букетом роз.

ГЕРМАНИЯ. КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ПОДПОЛЬЯ

Петра Вагнер не была уж столь кровожадна; просто она считала, что пережитки буржуазной морали должны быть забыты.

Она записалась в местный педагогический институт. В свободное время ухаживала за тяжелыми больными в хирургическом отделении городской больницы, трогательно заботилась о парализованных. Все вокруг считали ее необыкновенно чувствительной. Она мечтала посвятить себя больным малышам и даже устроилась работать в приют для неполноценных детей. Она вовсе не собиралась никого убивать. Но ей показали потрясшие ее видеокадры — дети, погибшие в результате применения химического оружия правительственными войсками президента Башара аль-Асада. Милосердная студентка не спала всю ночь. Утром она пришла к Дитеру Рольнику со словами: «Я хочу их спасти. Весь мир молчит, видя эти преступления. Мы должны наказать всех пособников зла».

Когда Петра ушла в подполье, ее мир сжался до размеров группы подпольщиков. Если те одобрили какую-то акцию, значит, она справедлива и моральна. Вычеркнув из своей жизни родных и друзей, они полагались лишь на самих себя. Не только Петра, все полностью зависели от группы и должны были приспособиться к нелегальному образу жизни, отказаться от собственных нужд, интересов и желаний.

Каждый вечер перед ужином Дитер Рольник устраивал религиозные и политические занятия в группе. Участие вменялось в обязанность всем. Он учил распознавать врага, которого предстояло сокрушить. Во враги попали полицейские, судьи, предприниматели, государственная власть как таковая.

— Знаешь, совсем недавно до меня дошло, что иудаизм и христианство — неудачные версии ислама, который является совершенной религией, — убежденно говорил Фриц. — Правоверные должны занять ведущее место в мире. А оно за другими. Значит, мир устроен несправедливо. Все дело в том, что европейцы обманом и хитростью завоевали наш мир. Ведь еще в семьсот пятнадцатом году мусульмане создали огромную империю от Испании до Индии. Но потом христиане невиданно вооружились и пошли в поход на нас. Тяжелейшим ударом стала высадка войск Наполеона в Египте и та легкость, с которой он завоевал исламское государство.

Как преодолеть отсталость? Говорят: надо использовать западные достижения, следовать примеру Запада. Правильный ответ иной: мусульмане отстают от Запада, потому что они плохие мусульмане. Недостатки и неудачи современных исламских стран вызваны тем, что мы переняли чуждые понятия и обычаи. Отдалились от истинного ислама и утратили бывшее величие.

Знаете, что произошло? Мы владеем священной истиной, а нас представляют угрозой для всего мира. Мы должны держаться твердо. Надо строго соблюдать шариат. Религия — единственное, что у нас есть. Если на вас напали, а у вас в руках вилка, вы станете драться вилок. Ислам — орудие достижения исторической справедливости.

— Всемирный халифат создаст общество, основанное на равенстве и справедливости, — внушал им Дитер Рольник. — Мы должны помочь приблизить этот счастливый момент. Разрушая государство, которое сеет смерть и несет миру несправедливость... Человек в форме — свинья. Он не человеческое существо. Бессмысленно разговаривать с этими людьми, применение оружия позволительно.

Пересмотр привычных норм происходил легко — буржуазные ценности отвергались, зато принималась новая мораль группы. Слов «террор» и «террористы» они тщательно избегали. К тому же члены группы боялись показаться трусами или недостаточно надежными в борьбе за халифат, пытаясь доказать друг другу свои боевые качества.

Когда судья Конто, улыбаясь, подошел к Петре Вагнер и дружески протянул ей руку, оба молодых террориста неожиданно выхватили из сумок автоматы. Они гордились первым боевым заданием. Раньше они совершили только нападение на полицейского, чтобы завладеть его пистолетом, и ограбление небольшой сберегательной кассы. Они признавали Петру Вагнер за старшую, потому что та уже поучаствовала в настоящем налете на тюрьму.

Дитер Рольник поручил им взять судью в заложники, чтобы обменять его на товарищей по борьбе, сидевших в тюрьме. Это было справедливым делом. И до смешного легким. Они не сомневались, что, увидев оружие, старый крючокотвор струсит: эти свиньи способны быть храбрыми только у себя за судейским столом, под охраной полиции.

Но судья Конто не испугался. Он не закричал и не побежал, а попытался вырвать автомат у Фрица, стоявшего рядом с ним. От неожиданности Фриц забыл, как ему следовало действовать, и только изо всех сил ухватился за приклад.

Петра в изумлении смотрела на них. Второй из террористов — Гюнтер — решил, что судья уже завладел оружием, и нажал на спусковой крючок своего автомата, содрогнувшегося у него в руках. Гюнтеру даже не надо было целиться. Очередь в упор распорол судью Конто, и он рухнул на дорожку. На Петру словно

столбняк нашел. Она смотрела на окровавленного судью и молчала. На звук выстрелов из дома выскочили какие-то люди.

Первым очнулся Фриц. Он схватил Петру за руку и потащил за собой. Подхватив оба автомата, за ними бежал Гюнтер. Машина ждала их в условленном месте. За рулем сидел Рольник. Увидев, что судьи с ними нет, а Петра в невменяемом состоянии, он просто рванул машину с места.

Богатое уголовное прошлое научило его правильной реакции. Он ничего не спрашивал до тех пор, пока они не оказались в безопасном месте — это была квартира, которой они еще ни разу не пользовались. Рольник снял ее через верного человека, чтобы держать здесь судью Конто. Заранее доставил сюда несколько кроватей, забил холодильник едой.

Первым делом он вытащил бутылку шнапса и протянул Фрицу и Гюнтеру. Петру же заставил проглотить несколько таблеток снотворного и повел в комнату. Ее била дрожь. Дитер Рольник умело раздел ее и уложил. Скинул с себя рубашку и джинсы и лег рядом. Он вошел в нее сразу без подготовки. Ей было больно, она закричала и попыталась оттолкнуть его. Дитер лишь крепче к ней прижимался. Ей казалось, что внутри нее работает какая-то мощная машина.

Она продолжала сопротивляться и отталкивать Дитера. Ей никогда не было по-настоящему хорошо с мужчинами. Но сейчас она нуждалась в близости сильного и надежного мужчины, который вонзался и вонзался в нее. Она обхватила его худые бедра своими ногами, а он обнял ее. Наконец ее словно сотрясла мощная судорога. Она хотела сказать что-то членораздельное, однако снотворное подействовало, ее руки и ноги ослабели, и она провалилась в сон.

Только тогда Дитер остановился. Он даже не позаботился о себе. И не испытывал никакого желания. Он просто выполнял свой долг как руководитель группы. Одевшись, вышел в другую комнату, где Фриц и Гюнтер глотали неразбавленный виски. Дитер Рольник умылся и тяжело опустился на расшатанный стул.

— Рассказывайте, придурки, что вы там натворили, — приказал он.

Через несколько часов по радио передали сообщение о покушении на судью Юргена Конто. Он был смертельно ранен в шею и спину и через несколько часов скончался в больнице. У полиции не было никаких версий. Судье никто не угрожал, и с тех пор, как он вышел в отставку, ни у кого не было никаких оснований желать его смерти. К концу дня сообщение о покушении на судью Конто дополнилось информацией о розыске Петры Вагнер, судимой, подозреваемой в соучастии в убийстве.

Подумав, Рольник не так уж сильно огорчился. Он добился своего — его группа прославилась. Он просто не станет никому говорить, что собирался похитить судью. Скажет, что с самого начала решил казнить Юргена Конто. Убийство судьи поставит Рольника в один ряд с самыми знаменитыми боевиками «Исламского сопротивления».

Так и получилось. Старшие товарищи, сидевшие в тюрьме, написали специальную листовку. Они поддерживали Дитера Рольника.

«Мы мертвого судью оплакивать не станем, — говорилось в листовке. — Мы радуемся его казни. Эта акция была необходима, потому что она показала каждой судейской и чиновной свинье, что и он — и уже сегодня — может быть привлечен к ответственности. Эта акция была необходима потому, что она положила

конец разговорам о всемогуществе государственного аппарата».

Единственное, чего Рольник не знал, — это что делать с Петрой. Она никак не могла прийти в себя. Он разговаривал с ней целыми днями.

— Если кто-то из заложников сопротивляется или не желает немедленно выполнять приказ, он должен быть убит, — внушал ей Рольник. — И это не имеет ничего общего с убийством, это военная необходимость, возникающая в политической борьбе. Мы ведем войну с фашистским режимом и должны считать себя солдатами. Убийство политического врага — не только необходимость, но и наш моральный долг. Именно так ты должна оценивать происшедшее.

Старался он напрасно. Петра его слушала и не слышала. Она не то чтобы не принимала его аргументов или спорила с ним. Просто замкнулась в себе.

Дитер пробовал разбудить ее в постели, но она больше не откликалась на движения его тела. Лежала недвижимо, и у Рольника появлялось ощущение, будто он спит с трупом. Он гордился тем, что способен любую женщину заставить кричать от восторга. Неудачный опыт с Петрой его испугал, и он больше не предпринимал таких попыток. Остальные ребята давно обходили стороной ее постель. Они сначала сочувствовали Петре, потом стали тяготиться ее присутствием.

Особого порядка в конспиративной квартире никогда не было, но после произошедшего с судьей Петра окончательно распустилась. Она не меняла одежду. Мылась только тогда, когда ее силком отправляли в ванную комнату.

Дитер Рольник забеспокоился: присутствие Петры в группе становилось разрушительным. Ему надо было как-то избавиться от нее.

КВАРТИРА НА ЛОМОНОСОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Какое это счастье — соблазнить мужчину! Повалить его на кровать, оседлать и подчинить своему телу и ритму, слышать, как учащается его дыхание, как он начинает постанывать, как вопль удовольствия вырывается из его горла.

Какое это счастье — заставить мужчину испытать настоящее наслаждение в постели!

Кристина вовсе не желала оставаться робкой и покорной ученицей в этом классе. Едва познакомившись с самим предметом, она поспешила освоить высшие ступени. Ей нравилось не просто получать, а брать. Она сама хотела соблазнять, заставляя мужчину чувствовать желание и удовлетворять его. В постельной игре Кристи сделала заявку на равное партнерство.

Она хранила девственность до двадцати двух лет. Сверстницы уже посмеивались над ней. А Кристи никак не могла решиться. Она легла в постель с мужчиной, который по-настоящему увлек ее. И не ошиблась. Она не узнавала себя. Совершенно не ожидала от себя такой прыти. Вела себя в постели как взрослая, умудренная опытом женщина — вовсе не как робкая девушка, потерявшая невинность три дня назад.

Но Кристи понимала, чья это заслуга. Она с нежностью и гордостью смотрела на Алексея, когда он похрапывал рядом с ней. Вот кто пробудил в ней настоящую женщину. Подарил ей освобождение от девичьих страхов и переживаний. Вот тот, кто сделал ее счастливым человеком. Самый потрясающий любовник в мире!

И она всегда будет любить его.

Только на обратном пути, в поезде, Кристи перевела дух и попыталась осознать, что же с ней произошло.

Все случилось так стремительно. Она поехала в Москву на неделю, чтобы участвовать в международном научном семинаре, а вместо этого попала в милицию и...

Столица России встретила Кристи хорошей погодой и любопытными взглядами москвичей, которые безошибочно распознавали в ней иностранку. Конференция работала с утра и до обеда. Вечером участниц везли в театр. А до вечера Кристи была предоставлена сама себе. Она могла спать сколько угодно, гулять и вообще делать все, что ей заблагорассудится.

Кормили Кристи необыкновенно вкусно. В воскресенье переводчица немецкой делегации пригласила ее в гости, и она попробовала угощение, какого не раньше и не видела. Можно было подумать, что хозяйка наготовила на неделю вперед. И при этом никто из присутствовавших не говорил о том, как теперь все дорого стоит и что приходится во всем экономить. Кристи москвичи понравились. Они были очень сердечными и приятными в общении.

В воскресенье она встала очень рано и целый день ходила по городу. Погуляла по центру, дошла до Кремля. Кристи признала, что город летом прекрасен. Московское лето почему-то вызвало у нее ассоциацию с длинноногой блондинкой с белоснежной кожей и большими голубыми глазами.

Ей понравился этот долгий теплый вечер. Городские огни вспыхнули на фоне еще почти светлого неба. Зелень деревьев отражалась в прудах. Правда, Кристи рассказывали, что особенно хороша Москва зимой, под серым облачным небом. В Москве бывает настоящая зима с крепким морозом и хрустящим снегом, а не привычная немцам атлантическая слякоть. Но и летом совсем неплохо.

Переводчица, которая просила называть ее Машей, разобрала подарки, принесенные Кристи, и осталась довольна. Она долго расспрашивала ее о родителях, о будущей работе. Муж Маши, Валера, тощий как спичка, с морщинистым лицом, сказал, что работает инженером в городском автобусном парке.

За столом Кристи сидела рядом с пожилым журналистом, который опрокидывал рюмку за рюмкой и чувствовал себя превосходно. Он следил за тем, чтобы не пустовал и бокал его соседки. Кристи попробовала домашнюю вишневую наливку и не нашла в себе силы отказать от терпкого напитка. Журналист в клетчатом пиджаке лихо произносил кавказские тосты, после которых невозможно было отказать выпить.

Другим соседом Кристи оказался молодой человек лет тридцати с небольшим. Он был одет в хорошо отглаженный костюм устаревшего фасона. Незнакомец явно любил поесть, о чем неопровержимо свидетельствовал откровенно выпирающий животик.

Молодой человек, скромно улыбаясь, взял на себя задачу накормить Кристи до отвала. Он перепробовал все, что было на столе, и угощал соседку самым вкусным. Когда дошло дело до десерта, Кристи была уверена, что уже ничего не сможет съесть. Но тут Маша принесла с кухни большой домашний торт. Устоять перед искушением Кристи не смогла.

Молодой человек съел кусок, с комическим ужасом посмотрел на свой округлившийся животик и все же потянулся за второй порцией.

Журналист в клетчатом пиджаке перешел на коньяк и еще доброжелательнее смотрел на юных соседей.

— Вы женаты, юноша? — спросил он молодого человека.

Тот покачал головой.

— А вы? — обратился он к Кристи.

— Увы.

— А я был, — поведал журналист. — Четыре раза. Первая и третья были женщинами.

— А вторая и четвертая? — поинтересовалась Кристи.

— Скорее мужчинами.

— Как же вы так промахнулись? — Кристи рассмеялась.

Молодой человек подмигнул ей. Он помалкивал и следил за их диалогом.

— Не сразу сумел отличить, — признался журналист. — Они были слишком красивые. — В его голосе чувствовалось раскаяние.

— От первой и третьей я ушел. А вторая и четвертая бросили меня. С четвертой мы еще даже и не развелись.

— А почему вы на ней женились? — спросила Кристи.

— Это получилось само собой. Она работала секретарем в редакции — не получила образования, но прекрасно печатала на машинке. Лучше машинистки не встречал. Однажды в пятницу вечером мы остались в редакции одни. — Тут он вдруг застеснялся. — Знаете, как это бывает. Мы получили премию Союза журналистов, отмечали, выпили... Нас вдруг потянуло друг к другу. Ну, вы понимаете, как это происходит. В редакции никого не осталось, а у шефа в приемной диван...

Кристи смущенно улыбнулась. Молодой человек прыснул в кулак.

— Словом, утром я решил жениться. Она приняла мое предложение. — Журналист вытащил пачку сигарет, задумчиво посмотрел на Кристи и спрятал сигареты. — У нее не было жилья, она переехала ко мне. Мы заботились друг о друге. Она очень интересовалась моей работой, расспрашивала, чем я занимаюсь, как пишутся статьи и рецензии. Однажды она сама захотела сделать

рецензию. Я купил ей книгу рассказов одного молодого писателя, велел прочитать ее и написать, что она думает. Вскоре она принесла мне пять машинописных страничек. Отпечатаны они были великолепно. Но вот по содержанию никуда не годились. Их не то что бы печатать, их даже нельзя было никому показывать. Мне попадались много никуда не годных рукописей, с чудовищными ошибками, но автор должен хотя бы понимать, что именно он хочет сказать.

Он покачал головой и как бы в рассеянности налил себе еще коньяка.

— Что же вы сделали? — История увлекла Кристи.

Журналист пожал плечами:

— Написал рецензию вместо нее. Что мне еще оставалось? Рецензию напечатали. И она всем понравилась. Позвонил автор книги, чтобы поблагодарить, он захотел встретиться с таким тонким ценителем литературы. — По мере того, как пустела коньячная бутылка, украшенная медалями, его голос становился все более саркастическим. — Главный редактор перевел ее в отдел культуры. Мы поженились, и я каждую неделю должен был писать за нее рецензию.

Молодой человек поглощал домашнее печенье и посмеивался над рассказом. Иногда он бросал взгляд на Кристи, и она чувствовала, что нравится ему.

— Как вы думаете, чем все это закончилось? — спросил их журналист. Он обращался в основном к Кристи. — Ее взяли в большую газету. Как только ее приняли на работу, она собрала свои вещи и переехала к подруге.

— А как же вы?! — воскликнула Кристи.

— А я остался.

— Но она же без вас пропадет, — удивилась Кристи. — Кто-то же должен писать за нее рецензии.

— Желаящие всегда найдутся, — меланхолично заметил журналист. — При ее фигуре и улыбке.

Большим глотком он опустошил рюмку и, сняв со стола, покрытого скатертью, пустую бутылку, поставил ее на пол. Через минуту встал и пошел прощаться с хозяевами.

— Что вы об этом думаете? — спросила Кристи, повернувшись к молодому человеку.

— Не хотел бы я быть на его месте, — ответил он.

— Друзья зовут меня Кристи, — сказала Кристина.

— А меня — Лешей, — эхом отозвался он.

Уходили они вместе и расстались у дверей гостиницы.

На следующий день встретились там же, на Тверской. Зашли в кафе. Алексей заказал две порции шоколадного мороженого и два бокала шампанского. Он налил немного шампанского в мороженое, которое начало пузыриться, и принялся есть.

Еще через день они вместе поехали в парк. Алексей, кстати, взял отпуск. Как узнала Кристи, Леша работает в телекоммуникационной компании и увлекается компьютерной техникой.

Он ей нравился. Простой, спокойный и молчаливый парень. Говорила она. А он слушал очень внимательно и уважительно — как еще никто и никогда не делал.

В парке они провели целый день, крутились на чертовом колесе, катались на лодке, ели шашлыки, и когда Кристи думала, что им пора прощаться, Алексей, краснея и смущаясь, сказал, что они могут зайти к его приятелю и выпить у него чая. Приятель уехал отдыхать, оставил ему ключ, и они вполне могут у него отдохнуть.

Поехали до станции метро «Университет».

— Здесь рядом здание московского университета, — объяснил название Алексей.

Он привел ее в новенький дом рядом с бывшим кинотеатром «Прогресс». Первый этаж занимал обувной магазин.

Квартира оказалась трехкомнатной, с небольшим балконом, чистенькой и словно бы нежилой.

— Приятель не женат, — уточнил Алексей. — Днюет и ночует на работе.

Он снял куртку, явно подобранную к его летним брюкам и сандалиям, и остался в хорошо выглаженной клетчатой рубашке. В холодильнике имелся большой запас свежей провизии и даже несколько бутылок пива. Одну он сразу откупорил. Кристи выпила полстакана. Пиво было холодное и вкусное. Она поняла, что Алексей загодя готовился к их визиту, и эта мысль была ей приятна.

Кристи отправилась в ванную. Пока она умывалась, Алексей приготовил ужин, выставил несколько бутылок пива для себя, сок и сухое вино — для нее. В квартире нашлись даже свечи. У них получился настоящий романтический ужин с вином и свечами. Кристи была тронута.

Алексей подливал ей вина, подкладывал горячие картофелины, свежие овощи, кусочки тушеного мяса. Она ела мало, но незаметно для себя выпила полбутылки вина. Голова приятно кружилась. Ей было необыкновенно весело и хорошо. Она смеялась, круглое лицо Алексея казалось ей необыкновенно милым, и вообще она только тогда за ужином поняла, какой он замечательный.

Уже стемнело, когда Алексей принес с кухни чайник, чашки с золотым ободком и шоколадный торт. Кристи вышла в ванную комнату на секунду, а когда вернулась, Алексей ждал ее у двери. Он привлек Кристи к себе и поцеловал в губы. Ее губы ответили с готовностью.

Они целовались, как ей показалось, целый час. Потом Алексей потянул Кристи за собой к постели. Медленно раздел ее. Положил на край кровати и начал целовать ее тело. При этом он продолжал говорить, какая она красивая, какая у нее пышная грудь и шелковистая кожа.

Когда он оторвался от нее, она присела и, обхватив руками его голову, поцеловала Алексея. Потом, посмотрев на часы, Кристи поймет, что в постели они провели больше полутора часов. Он был мягок и нежен до самой последней минуты, когда она, совершенно обессилев, распласталась на кровати.

Алексей вежливо откатил ее в сторону и вытащил из-под нее простыню. Она стыдливо отвернулась.

— Меня будут искать, — озабоченно сказала Кристи.

— Чепуха, — успокоил ее Алексей. — Ни о чем не беспокойся.

Она спала совершенно голой, избавившись от необходимости надевать на ночь пижаму — на чем всегда настаивала ее мама. Прижималась к Алексею во сне и улыбалась. Когда они проснулись вместе, Кристи была другим человеком. Она не просто стала женщиной, она повзрослела.

Утром Кристи позвонила переводчице Маше и сказала, что не пойдет на экскурсию, а сама погуляет по городу. Маша нисколько не возражала. Ее любезность не знала предела.

С Алексеем они пробыли вместе целый день. До обеда гуляли. Потом сидели на скамейке на набережной Москвы-реки и пили пиво из одной бутылки.

— Ты уже нашла себе работу? — поинтересовался Алексей. — У вас это трудно?

— Я уверена, у меня все будет хорошо, — беззаботно ответила Кристи. — Я отправила заявления сразу в несколько государственных ведомств и в научные институты. Кто-нибудь откликнется.

— А где бы ты хотела работать? Тебе-то самой что нравится? — спросил Алексей.

Кристи приятен был его интерес. Она поцеловала его в щеку.

— Я еще сама не решила. Мне нравится научная работа, и, наверное, мое место в исследовательском институте. Но для начала мне не повредило бы провести несколько лет на государственной службе — в министерстве иностранных дел или в ведомстве по охране конституции.

Алексей с удивлением посмотрел на нее:

— Ты подала заявление в ведомство по охране конституции? Но ведь это же контрразведка!

Кристи рассмеялась.

— У нас дело обстоит иначе, чем в других странах. У нас это беззубая служба. Она не имеет права арестовывать и даже не может устраивать обыски.

Алексей не стал продолжать разговор на эту тему. Достал из сумки еще одну бутылку пива.

— Надо ее выпить, а то нагреется, — сказал он. — Ты как?

— Я — за, — поддержала его Кристи.

Вечером они вернулись в квартиру. Алексей вспомнил, что забыл пополнить запасы провизии, и побежал за покупками. Кристи разделась и без стеснения ходила по квартире, закутавшись в простыню. Едва он вернулся и поставил сумки на кухне, как она сбросила простыню и, переступив через нее, прижалась к нему всем телом.

Он пришел с улицы мокрый от пота — сумки были тяжелые, но, как только почувствовал ее прикосновение, уже был готов любить ее. Алексей стащил с себя брюки и рубашку. Не отрываясь друг от друга, они дошли до кровати и рухнули на нее. На этот раз Кристи не только принимала его ласки, но и возвращала их. У Алексея было чему поучиться, и Кристи старательно постигала новую и сладкую науку.

Потом он сидел в углу в кресле, смотрел телевизор и курил. Она принесла себе чай, а ему большой стакан

холодного яблочного сока. Он пил соки регулярно, чтобы перебить вкус табака, ведь она не курила и не любила табачного дыма.

Спать они улеглись далеко за полночь. Алексей сразу же засопел. Кристи долго не могла заснуть. Она была счастлива. За весь день Алексей едва ли сказал ей десяток слов, но рядом с ним она чувствовала себя надежно и уверенно. Такой человек мог бы стать ее мужем, подумала Кристи. Он сказал тогда в гостях у Маши, что не женат. Значит, ничто не может им помешать. Правда, они граждане разных государств. Но если поженятся, Алексей может уехать вместе с ней в Германию. Для хорошего специалиста работа всегда найдется.

Она заснула в самом радужном настроении.

МОСКВА. РАЙОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Пробуждение было кошмарным. Рано утром в дверь забарабанили.

— Кто это может быть? — шепотом спросила Кристи.

Алексей не ответил. Его лицо стало бледным и испуганным. Он натянул брюки и пошел открывать. Стук не прекращался. Когда Алексей повернул ключ в замке, в квартиру ворвались пятеро в полицейской форме. Они мгновенно проникли во все комнаты. Один грубо спросил у Кристи:

— Документы есть?

Она кивнула и потянулась за сумочкой. Полицейский вырвал сумочку у нее из рук и вывернул содержимое на стол. Он увидел немецкий паспорт и с удивлением посмотрел на Кристи. Взял паспорт осторожно и брезгливо, как гремучую змею, и методично перелистал все до единой страницы. Потом повернулся к Кристи:

— Как вы здесь оказались?

— Я пришла вместе с...

Она замолчала, не зная, как назвать Алексея. Смеет ли она считать его своим женихом?

Другой полицейский, по виду старший, уже обшарил карманы Алексея, вытащил его служебное удостоверение и присвистнул.

— Это ваша квартира?

— Товарища. Он оставил мне ключ.

— Где товарищ?

— Он в отпуске в Сочи. Но я знаю, как...

— Все ясно, — прервал его старший из полицейских. — Собирайтесь оба, поедem в отделение, там разберемcя.

Кристи решительно спустила ноги с кровати:

— Отвернитесь, пока я буду одеваться.

Они нехотя отвернулись, хотя у Кристи не было уверенности, что полицейские не подсматривают. Одевалась она нарочито медленно, стараясь собраться с духом. При этом чувствовала себя вполне уверенно. Никто не сумеет ее напугать.

В маленьком лифте Кристи оказалась зажатой между двумя полицейскими, которые неприязненно смотрели на нее.

На улице под изумленными взглядами спешивших на работу прохожих их быстренько погрузили в желтую машину с зарешеченными окнами. Алексей недостаточно нагнулcя и стукнулcя головой.

На него жалко было смотреть. Он был бледный как смерть. Кристи попыталась его подбодрить:

— Все в порядке, дорогой. Не беспокойся...

— Молчать! — закричал один из полицейских. — Не разговаривать!

Ехать было совсем недалеко. Отделение полиции находилось где-то рядом со станцией метро. В отделении их разлучили. Алексея увели. И Кристи увидела только

его несчастное лицо, когда он обернулся. Полицейский толкнул его в спину, и Алексей исчез за поворотом.

Кристи посадили в тесном коридоре и оставили под присмотром троих полицейских, которые сняли фуражки и расположились отдыхать. Они не обращали на Кристи никакого внимания. Все трое, как на подбор, немолодые, пузатые, основательные. В отделении было прохладно, и им никуда не хотелось идти.

Примерно через полчаса Кристи вызвали на допрос. Лысоватый офицер в мятом мундире с двумя звездочками на погонах задавал ей простые вопросы — имя, год рождения, цель приезда. Когда она подписала стандартный бланк, ее опять вывели в коридор, где ей предстояло просидеть до самого вечера. Ей разрешили сходить в туалет и за ее деньги купили стакан чая и ватрушку — невкусную и мучнистую. Но на допрос Кристи больше не вызывали.

Трое полицейских провели с Кристи весь день. Они по очереди отлучались поесть и возвращались в хорошем настроении. Потом еще сходили в банкомат за зарплатой. Этот поход несколько их разочаровал и настроил на лирический лад. Они вспоминали, как начинали службу. Кристи вела себя тихо, и полицейские не обращали на нее особого внимания.

Кристи вся извелась, сидя на скамейке. За себя она не боялась. В крайнем случае ее просто вышлют домой. Но что будет с Алексеем? Он ведь остается в их полной власти.

Только в девять вечера ее вновь вызвали на допрос. В том же кабинете, где она уже была, вместо офицера в мятой форме за большим письменным столом сидел невысокий симпатичный человек в штатском. У него были под глазами мешки — верный признак нездорового сердца.

— Садитесь, — приказал он.

Когда она села, он нагнулся вперед и посмотрел на нее в упор.

— Госпожа фон Хассель, я вас ни о чем не буду спрашивать. Ваш друг мне абсолютно все рассказал. Если вы хотите, я вас немедленно отправлю домой. И закончим с этим. Мы уважаем гостей, но требуем, чтобы и гости уважали наши порядки.

Он говорил очень тихо, и Кристи ловила каждое его слово.

— Слава богу! — просияла она. — Конечно, я хочу, чтобы меня немедленно отпустили.

Он встал и распахнул дверь:

— Дежурный!

Прибежал полицейский с кобурой на боку.

— Пусть приготовят вещи гражданки Хассель и отвезут ее на вокзал. Посадят на поезд и проследят за тем, чтобы она ни с кем не вступала в контакт и никому не звонила.

Хозяин кабинета отошел в сторону, чтобы Кристи могла выйти. На пороге она остановилась:

— А что будет с Алексеем?

— Что именно вас интересует? — вопросом на вопрос ответил он.

— Что вы с ним сделаете?

Он помедлил с ответом, внимательно глядя на нее:

— Он наш гражданин, и к нему закон не будет столь же снисходителен, как к вам, иностранке.

Страх охватил Кристи.

— Его посадят? — обреченно спросила она.

— Езжайте к себе в Германию, госпожа Хассель, и забудьте этого молодого человека. Он благородно взял на себя всю вину, так что у вас никаких проблем не будет.

Кристи секунду молчала. Она ждала любых неприятностей, ведь ее предупреждали, что в России может произойти все что угодно.

— Я не брошу Алексея одного, — твердо сказала она. — Я хочу остаться с ним.

Хозяин кабинета засмеялся.

— Как вы себе это представляете? Ваша виза заканчивается, вам в любой ситуации завтра надо покинуть территорию Российской Федерации.

— Я не уеду, пока не узнаю, что ждет Алексея, — настаивала Кристи. Она подошла к хозяину кабинета. — Прошу вас, выслушайте меня.

— Хорошо, — согласился он. — Садитесь.

Человек в штатском отпустил дежурного и плотно закрыл дверь.

Верхний свет в кабинете так и не зажгли, за что Кристи была только признательна. Она считала, что выглядит ужасно — после всего произошедшего. Сумочку с дамскими принадлежностями у нее отобрали, и она даже не могла посмотреться в зеркальце.

Ей хотелось попроситься в туалетную комнату, чтобы умыться и причесаться, но она боялась прервать разговор с этим вполне располагающим к себе следователем. Впрочем, он не сказал, кто он такой. Она сама решила, что перед ней следователь.

Он просил называть его просто Григорием Константиновичем. Большая настольная лампа под матерчатым абажуром освещала левую сторону его лица, оставляя в тени правую, поэтому Кристи невольно обращалась к светлой половине.

Она рассказала ему все как на духу, со всеми подробностями и деталями. Говорила торопливо, боясь, что следователю надоест слушать и ее выставят. Но человек, просивший называть его запросто, по имени-отчеству, никуда не торопился. Он дал Кристи выговориться, потом, не теряя интереса к собеседнице, стал ее расспрашивать. О родителях, о детстве, об учебе в университете,

о том, почему она приехала в Россию и что она здесь увидела.

— И вы любите Алексея? — вдруг спросил он.

— Да.

И в комнате повисла тишина. Григорий Константинович так же спокойно продолжал ее рассматривать. Кристи сказала все, что могла. Ее охватило ужасное ощущение полной безнадежности. Казалось, молчание продолжалось целую вечность, хотя на самом деле прошло всего лишь минут десять. Наконец Григорий Константинович заговорил:

— Мне нужно идти докладывать начальству. Вас пока что покормят.

Следователь вызвал дежурного, который увел Кристи. Она попросилась в туалет и с наслаждением умылась. Кристи не рискнула воспользоваться висевшим на стене мятым вафельным полотенцем и обошлась собственным носовым платком. Она осмотрелась в маленьком зеркальце и нашла себя малопривлекательной. Слишком тонкие губы, неказистый нос, широко расставленные глаза. Ей пришла в голову ужасная мысль: а что, если Алексей рад возможности избавиться от нее, подумав, будто она виснет у него на шее? Мужчина есть мужчина: добился своего, и теперь она ему не нужна.

Подозрения отравили ей два часа ожидания. Ее отвели в буфет в соседнее здание, где усталая официантка с кудряшками дала ей порцию сосисок с картофельным пюре и чашку горячего сладкого чая. Чай Кристи выпила с удовольствием и съела половину сосиски под насмешливым взглядом дежурного полицейского, который, кряхтя и причмокивая, прикончил две порции под одобрителное нашептывание пухлой официантки.

В опустевшем коридоре, глядя в выщербленную стену, Кристи ожидала решения своей судьбы почти до

полуночи. Природная уверенность вернулась к ней, и постепенно она совершенно успокоилась. Ее стало клонить в сон, и Кристи, вероятно, уснула бы, если бы ее не растолкали и не повели обратно в кабинет к Григорию Константиновичу.

Она посмотрела на него с сочувствием. Следователь здорово устал, глаза у него запали, хотя виду он не показывал, даже слегка улыбался. И смотрел на Кристи оценивающе. Ему нравилось то, что он увидел.

В девять часов вечера к нему в кабинет привели совершенно раздавленную женщину, которая была в ужасе от случившегося. Сейчас, уже за полночь, перед ним сидела уставшая, но полностью владевшая собой женщина.

Его предупредили, что задержанная чуть не заснула на скамье в коридоре отделения полиции — не многим это удавалось. Григорий Константинович сделал вывод, что перед ним женщина с сильным характером, самостоятельная и уверенная в себе, хотя еще и очень неопытная. С женщинами Григорий Константинович работал мало. Этим направлением ведали другие, поэтому он боялся промахнуться. Впрочем, окончательное решение всегда оставалось за ним.

— Я должен вам кое-кто рассказать, Кристина, — начал он. — Я не служу в полиции. — Он внимательно следил за ее реакцией. Кристи вопросительно посмотрела на следователя. — Я работаю в ведомстве, которое отвечает за государственную безопасность России. Меня попросили заняться вашим делом, потому что коллеги из полиции подозрительно относятся к иностранцам или иностранкам, которые совершают что-то запрещенное, нарушают нормы общественной морали.

— Они решили, что я шпионка? — прервала его Кристи.

— Почти, — почему-то весело сказал Григорий Константинович.

Верхний свет он так и не включил. Но в сон Кристи больше не клонило. Настольная лампа по-прежнему отбрасывала резкую тень на лицо следователя, который оказался не тем, за кого она его принимала.

— Наша полиция занимается только уголовными преступниками, у нее нет опыта работы с иностранцами, — продолжал Григорий Константинович.

Кристи наклонилась вперед.

— Надеюсь, вы меня не подозреваете в шпионаже?

Григорий Константинович ответил не сразу.

— Проблема не в вас, а в Алексее.

Теперь он говорил очень медленно, и Кристи ловила каждое его слово.

— Алексей не имел права не только приводить вас домой, но и вообще знакомиться с вами. Он совершил серьезный должностной проступок. И должен быть наказан.

— Но почему? — взорвалась Кристи. — Неужели гражданам России запрещено любить граждан Германии?

— Алексей не простой гражданин, — ответил Григорий Константинович, который словно не обратил внимания на ее вспышку. — Он в определенном смысле мой коллега. — И добавил: — Вас он не обманывал. Он действительно занимается телекоммуникациями, но его структура входит в наше ведомство, поэтому на Алексея тоже распространяются жесткие правила, принятые в нашей организации. Сами понимаете, чем это продиктовано. У вас в стране существуют такие же правила. Он обязан был сразу доложить начальству о знакомстве с гражданкой другого государства, но не сделал этого.

— Что его ждет? — устало спросила Кристи. — Насколько тяжелым считается это преступление по вашему кодексу?

Она уже все поняла. В реальном и жестоком мире их любовь стала жертвой нелепого раскола мира на Запад и Восток.

Григорий Константинович испытующе смотрел на нее. Он хотел быть уверен, что правильно понимает ее интонации. Лучше бы ему разобраться во всем сейчас.

— Я очень долго разговаривал с Алексеем. Он честно признался мне, что полюбил вас, что ради вас он нарушил свой долг. Он очень переживает, говорит только о вас. Алексей огорчен, что вовлек вас в такую неприятную историю.

— Так что с ним будет? — упрямо переспросила Кристи.

— Ни-че-го, — отчеканил Григорий Константинович. — Я убедил свое начальство в том, что за любовь нельзя наказывать. Он прекрасный молодой человек, хороший специалист, которого ждет большое будущее.

— Спасибо вам, — Кристи улыбнулась впервые за весь этот долгий день, и Григорий Константинович убедился в том, что улыбка у нее хорошая. Фотографии это скрытое очарование передать не могли. — Я могу его увидеть? — нерешительно спросила Кристи. — Или меня сразу же вышлют?

Григорий Константинович вытащил из лежавшей перед ним на столе картонной папки какую-то бумагу и стал ее рассматривать.

— В принципе вам разрешено остаться в Российской Федерации еще на неделю. Разумеется, если вы этого хотите. Визу вам продлят в отделе виз и регистраций московской полиции в установленном порядке, — ответил он.

Кристи вскочила на ноги с такой легкостью, словно было раннее утро, а не поздняя ночь. Григорий Константинович позавидовал этой легкости. Ему вторая бессонная ночь давалась с трудом.

— Одна просьба, — усталым жестом остановил ее Григорий Константинович. — Ради Алексея вам не следует никому рассказывать о том, что произошло. Протокол, составленный в полиции, я изъял.

— Я все понимаю, — серьезно сказала Кристи. — Это в моих интересах.

В ее глазах не было ни капли иронии.

Алексей ждал ее на скамейке у соседнего дома. Перед зданием отделения полиции скамеек не было. Увидев ее, Алексей бросился ей навстречу, потом остановился. Он не знает, как ему поступить, подумала Кристи. И она побежала к нему. Алексей молча сжал ее в объятиях.

Всей немецкой делегации предложили остаться еще на неделю — просто на отдых — и повезли в Санкт-Петербург. А Кристи спокойно прожила эту неделю в трехкомнатной квартире приятеля Алексея на Ломоносовском проспекте, и больше их никто не беспокоил. Кристи убедилась, что Григорий Константинович сдержал слово.

У него были для этого все основания.

Кристи сказала Алексею, что ее могут принять на работу в Федеральную службу по охране конституции. Открывалась невероятная возможность — обзавестись агентом внутри немецкой контрразведки.

А пока Кристи наслаждалась спокойными днями. Утром Алексей ходил в магазин за едой, а она что-нибудь готовила, днем гуляли в парке вокруг университета, вечером шли в кино. Алексей предпочитал российские фильмы. Кристи посмотрела вместе с ним две новые комедии. Она не всегда понимала, почему зрители смеются.

Ночью они занимались любовью. Кристи хронически не высыпалась, и у нее под глазами залегли круги.

Теперь она, как в детстве, прикладывалась на диванчик после обеда. Алексей дремал прямо в кресле.

На Белорусском вокзале Кристи заплакала. Расставание было безумно печальным. Она чувствовала, что Алексей не в своей тарелке, его гложут какие-то мысли. Когда они теперь смогут увидеться?

Когда поезд тронулся, Кристи уткнулась носом в какой-то журнал, который он ей подsunул вместе с домашними пирожками и яблоками — в дорогу. Но читать не могла. Думала об Алексее. Другого мужчины у нее не будет, решила она. Другой и не нужен.

ГЕРМАНИЯ. КЁЛЬН

Предложение поступить на службу в Федеральное ведомство по охране конституции стало для нее приятным сюрпризом. Кристи понравилась работа, требующая больших знаний и серьезного анализа. Ей поручили изучать связи немецких боевиков с ближневосточными террористическими организациями. Она должна была понять, кто и как помогает немецким террористам.

Почти год прошел с того момента, как они расстались на вокзале в Москве. За все это время она решилась написать ему всего три письма и от него получила два.

Когда они прощались, Алексей, помявшись, предложил:

— Мы оба попали в трудное положение. У вас не любят наших, а у нас — ваших. Я тебе дам адрес моего приятеля в Австрии. Дай и ты мне чей-нибудь адрес, чтобы мы могли переписываться. Но я думаю, что, пока ты на работу не устроишься, нам придется писать друг другу пореже.

В первый раз Кристи написала ему через полгода после того, как ее взяли в ведомство по охране конституции. Она не подписалась, не указала обратного адреса на конверте и бросила его в почтовый ящик, когда ездила в Бонн на совещание.

Кристи села разбирать секретные бумаги, скопившиеся в сейфе, и несекретные, ждавшие своего часа в письменном столе. К концу дня эта работа была завершена. Кристи попрощалась с начальником. Это был ее последний рабочий день, она отправлялась в отпуск.

— Зимой? — удивлялись сослуживцы. — Зачем вы идете в отпуск зимой?

— Безумно люблю кататься на горных лыжах, — отвечала Кристи.

Она легко научилась лгать. Горные лыжи и зимние курорты она видела только в кино. Кристи, как и все, предпочла бы взять отпуск летом. Но ей не терпелось увидеть Алексея. И ждать до лета не было сил.

АВСТРИЯ. ЛЕОБЕН

В венском аэропорту Кристи затерялась среди множества туристов, которые действительно обожают горнолыжный спорт. Это она предложила Алексею встретиться в Австрии, когда он написал, что имеет возможность ненадолго выехать за границу.

Австрия — славное местечко для зимнего и летнего отдыха. Туристов привлекают скалы, ледники, фантастические горные пейзажи, старые крестьянские усадьбы, национальные костюмы, сохранившиеся с древности красочные народные обычаи и тирольские песни.

Кристи сама назвала время встречи и определила маршрут. Изучая путеводители по Австрии, думала

о том, что по существу это первая в ее жизни самостоятельная конспиративная операция.

Из Вены она отправилась в Леобен, второй по значению город федеральной земли Штирия. Это самый зеленый район Австрии. Почти половину его площади занимают леса, еще одну четверть территории — поля, пастбища, виноградники и альпийские луга. Во времена Австро-Венгерской империи Леобен был сонной обителью пенсионеров, теперь это современный город.

Леобен показался Кристи музеем под открытым небом. Мужчины преспокойно ходили в живописной старомодной одежде — в куртках с зеленым воротником и в брюках с широкими лампасами. В таком штирийском костюме, пояснили Кристи, можно не только гулять по улицам, принято также появляться в обществе.

Но на других мужчин Кристи не смотрела. Она считала минуты, оставшиеся до встречи с Алексеем, ее Алексеем, который выбрался в Австрию, чтобы они могли повидаться.

Алексей Карманов сидел в большом мягком кресле в холле гостиницы. Его теплая куртка и меховая шапка лежали рядом. В руках он держал венскую газету, которую не читал, внимательно следя за входом. Когда Кристи открыла стеклянную дверь, он бросил газету и почти побежал к ней. Они обнялись. Кристи прижалась к своему любовнику и закрыла глаза. Вместе, наконец-то они вместе. Какое счастье!

Он снял номер на двоих в маленькой гостинице на окраине Леобена. Предусмотрительно заказал обед и ужин в номер, и до следующего утра они никуда не выходили. Ужин был с шампанским, и Кристи огорчилась, что Алексей тратит слишком много денег. Но он легкомысленно качнул головой. Они не виделись год, и такое событие просто необходимо отметить.

Кристи привезла Алексею в подарок несколько тщательно подобранных галстуков, темно-коричневый джемпер и дорогую электрическую бритву фирмы «Браун». Бритву Алексей сразу же опробовал, крутясь перед небольшим зеркалом в тесной ванной комнатке отеля. А примерить джемпер так и не успел, потому что Кристи вовсе не хотела, чтобы он одевался.

Год воздержания и ожидания лишил ее прежней скромности. Когда они остались одни в гостинице и Алексей запер дверь, она с таким пылом прижалась к нему всем телом, что Алексею стало жарко. Они не захотели тратить впустую ни одной секунды. Она и раздеться не успела, как он уже вонзился в нее.

«Делать это стоя? Боже мой, это же совершенно неприлично», — мелькнуло у нее в голове, но уже через секунду все это ровным счетом не имело никакого значения.

Они стащили с себя одежду уже только в ванной, вместе полезли под душ и здесь вновь любили друг друга. Кристи обеими руками держалась за стойку старого душа, струи воды били ей прямо в лицо, и она с ума сходила от счастья.

Алексей заснул сразу, как только они улеглись на широкую двуспальную кровать. Кристи укрыла его простыней и, надев привезенную с собой пижаму, прикорнула рядом. Когда Алексей проснулся, то, ни слова не говоря, стащил с нее эту пижаму, и все началось сначала. В первый день поговорить им так и не удалось.

На следующее утро она вытащила Алексея на прогулку. Все было как всегда: она рассказывала, он слушал. Только когда они присели на скамейку на центральной площади города, Алексей признался:

— Я очень скучал. Мне без тебя плохо.

У Кристи на глазах выступили слезы. Она взяла его под руку и тихо, чтобы никто не слышал, предложила:

— Давай переедем ко мне?

Алексей покачал головой:

— Ты же знаешь, что это невозможно. Разве я могу бросить родителей? Да и как у вас ко мне отнесутся... Представь себе, офицер госбезопасности из России переезжает в Германию. Ты работу потеряешь.

— Новую найду, — уверенно сказала Кристи.

— Да не такую, какая тебе нравится, — резонно возразил Алексей. — Все будут относиться к тебе подозрительно. Никто же не станет разбираться, что я всего лишь технарь и военную форму никогда не надевал.

Разговор получился грустный. Вокруг на площади было полно больших и маленьких ресторанов и кафе. Перед ресторанами на тротуарах стояли столики, и люди, раскрасневшиеся на морозе, пили глинтвейн. Блестели высокие стеклянные стаканы с рубиновым вином. Когда двери открывались и выбегал официант с подносом, уставленным стаканами с глинтвейном, из кабачков доносилась музыка. Пахло поджаренными сосисками, корицей и бочками — винными и пивными.

В другое время Алексей уже давно заказал бы себе пива, но сейчас он сидел на скамейке тоскливый и угрюмый.

— Хочешь, я перееду к тебе? — предложила Кристи. Алексей с надеждой посмотрел на нее:

— А ты смогла бы?

— Да, — твердо ответила Кристи.

Алексей поцеловал ее и обнял, хотя не любил этого делать на публике. «Я человек старого воспитания», — говорил он.

— Но твои родители — что они скажут? — спросил Алексей.

— Я уже взрослая, — улыбнулась Кристи.

Алексей вдруг опять нахмурился.

— Ну, что случилось? О чем ты задумался? — озабоченно спросила Кристи.

— Тебе не поверят, — нехотя сказал Алексей.

— Кто?

— Наши. Решат, что ты выполняешь задание германской разведки.

— Но это же глупость! — возмутилась Кристи.

Алексей пожал плечами и замолчал.

Кристи сдалась первой:

— Что же делать?

— Может, пообедаем пока? — предложил Алексей.

Австрия формировалась под влиянием трех культур — романской, германской и славянской. Кристи поняла, что слияние народов произошло прежде всего на кухне.

Австрийцы — сибариты, они оставили себе блюда тех народов, которые после Первой мировой войны с радостью покинули развалившуюся Австро-Венгерскую империю. В меню были гуляш и цыпленок в соусе, которые перешли к австрийцам от венгров. Гусь с яблоками — подарок поляков. Творожные кнедли и маковые штрудели — от чехов.

Алексей выбрал венский шницель, который на самом деле родом из Византии. Ему принесли огромную тарелку с мясом, картофелем и овощами, и его настроение улучшилось. Кристи заметила, что таких гигантских порций ни в России, ни в Германии не подают.

Заглянув в телефонный справочник австрийской столицы, Кристи обнаружила, что немецких фамилий среди австрийцев меньше, чем славянских, венгерских и итальянских. Не поймешь, в какой стране находишься, подумала она.

Глядя на ресторанную публику, Кристи решила, что австрийцы лишь отдаленно напоминают немцев. Ав-

стрийцы веселились с непосредственностью и живостью итальянцев. Но пили не вино, а пиво, причем заказывали сразу литровые кружки. И Кристи удовлетворенно подумала, что все-таки в австрийцах осталось немного немецкой крови, которая жаждет пива.

— Есть у меня одна идея, — пробурчал Алексей, пережевывая свой шницель.

Кристи не успела отучить его разговаривать с набитым ртом. Но сейчас было не до правил хорошего тона.

— Надо, чтобы тебе наши поверили. Убедились, что ты против них ничего не замышляешь, тогда они разрешат нам жить вместе. Ты переедешь, нам дадут квартиру, дачу. Тебе работу подыщут, — сказал Алексей.

— А что для этого требуется? — заинтересованно спросила Кристи. Она знала ответ.

Алексей внимательно посмотрел на нее.

— Помнишь Григория Константиновича, который с тобой в полиции разговаривал?

Кристи кивнула.

— Он хороший мужик. Он к тебе проникся уважением. За твердость и волю. Ты когда уехала, он мне сказал: «Повезло тебе с такой девушкой. Держись за нее».

Алексей опять занялся своим шницелем. Кристи нетерпеливо спросила:

— И что твой Григорий Константинович?

— Он может нам помочь, — пробурчал Алексей. — У него авторитет знаешь какой!

— И как с ним встретиться?

— Можно к нам поехать, в Москву, — предложил Алексей. — А лучше ему позвонить, он сюда приедет.

Алексей покончил со шницелем, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и удовлетворенно откинулся на стуле.

— Значит, твой Григорий готов ради нас приехать сюда в Австрию? — переспросила Кристи. — Он хочет,

чтобы я работала на вашу разведку, так? Я все правильно поняла? Скажи, Алексей?

Ее голос зазвенел, а на глазах выступили слезы. Алексей повернулся к ней, аккуратно снял ее очки и своим носовым платком вытер ей глаза.

— Ты самая умная женщина на свете, — сказал он, — а такие глупости говоришь. Сама подумай, что ты ему можешь такое важное сообщить? Ты там без году неделю служишь. Дело-то в другом. Нашим нравится, когда с Запада люди переезжают в Россию. Таких людей встречают с почетом. Но наши должны быть уверены, что их не надувают.

Кристи понимала, о чем он говорит. Запад и Восток по-прежнему соревновались во всем; как и в холодную войну, предметом особой гордости были перебежчики.

Но Кристи уже не была наивной девушкой. Конечно же, в Москве хотят, чтобы она на них работала. Она уже знала, что согласится. Ради Алексея. Она будет ему помогать до того момента, когда они смогут наконец соединиться и жить вместе.

Кристи была очень домашней женщиной и хотела родить много детей. Картина полного счастья была простой и ясной: большая дружная семья, которая живет вместе и в воскресенье собирается за большим круглым столом на праздничный обед. Ради будущей семьи она сделает все, что необходимо.

Алексей позвонил в Москву и сказал, что Григорий Константинович прилетит через пару дней.

Эти два дня в Леобене Кристи и Алексей провели наилучшим образом — в постели или за ресторанным столиком. Кристи пила и ела немного. Но любовь Алексея ее преобразила. Кристи расцвела. Прежде строгая и несколько угловатая, она стала женственнее. Лицо смягчилось. Она значительно чаще, чем прежде, улыба-

лась, глаза у нее повеселели. Мужчины оборачивались и провожали ее взглядом. Кристи это было приятно, хотя в их нынешней ситуации было бы разумнее не привлекать к себе внимание.

Она пыталась затащить Алексея в магазин мужской одежды, чтобы купить ему пару костюмов, но он был равнодушен к одежде. Зато охотно ассистировал Кристи, когда она примеряла что-то для себя. Кристи читала, что мужчины ненавидят сопровождать женщин, когда те ходят за покупками. Но Алексей делал это с удовольствием. Он безропотно прошелся с ней по магазинам, ждал, пока она торчала в примерочных кабинках, благоразумно остерегался давать ей советы и искренне одобрял все ее покупки.

Впрочем, по магазинам они прошли только один раз. Больше всего им нравилось проводить время в номере. Кристи не могла насытиться, а Алексей был неутомим. Однажды ночью она спросила его шепотом, спрятав голову у него на груди:

— Я тебя не заездила?

Он чуть заметно покачал головой. Он мог бы добавить, что еще не встречал женщину, чьи сексуальные аппетиты превосходили его собственные, но по привычке промолчал.

Московский гость приехал рано утром и позвонил им в номер. Они встретились через час в совершенно пустом кафе. Кристи даже не сразу узнала Григория Константиновича. Хорошо одетый, пахнущий дорогим одеколоном, он не походил на человека, который год назад допрашивал ее в тесном кабинете заместителя начальника отделения московской полиции. Он был счастлив, о чем она, разумеется, не подозревала: оперативная поездка за границу — подарок начальства за вербовку Кристи.

Григорий Константинович поцеловал ей руку и сел спиной к окну. Он заказал всем кофе с булочками, медом, джемом и маслом.

— Чудесно выглядите, Кристи, — констатировал Григорий Константинович. — Этот год пошел вам на пользу.

Кристи отметила, что московский гость на редкость хорошо говорит по-немецки, но не приняла светского разговора. Она хотела знать, с кем она имеет дело, способен ли этот человек действительно помочь им и чего от нее потребуют взамен устройства ее личных дел.

— Григорий, — прямо спросила она. — Вы знаете, где я работаю и чем занимаюсь. Вы знаете, чего я... чего мы с Алексеем хотим. У вас ведь есть какое-то предложение, иначе бы вы сюда не приехали. Изложите его. Поговорим прямо.

Григорий Константинович согласно кивнул.

— Такой разговор и мне больше нравится. — Он допил кофе и аккуратно положил салфетку на стол. — Вы с Алексеем достойная молодая пара. Вам надо жить вместе, и будем рады помочь вам устроиться. Я говорю это не только от своего имени. Но наше правительство озабочено тем, что Германия ведет шпионаж против нашей страны. Среди тех людей, которые к нам приезжают и которых мы радушно принимаем, к сожалению, много разведчиков. И это влияет на настроения в обществе. Мы обязаны доказать правительству, что вы настоящий друг нашей страны.

— Что же я должна для этого сделать? — настороженно спросила Кристи.

— Ничего, — тут же ответил Григорий Константинович. — Если можете, расскажите подробно о себе.

Кристи несколько растерялась:

— Что же вас интересует?

— Все, — засмеялся он. — Я ведь государственный служащий, я должен составить отчет и дать свои рекомендации. Мне бы очень помогло, если бы я мог вас охарактеризовать поподробнее.

Они проговорили до самого обеда. Пришлось сделать перерыв, когда Алексей, тактично молчавший, начал озабоченно ерзать и принюхиваться к соблазнительным запахам, доносившимся с кухни. Григорий Константинович бросил на него понимающий взгляд и заметил, что Алексея пора кормить.

— Я отведу вас в хорошее место. Здесь в городе, как и во всей Австрии, неплохо кормят, — обещал Григорий Константинович. — У вас в служебной столовой так вкусно не будет.

— Это точно, — согласилась Кристи. — Правда, обычно я стараюсь есть поменьше, но кухня в ведомстве скучная.

— Наверное, для начальства есть спецбуфет? — предположил Григорий Константинович.

— Да, — подтвердила Кристи. — Но наш главный начальник предпочитает обедать где-нибудь в городе.

Григорий Константинович поднялся:

— Приглашаю вас пообедать, а потом я вас покину, потому что у меня есть еще кое-какие дела. — Он подал Кристи меховую шубку. — Теперь я понимаю, почему в кафе можно провести всю жизнь, — сказал он. — Австрийцы так, собственно, и делают. Сидят здесь целыми днями, читают газеты, беседуют. Привычка сидеть в кафе добавила к австрийскому национальному характеру несвойственную вам, немцам, восточную созерцательность.

Кристи с удовольствием пила вино. Алексей слушал рассказы Григория Константиновича о штирийских виноградниках, о которых тот, судя по всему, знал все, но

предпочитал пиво. Поглощал кружку за кружкой. Немногословный по природе, в присутствии московского начальника он и вовсе замолчал. Молчаливость Алексея нисколько не смущала Кристи. Он был серьезным и надежным человеком, настоящим мужчиной, на которого можно положиться. Именно такой мужчина нужен любой женщине.

Выпитое подействовало на Григория Константиновича благотворно. Он заказал на десерт клубнику со сливками, мороженое, кусок фруктового торта для Кристи. Сам же пил кофе с коньяком и благодушествовал.

— Подумать только, молодым австрийцам жизнь на родине кажется скучноватой. А почему? Потому что в Австрии все в порядке. Это страна, в которой никогда ничего не происходит. Ни забастовок, ни террористических актов, ни политических землетрясений. Здесь люди ни за что не сражаются, а просто живут. И они еще недовольны.

Григорий Константинович засмеялся. Глупость австрийцев была очевидной.

Ложась спать, Кристи ехидно сказала Алексею, искавшему тапочки под кроватью:

— Твой старший коллега, видно, не очень преданный сотрудник разведки, если ему так нравится жизнь в Австрии.

Кристи даже не подозревала, до какой степени она была права. Игорь Мокеевич Федоровский, полковник из управления нелегальной разведки, был счастлив вновь вернуться к оперативной работе. Эта поездка в Вену была первой за пятнадцать лет заграничной командировкой.

ГЕРМАНИЯ. КЕЛЬН.
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ВЕДОМСТВО
ПО ОХРАНЕ КОНСТИТУЦИИ

Новый руководитель германской контрразведки сменил весь свой личный секретариат. Начальники основных отделов были заменены. Тех, кто дружил с отправленным на пенсию начальником, переместили на менее важные посты. Более молодые люди, не связанные личными отношениями с прежним шефом, начали восхождение по служебной лестнице.

Кристи, Кристина фон Хассель, тоже получила повышение. Поздно вечером, сидя дома, она включила радиоприемник и на условленной волне услышала зашифрованное поздравление от своего любимого Алексея. Поздравление и обещание скорой встречи.

Есть женщины, которым в юности не хватает ярких красок, и мужчины обходят их вниманием. Но вскоре они становятся привлекательными. Так и произошло с Кристи. Она стала если не красивой, то, по крайней мере, очень симпатичной. Получала множество приглашений на вечеринки и иногда собирала компанию сослуживцев у себя дома. Она видела, что нравится мужчинам в отделе, которые не решались выразить свою симпатию более откровенно.

Один из коллег все-таки собрался с духом. Он развелся и мог ухаживать за ней, так сказать, на официальной основе. Приглашал Кристи в ресторан. Она согласилась, но, увидев, что он настроен совершенно серьезно, от второго приглашения ловко уклонилась. Однако он от своих намерений не отказался. Подсаживался к ее столику в служебной столовой, часто заходил в ее кабинет, рассказывал что-нибудь смешное.

Кристи твердо попросила его больше к ней не приходить. Она не нуждалась в других мужчинах, кроме

Алексея. Она не могла без него жить. Сильная по характеру, Кристи удивлялась своей полной зависимости от Алексея. Она не ценила свободу, которой завидовали многие ее замужние подружки.

Она сама дарила себе подарки. Долго выбирала красивую вещицу в магазине, просила завернуть в подарочную бумагу, приносила домой и торжественно развертывала. Она представляла себе, что этот подарок ей сделал Алексей. Московская радиостанция регулярно передавала ей зашифрованные послания от него. Но это была односторонняя связь. Они могли видеться не чаще одного раза в год, когда Кристи получала отпуск.

Она старалась быть нужной Алексею. Угодить ему и в постели, когда они вместе проводили один месяц в году, и за письменным столом, сочиняя разведывательные донесения, — все остальные одиннадцать месяцев.

Кристи могла обходиться без мужчины весь год, ожидая встречи с Алексеем. Но она часто думала о том, способен ли Алексей на такое же самопожертвование? У мужчин все иначе. Иногда им просто нужна женщина. Этого Кристи смертельно боялась — быть преданной, брошенной и обманутой.

Но при каждой встрече Алексей успокаивал ее. Ей не надо ни о чем думать: он стеснительный и робкий в отношениях с женщинами. Кроме того, у них в семье так принято — для мужчины существует только одна избранница. Его женщина — это Кристи. Он говорил так убедительно...

А ей хотелось ему верить, и она верила.

МОСКВА. ЯСЕНЕВО.
СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Шувалов погрузился в личное и оперативное дело Кристины фон Хассель с головой, как в океан. А когда оторвался и посмотрел на часы, понял, что придется сделать перерыв до завтрашнего дня. Уже настала полночь. Шувалов сдал папки в архив, расписался и поблагодарил бдительного хранителя.

Как ни странно, его ждали. На продавленном диванчике тосковал хмурый черноусый человек с зачитанной до дыр газетой. Он вручил Шувалову номерную пластиковую карточку с фотографией:

— Ваше удостоверение.

Проводил Шувалова к выходу и жестом подозвал человека в кожаной куртке.

— Он вас отвезет домой, — объяснил Шувалову.

Шувалов задремал в машине. Его мысли крутились вокруг убитых Олега Червонцева, Кристины фон Хассель, Гюнтера Валле. Почему они умерли почти одновременно?

С сожалением подумал о том, что на следующий день ему придется сделать небольшой перерыв. Неотложное личное дело, уклониться от которого не в его интересах. Но оно займет немного времени.

ПОДМОСКОВЬЕ. РЕСТОРАН

Марина гордо выложила на стол пачку денег. Пачка показалась Шувалову увесистой. Тонкие, крепкие пальчики с идеальным маникюром отсчитали двести тысяч. Марина тряхнула пышной шапкой жгуче-черных волос и с затаенной улыбкой через весь стол переправила деньги Каримову.

— Давай, посредник, считай, чтобы без обмана.

Алик Каримов тоже ухмыльнулся. Выкатив нижнюю челюсть и зацепив зубами черные усики, послонявил пальцы и приступил к подсчетам. Прикладная математика давалась ему легко, и он быстро удостоверился, что все сотенные бумажки с портретом иностранного президента на месте. Побывав в его руках, пачка вернулась на свое место за обширным столом, покрытым белой хрустящей скатертью.

— Теперь ваша очередь, Виталий Александрович, — Марина приглашающе кивнула Шувалову.

В ней была примесь монгольской крови, подарившей ей смуглую кожу и необузданный темперамент. Степные кочевники, не признававшие над собой ничьей власти, оставили ей в наследство загадочный взгляд черных глаз и неясную улыбку, не покидавшую ее пухлые губы.

Она была очень красива. Мужчины провожали взглядом ее сильную и гибкую фигуру. А сама Марина призналась Шувалову, что обижена на родителей и природу. Ей хотелось появиться на белый свет голубоглазой блондинкой с большой грудью.

Откровенной, и то в меру, она бывала с Шуваловым лишь наедине. В присутствии Алика Каримова продолжала ту игру, которая началась час назад, когда все трое встретились в придорожном ресторане, принадлежавшем Марине. Ни Марина, ни Шувалов не подозревали, что увидят друг друга.

Шувалов продавал дом с участком в хорошем дачном месте. Каримов обещал найти покупателя. И нашел. Ею оказалась Марина, с которой у Шувалова четыре месяца назад завязался тайный роман. Она предложила встретиться в ресторане, чтобы передать аванс.

Марина обиделась на Шувалова: зачем ему посредник? Почему не счел нужным рассказать ей, что прода-

ет дом? А Шувалов злился на Каримова, который не предупредил его, кто именно покупает дом. Не хотел мешать дела с любовными отношениями. Каримов же считал, что Шувалов просто обязан был поведать о своем новом увлечении.

Марина смуглой рукой вторично показала Шувалову на деньги:

— Не изволите ли пересчитать, сударь мой?

Тот покачал головой и столь же преувеличенно любезно ответил:

— Я вам доверяю, мадам.

Слова Шувалова почему-то развеселили Марину.

— Ха, он мне доверяет! — Марина подмигнула Алику Каримову. — Что же ты меня заранее не предупредил? Я бы по-другому считала. В свою пользу.

Каримов только хмыкнул:

— Как не предупредил, Марина Олеговна? Сразу сказал — с хорошим человеком познакомлю. Сделка — чепуха. Обещал: друзьями станете. Я же не знал, что вы уже друзья. И близкие...

Когда-то юный Алик приехал в город в кузове грузовика, груженного мешками с картошкой. Он вырос в далекой Средней Азии и после школы отправился поступать в институт. Сел на поезд, да по пути отстал и добирался на попутках. Он прожил в столице всю жизнь и все равно говорил с легким акцентом, несколько ему не мешавшим.

Ему вообще ничто не мешало. Он легко сходился с людьми и владел искусством дружбы. Это ему принадлежала крылатая фраза: «Если работа мешает дружбе, брось работу».

Каримов вооружился узенькими очками — на полглаза, выгацил из портфеля сколотые медной скрепкой

бумаги. Вопросительно покосился сначала на Шувалова, затем на Марину:

— Сделку считаем свершившейся? Недовольных нет? Оба кивнули.

Тогда Алик передал бумаги Марине:

— Тут все — свидетельство о владении, бумага из регистрационной палаты. Поздравляю с выгодной покупкой, Марина Олеговна. Основную сумму отдадите завтра, как договорились. Верно?

Марина еле кивнула и углубилась в изучение бумаг, украшенных разнообразными печатями.

— Сомневаетесь, Марина Олеговна? — с деланной обидой в голосе спросил Каримов. — Мне не доверяете?

Марина ласково потрепала его по округлой щеке:

— Не говори глупостей, Алик. Но я бы и копейки не заработала, если бы не имела привычки все бумаги читать, подписи и печати проверять.

Каримов смягчился:

— Надежные люди делали, не беспокойтесь. Тут у вас глава районной администрации просил тестю операцию сделать — аденому убрать. Ну и в знак благодарности все быстренько оформил...

Алик Каримов второй год служил заместителем министра здравоохранения. Насколько хорошим врачом был он сам — на этот счет существовали разные мнения. Со стетоскопом в руке его видели только однокашники. Зато он был славный «орговик», как говаривал в институтские годы секретарь комитета комсомола. Каримову не было равных в умении найти нужного специалиста, устроить в больницу или организовать операцию.

Заместителем министра он стал после того, как избавил дочку премьер-министра от редкой болезни. Каримов с присущей ему настойчивостью отыскал нужных

врачей в Англии и доставил их в Москву. После месячного курса интенсивной терапии дочка главы правительства встала на горные лыжи, а Каримов занял второй по значению кабинет в своем министерстве. В Белом доме считался человеком с перспективой.

Шувалов поднялся.

— Ты куда? — удивился Каримов.

— В туалет.

— Давай быстрее, сделку еще обмыть надо.

Каримов отпустил водителя и явно никуда не торопился. Он плотоядно потирал ухоженные холеные руки. Шувалов не сомневался, что Алик регулярно делает маникюр вместе с женой. Или без жены. Марина произнесла, как в иностранных фильмах:

— Всем выпивка за мой счет.

Помимо выпивки она пока мало что могла предложить. Кроме них троих в этот утренний час в ресторане никого не было. Повара и официанты приходили к одиннадцати. Кроме легкой закуски, выставленной на барной стойке, ничего не нашлось, зато в бутылках недостатка не было.

— Выпивкой хочет отделаться, понимает, что без закуски много не выпьем, — возмутился Каримов. — Да мне как посреднику десять процентов от суммы причитается! Забыли?

Шувалов остановился:

— Пожалуйста, я же тебе сразу сказал, что любой процент твой.

— Шуток не понимает, — так же ернически продолжал Каримов. — Какие деньги? Дружба важнее.

Дружба у них была странная. Два года назад Каримову — он еще не был заместителем министра — понадобилась серьезная помощь в весьма деликатном деле. Шувалов оказал ему услугу, что считал совершенно естественным. Но Каримов никогда не пропускал мимо по-

лезного человека, налаживал отношения. И в знак благодарности позвал его домой.

Шувалов много лет спустя вновь увидел свою первую настоящую любовь. С красавицей Лизой, будущей женой Каримова, у него в студенческие годы был пылкий роман. Поведала ли она об этом Каримову, Шувалов спрашивать Лизу не стал.

— Торопиться не будем. Посидим спокойно, расслабимся. Когда еще такой денек выпадет? Пообедаем вкусно, повара у Марины отменные. В картишки сыграем, — благодушествовал Каримов. — Виталий Александрович, ты в преферанс играешь? Расписать пулю — самое милое дело. Тем более, ты сегодня при деньгах.

— Играю, но в карты мне не везет, — честно ответил Шувалов, заходя в туалет.

Не отрываясь от бумаг, Марина бросила ему вслед:

— Не везет в карты, повезет в любви. А мы воспользуемся вашим невезением в картах и денежки свои вернем.

И сама же рассмеялась.

Шувалов, в сущности, ничего не имел против, особенно если бы Марина не шутила. Если бы ему везло в любви так же, как не везло в карты!..

С Мариной он познакомился на новогодней вечеринке у друзей. В ярко-красном платье с высоким разрезом на бедре она лихо отплясывала возле елки. Шувалов был захвачен ее темпераментом и, воспользовавшись паузой, тоже пригласил ее танцевать, но опоздал! Она уже уходила.

На следующий день Шувалов приехал в ее ресторан. Он проявил настойчивость. Пришел вновь. И не ушел, пока не был вознагражден ее вниманием.

Марина оказалась на редкость откровенной. Призналась, что мужчины не способны увлечь ее надолго, хотя готова попробовать еще раз.

— Ага, — откликнулся Шувалов, — это как в одном гангстерском фильме нанимали убийцу: «Вы приняты на работу, но временно. А если то, что о вас говорят, правда — то очень временно». Значит, я тоже принят очень временно?

Марина расхохоталась. Опровергать слова Шувалова не стала. Однако с того дня прошло почти четыре месяца, и они продолжали встречаться. Марина призналась, что Шувалов поставил рекорд...

В тесной туалетной кабинке стоял неискоренимый запах дешевого мыла. Вымыв руки, Шувалов посмотрел на себя в зеркало. Картина ему не понравилась. Морщины. Седина. Глаза грустные. Все-таки уже староват. Потому он и не заговаривал с Мариной о возможности совместной жизни. Приятели после второй рюмки бодро твердили, что не ощущают свой возраст. Он ощущал.

Шувалов бросил использованное бумажное полотенце в корзину и вернулся в ресторан. Но то, что он увидел в зале, понравилось ему еще меньше.

Марина не успела насладиться удачной покупкой. Украшенные гербовыми печатями бумаги, которые она старательно изучала, разлетелись по полу, залитому кровью. Марина не сумела сохранить нечто более важное — собственную жизнь. Ее горло было перерезано от уха до уха. Разрез был таким сильным, что голова почти отделилась от туловища. Наверное, кровь из горла хлестала фонтаном, потому что стены ресторана, выдержанные в бледно-голубых тонах, стали багровыми.

Алик Каримов, предвкушавший обед с обильной выпивкой, партию в преферанс и поездку в баню, надо понимать, пытался спастись. В момент нападения он находился у стойки, где наливал себе первую в этот день рюмку белой. Увидев, что произошло с Мариной, Алик

бросился к окну, но нападавший действовал быстрее. Кухонным ножом, взятым со стойки, он ударил Каримова в спину и перебил ему позвоночник. Длинный нож вошел в тело по самую ручку.

Каримов лежал лицом вниз, но Шувалов понял, что искать пульс бессмысленно. Бедному Алику не помогла бы вся подведомственная ему медицина. После такого удара не выживают.

Шувалов поднял голову и увидел того, кто все это сотворил. Приземистый мужчина в тонком, не по сезону, спортивном костюме стоял у дверей. Необыкновенно густые волосы, брови, темная щетина на щеках... В левой руке он сжимал пачку денег, которыми Марина расплатилась за домик и участок земли, не подозревая, что ей не суждено воспользоваться приобретением.

Увидев Шувалова, человек в спортивном костюме повернулся к нему. Несколько секунд они, находясь в противоположных концах зала, смотрели друг на друга. Не сводя с убийцы глаз, Шувалов правой рукой нащупал на стойке бара что-то, показавшееся ему оружием. Но убийцу он, видимо, не интересовал. Тот напряженно прислушивался к тому, что происходило на улице. Распахнув дверь, выскользнул из ресторана. Шувалов подбежал к окну, чтобы выпрыгнуть и перехватить убийцу прежде, чем тот исчезнет. Но это сделали без него.

Две полицейские машины резко затормозили у кафе. Высыпавшие из машин стражи порядка были в бронежилетах, с короткоствольными автоматами.

Мужчина в спортивном костюме развернулся и бросился к мрачно темневшему лесу. Он бежал по раскисшей глине так же легко, как спортсмен-разрядник по гравеловой дорожке. На любом спортивном состязании он одержал бы победу над своими соперниками-профессионалами. Но полицейские и не собирались с ним со-

стяжаться. Один из них отдал приказ. Другой остановился, тщательно прицелился, и короткая автоматная очередь поставила точку в этом состязании.

Получив в спину пригоршню свинца, мужчина в спортивном костюме пробежал еще несколько шагов, словно кинетическая энергия пуль приплюсовалась к его и без того немереному запасу сил. Полицейские смотрели на него как зачарованные. Автоматчик вновь прицелился. Но смысл свинцового послания наконец-то дошел и до бежавшего. Мужчина в спортивном костюме рухнул на мокрую глину и покатился в канаву.

Старший вновь что-то коротко скомандовал, и четверо полицейских, закинув автоматы за спину, полезли в канаву за трупом. Действовали они на диво слаженно и умело. Шувалов порадовался за областных стражей порядка, добившихся такого успеха в боевой подготовке. Он только не понял, зачем полицейский, подняв автомат, еще раз выстрелил уже мертвому убийце в голову...

Но все это его уже не касалось, потому что старший из стражей порядка повернулся в сторону ресторана и заметил в окне Шувалова. Они встретились глазами. Этот немой диалог показался Шувалову едва ли приятнее того, что несколькими минутами ранее состоялся с убийцей в спортивном костюме. Ничего хорошего лицо старшего полицейской группы не обещало.

Шувалов предусмотрительно вытащил из куртки паспорт и положил перед собой на столе. Двое полицейских ворвались в кафе с автоматами наперевес. Оба были с офицерскими погонами. Старший с порога закричал:

— Встать! Лицом к стене! — Скомандовал напарнику: — Соколов! Обыщи его!

Чьи-то руки грубо, но сноровисто ощупали Шувалова от подмышек до лодыжек.

— Ты кто и что здесь делаешь? — спросил старший.

У Шувалова был соблазн ответить, что его знает президент страны. Но он воздержался.

— Паспорт на столе.

— Повернись! — скомандовал старший.

Теперь Шувалов увидел обоих.

Молодой блондин с погонами старшего лейтенанта взял паспорт и быстро его перелистал. Глядя на старшего, покачал головой.

— Сходи к машине, позвони — пусть проверят, — распорядился старший в камуфляжной форме с майорскими погонами.

Он подошел вплотную к Шувалову, который продолжал стоять у двери. Полицейский обязан был, конечно, представиться, но, посмотрев на жесткое лицо с двумя продольными шрамами на левой щеке, Шувалов счел за благо не напоминать о правилах несения службы.

— Так кто ты такой и как здесь оказался?

Когда Шувалов несколькими фразами пересказал все, чему был свидетелем, лицо со шрамами презрительно скривилось:

— Что-то мне не нравится твоя история. Повтори ее еще разок, а я послушаю.

Шувалов вновь рассказал, как приехал оформить продажу земельного участка, который достался ему в наследство. Пояснил, что в момент появления в кафе человека в спортивном костюме находился в туалете и при двойном убийстве не присутствовал.

Темные глаза по-прежнему смотрели на него мрачно и подозрительно.

— Как ты вовремя-то в туалет ходил, а?

— Мочевому пузырю не прикажешь, — автоматически ответил Шувалов и сразу же пожалел о неуместной шутке.

Майор подошел к нему почти вплотную.

— Это ты не прикажешь. А я прикажу, и он послушается. Не веришь?

И коленом ударил Шувалова в промежность так, что желание немедленно оказаться в туалете было самым слабым из испытанных им эмоций.

— А я думаю, дело было иначе, — уверенно произнес майор. — Он не убил тебя только по одной причине. Он тебя знал. Может, вы вместе работали, а? Подельники? Давай, признавайся. Кто он тебе? Друг? Родственник? Сослуживец? Говори!

Майор железной рукой схватил Шувалова за ворот. От боли в промежности Шувалова едва не вырвало. Он понял, что полицейская форма на этих ребятах не более чем маскировка. Умению вести допрос, давить допрашиваемого взглядом — и не только взглядом — учили не в полиции, а на курсах спецназа главного разведывательного управления Генерального штаба, где Шувалов в свое время вел семинар.

Дверь кафе хлопнула, и появился капитан, застреливший человека в спортивном костюме. Он находился в прекрасном расположении духа.

— Ни документов, ни вещей не обнаружено, — доложил он майору. — Только доллары в правом кармане спортивных брюк. Неплохая сумма.

Он показал хорошо знакомую Шувалову пачку, завернутую в прозрачный целлофан.

Майор кивнул:

— Доллары держи у себя.

Пачка исчезла.

Распрявившийся наконец Шувалов позволил себе еще одно неуместное замечание:

— Вообще-то это деньги мои. Знаете хорошее выражение: не берите от жизни все, можете не донести.

Майор, развернувшись, ребром ладони ударил его по горлу, так что Шувалов на некоторое время утратил способность вдыхать воздух.

— Ну что за козел, — искренне пожаловался майор своему подчиненному, — когда надо говорить — молчит, когда надо молчать — начинает болтать. Знаешь, чего ему не хватает, Мельник? Хорошего воспитания. — Майор сочувственно покачал головой. — Сразу видно, что пиджак. В армии небось и не служил. Объясни ему, как следует отвечать на мои вопросы.

Капитан Мельник стащил с плеча автомат. Но в этот момент у самого кафе закрипели тормоза, и тесное помещение наполнилось множеством людей в форме и без формы весьма начальственного вида. Появление новых участников этой истории спасло Шувалова от обучения хорошим манерам.

— Майор Осадчий!

Голос человека в хорошо сшитом кожаном пальто звучал столь властно, что этих нот хватило бы на троих, однако старший группы даже не сделал попытку вытянуться. Он показывал всем своим видом, что начальник из другого ведомства ему не начальник.

— Это кто? — поинтересовался обладатель кожаного пальто, указывая на Шувалова. — Свидетель или соучастник?

Шувалов мог бы поклясться, что они хорошо знакомы. Но бывают времена, когда старые знакомые, особенно если они в кожаном пальто и в окружении подчиненных, предпочитают тебя не узнавать.

ПОДМОСКОВЬЕ. МЕЖРАЙОННАЯ ПРОКУРАТУРА

Изнутри прокуратура напомнила Шувалову районную библиотеку в день субботника. Пухлые дела вылезали из древних шкафов, как тесто из квашни. Прямо на полу громоздились монбланы пожелтевших бумаг.

Табличка на двери гласила, что хозяину тесного кабинета доверен высокий пост межрайонного прокуро-

ра. Но занявший кабинет лысоватый человек явно таковым не являлся. Он плюхнулся на скрипучее кресло и, озабоченно порывшись в ящиках обшарпанного стола, недовольно буркнул:

— Ни фига у него нет. Как работает, чем он тут занимается?

Сняв трубку, он попросил какого-то Андрюшу «не в службу, а в дружбу» раздобыть чистые бланки. Виногато объяснил, почему отрывает хорошего человека от важных дел:

— Я же должен показания снять и протокол оформить.

Минут пять, пока несли бланки, он возился с форточкой, побагровел от непривычного физического напряжения, но не справился. Видно, когда окно красили, форточку забыли открыть, и она прилипла намертво. Вдыхая затхлый воздух прокурорского кабинета, в котором явно водились мыши, он громко чихал. Вытаскивал большой скомканный носовой платок и долго в него сморкался.

Раскрыв чистенький протокол допроса, временный хозяин прокурорского кабинета представился:

— Горинович Владислав Эдуардович, старший помощник начальника отдела.

Любопытный от рождения Шувалов поинтересовался, какого именно отдела, но Владислав Эдуардович пропустил вопрос мимо ушей. Он хладнокровно и ничему в отличие от майора Осадчего не удивляясь записал подробный рассказ Шувалова. Почерк у старшего помощника был превосходный, да и слог неплохой. Прочитав протокол, Шувалов безмолвно начертил на каждой странице: «С моих слов записано верно» — и расписался.

Горинович с видом хорошо поработавшего человека упрятал протокол допроса в папку. Встал, собираясь

прогуляться по кабинету, но, сделав два шага, уткнулся в книжный шкаф со стеклянными полками. Книг в шкафу не наблюдалось. На нижней полке валялся выцветший членский билет областного общества рыболовов-любителей и набор крючков. Горинович двинулся в другую сторону и споткнулся о стул, на котором стоял электрический чайник.

Оставив попытку размяться, Владислав Эдуардович вернулся на место. Прочистив нос, он провел бесплатный сеанс воспитательной работы со свидетелем:

— В иной ситуации я бы вас отправил в следственный изолятор. А как иначе? Обстоятельства совершения тяжкого преступления неясны, ваша роль вызывает оправданные подозрения. Так что я в интересах следствия считал бы полезным временно ограничить вашу свободу. Но поскольку личность ваша установлена, принято иное решение.

Лицо его затуманилось.

— Ввиду смерти главного подозреваемого, — вслух рассуждал Владислав Эдуардович, — могу предположить, что расследование двойного убийства в кафе будет прекращено. Для производства дальнейших следственных действий вы едва ли понадобится, раз таковых не предвидится. Так что я вас отпускаю. Но прежде, чем вы уйдете... — На столе появился еще один чистый бланк. — Подпишите здесь, — велел Горинович.

— Что это? — спросил Шувалов.

— Обязательство не разглашать то, что вам известно по этому делу.

— А зачем? — поинтересовался Шувалов.

Горинович, не ожидавший столь наивного вопроса, развел руками. Шувалов расписался и задал следующий вопрос:

— Вы уже выяснили, кто убийца?

Горинович ограничился тем, что отрицательно качнул головой.

— Но вы, по крайней мере, объясните мне, почему на расследование убийства приезжает заместитель директора ФСБ, а на преступника охотится спецназ главного разведуправления Генштаба, зачем-то переодетый в полицейскую форму?

Лицо Владислава Эдуардовича дернулось. Он вырвал подписанный бланк из руки Шувалова и спрятал в ту же папку, где уже покоился протокол допроса. Горинович забыл имя-отчество допрашиваемого, но сверился с бланком и дал бесплатный совет:

— Виталий Александрович, не задавайте лишних вопросов. За вас поручилось известное и нам, и вам высокопоставленное лицо. Поэтому мы вас отпускаем. Но имейте в виду, что ваше неправильное поведение может изменить решение моего руководства относительно меры пресечения. Решительно изменить.

Шувалов встал и с нескрываемым удовольствием размял плечи.

— Последний вопрос. Как мне получить назад деньги, которые мне заплатила хозяйка ресторана за земельный участок? Они лежали на столе. Их забрал убийца.

Старший помощник Горинович утратил всякий интерес к назойливому свидетелю.

— Судя по протоколу осмотра места происшествия, — наставительно заметил он, — денег обнаружено не было. Так что я просто не понимаю, о чем вы говорите.

— А как я могу найти майора Осадчего?

— Вы же понимаете, что здесь не справочное бюро, — буркнул Горинович.

Шувалов лишился не только денег, но и теплой куртки, видимо оставшейся в ресторане. Но попутную машину удалось остановить почти сразу, и молодой водитель довез его до дома, ничего не спрашивая.

МОСКВА. ИНСТИТУТ

Шувалов разделся и встал под горячий душ. Он никак не мог согреться. В махровом халате, подаренном Мариной по случаю Дня защитника отечества, пошел на кухню. Заварил зеленый чай. Произвел нехитрую калькуляцию.

В графу «убытки» занес смерть Марины, с которой он намеревался связать судьбу. Остальные потери — куртка, деньги и земельный участок с домом, который достанется каким-то наследникам убитой Марины, — особого значения не имели. В графу «прибыль» можно было записать чудесное избавление от смерти, внезапно настигшей любимую женщину и приятеля, с которыми он провел утро. Баланс был явно в пользу Шувалова, хотя утрату Марины он в полной мере еще не осознал.

Шувалов вернулся в ванную и тщательно побрился. Интуиция подсказывала ему, что утренняя история будет иметь продолжение. Пока он брился, скептически рассматривал свою физиономию в зеркале. Волосы седые. Еще недавно говорили «соль с перцем». Но за последние год-два перец выщипал какой-то любитель остренького. Осталась одна соль. И брови продернула седая нитка. Небритым ходить нельзя, потому что седая щетина не красит.

Он понимал, что должен набрать номер Лизы Каримовой, но тянул время. Она позвонила первой.

— Я все знаю, — безжизненным голосом произнесла Лиза. — Меня возили в морг, потом в прокуратуру. Ты можешь приехать?

— Где встретимся? — только и спросил Шувалов.

— В институте.

Институт располагался у черта на куличках, в противоположном конце города. Но в субботу вечером пробок не было, и Шувалов легко проехал.

Институт образовали два года назад. Когда Каримов стал заместителем министра, нового директора так и не назначили. Алик чужака не хотел. А может, придерживал место для себя. Министерская должность — штука ненадежная и в любом случае временная.

Обязанности директора исполняла и управляла всеми делами Лиза Каримова. Избавить ее от приставки «и. о.» было не под силу даже ее оборотистому мужу. Лиза докторской диссертации не защитила, поленилась. А поставить во главе научно-исследовательского института кандидата наук — нарваться на скандал. Каримов часто жаловался, что ученые — народ склочный, руководить ими трудно.

Шувалов побывал в институте, когда Лиза отмечала назначение. Институт, обнесенный высоким забором («Самый высокий после кремлевской стены», — смеялся Каримов), и тогда хорошо охранялся. Но сейчас на воротах стояли не равнодушные увальни из частного охранного бюро, а хмурые хлопцы в камуфляжной форме с автоматами. Таких мрачных парней Шувалов уже видел. Не далее как утром, когда его самого держали на мушке.

Он опустил стекло. Перед ним появилась мощная рука в перчатке.

— Документы.

Шувалов показал паспорт, побывавший сегодня уже во многих руках. Он понемногу привыкал к роли чело-

века, вызывающего у окружающих подозрение. Охранник отошел в сторону и пролистал документ, время от времени поглядывая на Шувалова. Автомат по-прежнему был направлен в сторону позднего гостя. Дойдя до последней страницы, охранник протянул паспорт Шувалову, но его рука неожиданно замерла. Охранник сделал шаг в сторону и прижал к уху заверещающий наушник.

Скомандовал Шувалову:

— Убери машину!

— Куда? — переспросил Шувалов.

— Я сказал, убери! — рявкнул охранник, его рука легла на автомат. — Быстро отгони вправо. Прижмись к тротуару!

Шувалов включил двигатель и медленно отъехал в сторону. Что здесь происходит?

Из ворот института на полной скорости вырвался джип. Все стекла были опущены, и видны были лица в темных очках, надетых отнюдь не по причине слабого зрения. Вслед за джипом выкатился черный лимузин, на повороте водитель слегка затормозил, и Шувалов увидел на заднем сиденье известный всей стране чеканный профиль нового министра обороны. За министерским лимузином следовал еще один автомобиль выездной охраны.

Стоявший возле Шувалова автоматчик вытянулся и отдал министру честь. Похоже, он испытал гордость, приветствуя национального героя. Когда кавалькада исчезла, он вновь прислушался к своему наушнику и пересказал поступивший приказ Шувалову:

— Оставьте машину здесь и идите пешком.

— Въехать нельзя? — все-таки поинтересовался Шувалов.

— Институт закрыт для въезда автомашин, — отрезал охранник.

В определенном смысле он не кривил душой: министр обороны не въехал, а выехал из института.

В каменной будке возле ворот еще раз проверили документы Шувалова и велели всё вытащить из карманов. Возмущаться досмотром сил уже не осталось.

Лиза сидела одна в огромном кабинете с зашторенными окнами. Она забралась в черное кожаное кресло с ногами и выключила верхний свет. Шувалов сразу понял почему: глаза заплаканные, никакого макияжа. Впрочем, голубоглазая блондинка Лиза Каримова все еще могла смело обходиться без косметики.

В юности она была очень красива, поэтому Каримов бился за нее с другими претендентами смертным боем. И сейчас, несмотря на возраст и бурно проведенную молодость, она по-прежнему была хороша.

— У тебя были высокие гости? — Шувалов просто не знал, с чего начать разговор.

— Гости? — недоумевающе переспросила Лиза. — Какие могут быть гости? Сегодня же суббота. Я в институте одна.

Она поднялась навстречу Шувалову, сделала несколько шагов и зарыдала. Шувалов подхватил ее и прижал к себе роскошное тело, которое его всегда возбуждало.

— Какая чудовищная история, — прошептала Лиза. — Алик уехал рано. Сказал, что у него важная встреча за городом, потом обед с министром. Обещал, что вечером пойдем на премьеру в театр. Я уже стала одеваться, когда позвонили из прокуратуры и... — Она вновь зарыдала. — В морге я не могла смотреть на него, — шептала она. — Знаешь, там лежал другой человек.

Шувалов недоуменно посмотрел на нее:

— Ты хочешь сказать, что тебе показали тело другого человека?

— Нет, нет, — поправилась она. — Ты не так меня понял. Это был Каримов. Но совсем другой, не такой, каким я его знала. Боже мой, как все это могло произойти?

— Смерть никого не красит. — Шувалов произнес дурацкие слова. Он не знал, как в таких случаях утешать женщин.

Лиза опустилась на диван и усадила рядом Шувалова.

— В прокуратуре не смогли ответить ни на один мой вопрос. Расскажи мне ты. Ты же все видел своими глазами.

Меньше всего Шувалов хотел рассказывать ей, как именно это произошло. Ресторан, окрашенный в багровые тона кровью Марины... Каримов с загнанным в него ножом по самую рукоятку...

— Я же не видел, как его убили, — Шувалов старался не лукавить. — Как назло, именно в этот момент я вышел в туалет. Если бы я остался...

— Не говори так, — Лиза приложила палец к его губам. — Не гневи судьбу. Слава богу, что ты вышел. Если бы тебя убили, я бы... Я бы этого не перенесла...

Шувалова тронули ее слова. Со времен их юношеского романа минуло четверть века. Через жизнь Лизы прошло множество мужчин. Шувалов и не предполагал, что Лиза сохранила к нему теплые чувства.

— Кто его... их убил? — спросила Лиза.

— Не знаю. Убийца был без документов, без вещей. Станный тип. Я бы назвал его сумасшедшим, но он схватил со стола пачку денег и пытался с ней убежать. Значит, был не таким уж безумным.

Лиза опять начала рыдать:

— Господи, неужели из-за каких-то жалких денег...

Шувалов предложил ей свой белоснежный носовой платок. На улицах города убить могли и за копейку, но у него была другая версия.

— Мне кажется, он убегал.

— От кого?

— Никто мне так и не ответил на вопрос, почему возле ресторана появился спецназ. Они приехали туда неслучайно. Они же не знали, что там произойдет двойное убийство. — Тело Лизы дернулось, и Шувалов пожалел, что произнес это слово. — Есть только одно объяснение, — продолжил Шувалов, — они гнались за ним и настигли возле ресторана. Если бы поторопились, и Алик, и Марина остались бы жить.

— Так кто же он такой? — прошептала Лиза.

— Тут какая-то загадка. Ответ надо искать у тех, кто послал спецназ, переодетый для маскировки в полицейскую форму.

— Для маскировки? — переспросила Лиза.

— Не могли же они ездить по городу и области в военной форме с оружием и стрелять. Преследовать преступников имеет право только полиция. Но кто-то им это разрешил. Кто-то выдал машины и обмундирование.

Очень странная история, подумал Шувалов. Но для Лизы значение имеет только то, что она потеряла мужа. Все остальное — чьи-то ведомственные игры.

— Зачем ты сидишь здесь? — спросил Шувалов. — Поезжай домой.

Лиза посмотрела на него. В прозрачных голубых глазах можно было утонуть.

— Мне страшно, — призналась она. — Я не представляю себе, как вернусь домой, включу свет, войду в комнату, а его нет. Представляешь — повсюду его вещи, фотографии, его безделушки, коллекции. А его самого нет. — Она в отчаянии помотала головой. — Я не выдержу.

Это Шувалов понимал. Сам пережил нечто подобное.

— Тебе не у кого пожить неделю-другую, пока ты придешь в себя? Близкие родственники, надежные подружки?

— Что я, к старикам поеду? Упаси господь! Я не выдержу их разговоров. У родителей мне еще хуже станет.

— Совсем наоборот, их разговоры тебя отвлекут, — убеждал ее Шувалов. — Годится любой вариант, лишь бы тебе не оставаться одной в квартире. — Он предложил: — Давай я тебя отвезу домой, помогу быстро собрать самые необходимые вещи и доставлю к родителям.

Лиза провела рукой по его щеке:

— Может, ты останешься у меня? С тобой я отвлекусь.

Как он когда-то мечтал услышать эти слова! С тех самых пор, как влюбился в нее на школьном выпускном вечере.

Лиза не смогла противостоять его юношескому напору. Бурный роман продолжался ровно полгода. Потом Лиза остыла к нему и переключилась на кого-то другого. Началась длинная череда ее влюбленностей, закончившихся браком с Каримовым.

Шувалов тоже не тосковал по былому. Он женился — и по любви! Только вот навсегда забыть Лизу не смог.

Они увиделись на встрече выпускников. Тогда собралось восемнадцать человек. Он узнал всех, кроме солидной дамы, матери троих детей, в которую превратилась одна белобрысая худышка. Закупили еды, наняли автобус и на весь день закатали на дачу к одному из ребят. День был, как назло, холодный, гулять не вышли, так до вечера и проторчали в доме.

Встреча получилась трогательной. Рассказывали, кто чем занимается, сколько у кого детей. Нашлись и передовики, хваставшиеся многодетной семьей. Раздобыли

гитару, спели, как в былые времена. В какой-то момент показалось, что они и вовсе не разлучались.

Ему хотелось поговорить с Лизой наедине. Но никак не получалось. Он устроился за большим столом с краю и видел ее профиль. Она показалась ему такой же красивой. Грива белокурых волос, мягкие черты лица, все те же знакомые жесты, завораживающая улыбка.

Только перед отъездом он осмелился подойти.

— Я так рад видеть тебя, — негромко произнес он.

— И я тоже, — ответила она без кокетства и, как ему показалось, искренне.

Господи, у него чуть голова не закружилась, когда он заглянул в эти глаза. Когда она стояла рядом, он ничего вокруг не видел и не замечал. Словно вернулось все, что было. Он ругал себя за то, что не позвонил ей раньше.

— Давай встретимся, — предложил он.

— Ты действительно хочешь этого? — спросила она и посмотрела на него с нескрываемым любопытством и удивлением. — Ведь прошло столько времени.

Ему захотелось вновь оказаться с ней наедине. Рассказать о себе. О том, что он всегда любил ее. Хотя они давно расстались и у каждого была своя судьба. Сколько раз он ловил себя на мысли, что ему смертельно хочется снять трубку телефона и позвонить по номеру, который он будет помнить, наверное, до конца жизни.

Встретиться так и не получилось. Он долго выбирал удобный день, чтобы можно было не торопиться, наговориться вволю. Искал уютный ресторан, куда можно было пригласить Лизу. Но все дни оказались, как назло, заняты. Потом пришлось срочно уехать в командировку. Когда они вновь повстречались, она была замужем за Каримовым.

Прошло четверть века! И вот: достаточно одного ее слова, и он готов бежать за ней. Чистое безумие! Без-

умие, о котором нельзя даже мечтать! Господи, у него же перед глазами тело убитой утром Марины... Впрочем, он понимал, в чем разница. Марину любило его тело, Лизу — душа.

Телефон избавил Шувалова от необходимости отвечать на неудобный вопрос. Зазвонила «вертушка», аппарат правительственной связи, установленный в институте, который вел важную тематику оборонного значения. Каримов невнятно объяснял Шувалову, что получил государственный заказ на создание каких-то препаратов для военных. Под это дело он выбил для института не только «вертушку», но и многое другое.

Лиза свернулась в кресле, как кошка. Шувалов восхищенно смотрел на нее, не прислушиваясь к разговору, который вела Лиза. Вернее, она больше слушала.

— Да... Конечно... Хорошо... — Она искоса посмотрела на Шувалова. — Здесь... Могу... Хорошо...

Раньше, чем Лиза повесила трубку, Шувалов понял, что сегодня вечером его услуги не понадобятся. Лиза вернулась на диван и прижалась к Шувалову. Она ласково взъерошила ему волосы и прошептала:

— Какой ты замечательный. Почему все-таки ты женился на другой?

Шувалов хотел было напомнить забывчивой Лизе, что это она первой выскочила за молодого дипломата. Тот нуждался в изменении семейного положения для длительной командировки в Прагу. Лиза рассудила, что, как ни хорошо ей с Шуваловым в постели, мужа надо подбирать по иным критериям...

Спорить с женщиной и особенно доказывать ей свою правоту — последнее дело. Шувалов встал.

— Я пойду. Позвони, когда я тебе понадоблюсь.

Лиза поцеловала его и прижалась к нему всем телом. Шувалов на секунду замер. Едва нашел в себе силы оторваться. И правильно сделал. Лиза ничего тако-

го не имела в виду. Она просто проверяла, сохранилась ли ее власть над ним.

Шувалов прошел через вестибюль, где почему-то включили свет. Неужели ради него? Какая честь! А для кого еще? Коридоры пустые, все окна темные. Похоже, в институте Лиза и в самом деле была одна из всего персонала. Но к кому же в таком случае наведывался в этот субботний вечер новый министр обороны? Наверное, у военных есть в институте секретный отдел, к которому Лиза не имеет отношения.

Если в институте воцарилась тишина, то в будке охраны творилось что-то невообразимое. Туда набился целый взвод вооруженных людей, которые неодобрительно смотрели на Шувалова. Он забрал свой паспорт и вышел за ворота.

Вместо одного автоматчика на улице собралось человек десять. Один из них, озабоченно поглядывая на часы, приказал Шувалову:

— Отъезжайте побыстрее!

Шувалов не спешил. Он действовал по правилам. Завел двигатель, включил габаритные огни и вышел посмотреть, работают ли поворотники. Ближайший к нему автоматчик нетерпеливым жестом показал, что пора отъезжать. Шувалов никак не реагировал. Он пристегнул ремень безопасности, отрегулировал зеркало бокового обзора, выжал сцепление и включил первую передачу.

Только он тронулся с места, как автоматчики словно с цепи сорвались. Они велели ему остановиться и встали вокруг него, готовые стрелять, если он тронется с места. Шувалов выключил двигатель и положил руки на руль, чтобы они не беспокоились.

Через три минуты показались машины сопровождения, а за ними черный лимузин. Институтские ворота были заблаговременно открыты. Кавалькада, как у ми-

нистра обороны, влетела во двор, и ворота закрылись. За воротами остались только две полицейские машины с включенными проблесковыми маячками; их дело расчищать дорогу, больше им ничего знать не положено.

Автоматчики вокруг Шувалова расслабились. Один из них махнул ему рукой: проезжай.

Теперь Шувалов не стал валять дурака. Через секунду его машина растворилась в темноте.

С такой охраной в стране ездят всего несколько человек. Кто же из них навещал вечером Лизу и с какой целью? И что заставляет высших чиновников государства совершать паломничество в скромный научно-исследовательский институт?

В детстве Шувалов мечтал быть Героем Советского Союза. Мечта зародилась у него, когда мама посылала его в прачечную с тючком белья. Стиральных машин-автоматов еще не существовало. В полуподвальной комнате вилась длиннющая очередь. Принимала грязное и выдавала чистое белье одна и та же женщина в давно уже не белом халате. Томиться в медленно продвигавшейся очереди приходилось не меньше часа, а во дворе ребята вовсю играли в футбол!

На выкрашенной в бледно-желтый цвет голой стене, прямо над головой маленького Шувалова, красовалось отпечатанное извлечение из правил торговли, оповещавшее граждан о том, что Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда и кавалеры всех трех орденов Славы обслуживаются вне очереди.

Героем непонятного ему Социалистического Труда юный Шувалов себя не видел. На три ордена Славы тоже не рассчитывал — слишком много. А золотую пятиконечную звездочку мысленно примерял себе на грудь. Выходило на редкость удачно — и белье можно сдавать без очереди, и звездочка сама по себе красиво смотрелась.

Теперь в прачечной, куда ходил Шувалов, очереди исчезли: все дорого. Но он не мог отказаться от привычки спать на чистых и хорошо выглаженных простынях. Рубашки он стирал и гладил себе сам, но подступиться к простыням с утюгом не рисковал. Да и костюмы после профессиональной глажки смотрелись явно лучше.

В приемном пункте его и застал звонок одного из руководителей Федеральной службы безопасности.

— Виташа!

Прижав к уху мобильный телефон, Шувалов невольно усмехнулся: давно же он не слышал этот голос с бархатными интонациями. В студенческие годы Валерка Лебедев признавался, что подумывал, не поступить ли ему в театральный. От его голоса с ума сходили все женщины. Но, подумав, Валерка выбрал другой вуз и другую стезю. И не промахнулся.

Видно, волк в лесу сдох, подумал Шувалов, если самый занятой человек на Земле решил уделить ему малю толику своего внимания.

— Виташа, — непринужденно продолжал Лебедев, словно они вчера расстались, — почему старых друзей избегаешь? Отчего не звонишь? Не заходишь? Не надо отрываться... Старые друзья тоже могут пригодиться.

— Для какого же дела тебе может пригодиться старый друг? — предпочел уточнить несентиментальный Шувалов.

— Не ты мне, а я тебе! — хохотнул Лебедев. — Но по телефону не имею права. Ты и сам понимаешь. Ты — единственный свидетель по делу о двойном убийстве в ресторане.

— Я уже все рассказал...

Голос на том конце провода поскукнел:

— Ну ты что... Хочешь, чтобы тебя официально вызвали на допрос? Чтобы повестку прислали? Могу это

устроить и даже полицейского в форме к тебе домой прислать... А не хочешь, так сам приезжай к трем часам. Я пообедаю, и поговорим по душам.

Приемщица уже нетерпеливо постукивала карманным калькулятором:

— Будете платить?

Шувалов буркнул в трубку:

— Приеду.

И полез за бумажником.

МОСКВА. ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Страна менялась, а на Лубянке все было по-прежнему.

Массивный человек, плотно упакованный в черный костюм, распахнул двери своего кабинета ровно в три часа. Помощник вытянулся, ожидая указаний, но Лебедев, не обращая на него внимания, пригласил Шувалова жестом:

— Прошу, Виталий Александрович.

— Точны, как король, Валерий Сергеевич, — ему в тон ответил Шувалов.

Лебедев тоже не знал о его разговоре с президентом. Значит, это должно оставаться тайной.

Уже в кабинете Лебедев добродушно хлопнул его по плечу:

— Не ершись, Виташа! Ты же не чужой человек. Ты один из нас, поэтому помогай.

Валерке Лебедеву в юности сказали, что он похож на последнего русского императора. Когда должность позволила, Валерка отрастил бородку и даже зачесывал волосы, как Николай II. В его лице действительно появилось что-то значительное. С годами сходство с императором усилилось. Увидев Валерку, начальники

испытывали неодолимое желание держать его рядом с собой. Может, им казалось, что у них в подчинении настоящий царь?

Лебедев с интересом посмотрел на Шувалова.

— Если учесть то, что я о тебе слышал, выглядишь неплохо. Спортом небось занимаешься. На ночь не ешь, водки не пьешь, а? Только седой совсем.

Шувалов не поддержал светской беседы:

— Давай, Валерка, говори, зачем я тебе понадобился.

Лебедев рассмеялся.

— Ты даже не подозреваешь, что только за право войти в мой кабинет, просто войти, большие деньги платят? Раз у меня побывал — значит, к власти приближен, может решать вопросы, от него не отмахнешься... А ты своего счастья не ценишь.

Шувалов посмотрел ему в глаза:

— Вот это ты точно заметил.

Веселость слетела с лица Лебедева. Он указал Шувалову место напротив себя, а сам пошел к сейфу. Шувалов с интересом наблюдал за тем, как распахнулась дверца сейфа, откуда была извлечена тоненькая папка. После чего массивный человек, не расстегивая пиджака, уверенно расположился в кресле.

— Позволь вопрос, — не выдержал Шувалов. — Прямо в день убийства меня допрашивал прокурор. Он сказал, что я больше не понадоблюсь.

— Поясняю. — Кивнул Лебедев. — Горинович хотел прекратить дело о двойном убийстве в ресторане в связи со смертью подозреваемого. Превысил свои полномочия. Дело должно быть расследовано досконально. Мы поправили военную прокуратуру.

— Тогда еще один вопрос. — Шувалов улыбнулся. — Речь идет об обычном уголовном преступлении. Поче-

му же ты интересуешься этим делом? При чем тут Федеральная служба безопасности?

Вопрос Лебедеву не понравился. Да и вообще очень немногие имели право задавать ему вопросы. Но ответ Шувалов все-таки получил.

— Убит заместитель министра. Думаешь, это каждый день происходит? Смерть федерального чиновника такого уровня — достаточное основание для нашей работы. Пришлось докладывать президенту.

Спрашивать, каким образом в тот субботний день Лебедев, одетый в кожаное пальто, незамедлительно оказался на месте преступления, Шувалов не стал. Лебедев заставил его еще раз пересказать всю историю. Особо заинтересовался эпизодом с майором Осадчим.

— И что у тебя случилось с деньгами?

— Они исчезли.

— Майор Осадчий забрал? — предположил Лебедев. — Ты не крути, скажи, как было.

— Я знаю одно, — стоял на своем Шувалов. — Убийца схватил деньги и выбежал с ними на улицу.

Лебедев перестал делать пометки и встал из-за стола.

— Зачем покрываешь этого Осадчего? Все еще помнишь разговоры об офицерском братстве? — по-дружески упрекнул он Шувалова. — Если хочешь знать, Осадчий опозорил свою офицерскую честь. Он же совершеннейший бандит. Да еще и вор, оказывается. С него давно пора содрать погоны. Ему место на скамье подсудимых. С твоей помощью можно прекратить его художества раньше, чем он кого-нибудь убьет.

Шувалов выслушал эту тираду с некоторым удивлением.

— Если вы тут, в ФСБ, считаете его бандитом и вором, — недоумевал Шувалов, — почему же он продолжает службу в главном разведывательном управлении Генштаба?

— Так мне и нужна твоя помощь, чтобы его посадить, — признался Лебедев. — Доказательства надо собрать. Свидетельские показания. Ты же знаешь, как с армейскими непросто. Тем более, когда назначен новый министр обороны — национальный герой. На него в вооруженных силах молятся. Никто его критиковать не решается. Сейчас особисты, военная контрразведка, в трудном положении. К армейским не подберешься.

Шувалов промолчал. Лебедев зашел с другой стороны.

— Двести тысяч долларов, — так же доверительно и заботливо говорил он, — большие деньги. Очень большие. Для нас с тобой, живущих исключительно на зарплату. Не хочешь говорить об Осадчем — твое дело. Но ты тем самым отказываешься и от денег. Я-то тебя знаю. Но у следствия, между прочим, могут возникнуть сомнения. «Как легко он расстался с такими деньгами! Неужто у него есть какие-то доходы побочные?» Вцепятся в тебя, начнут трясти, копать в грязном белье. Приятного мало. Не думал о таком повороте, Виташа, а?

— Где, кстати, я могу найти Осадчего? — поинтересовался Шувалов, вставая.

— Выдавать место службы военнослужащего не имею права, — отрезал Лебедев. — Это секрет. Вот если бы ты пошел нам навстречу, тогда...

МОСКВА. БОЛЬНИЦА СКОРОЙ ПОМОЩИ

Телефонный звонок Лизы застиг Шувалова в дверях. — Когда ты приедешь? — спросила она.

Лиза не любила тратить слова впустую. В далекой теперь юности она могла позвонить днем или ночью и, не здороваясь, сказать: «Родители уезжают на дачу через пять минут. Я начинаю раздеваться». И бросала

трубку. Попробовал бы он упустить такую возможность!

Шувалов спросил ее, видно, по наитию:

— Ты случайно не знаешь человека по фамилии Осадчий? Он военный, майор.

Ответ был неожиданным:

— Знаю. Грубиян, но занятный. Он несколько раз приезжал в институт вместе с одним важным посетителем.

Шувалов уже понял, кого сопровождали майор Осадчий и его команда.

— Пытался за мной ухаживать, — продолжала Лиза. — Представляешь себе? Гора мускулов, глаза черные, пугающие. Такого на улице встретишь — испугаешься. Приглашал в свой любимый грузинский ресторан. Сказал, что обедает там каждый день. Шашлыки — лучшие в городе.

Майор Осадчий действительно с двух до трех ел в любимом грузинском ресторане. Машина у него была казенная с форсированным двигателем. Пока майор утолял голод, водитель в камуфляжной форме, откинув переднее сиденье, прилег, закурил и уставился на экран переносного телевизора.

Шувалов встал за углом. Он не знал, сколько ему придется ждать Осадчего. Коротая время, Шувалов грыз тыквенные семечки, свежие и хорошо прожаренные. Кожуру аккуратно сплевывал в урну. Когда Осадчий появился в дверях, Шувалов не без сожаления выбросил еще не опустевший фунтик с семечками и двинулся на встречу майору.

— Осадчий!

Майор легко повернулся и увидел Шувалова.

— Ты еще жив? — искренне удивился он.

— А кому я нужен мертвый?

— Ты спроси себя иначе, — Осадчий презрительно скривил губы. — Кому ты нужен живой?

— Я тебя, майор, не понимаю, — негромко произнес Шувалов. — Ты же знаешь, что я к убийству в ресторане отношения не имею. Чего ты меня ненавидишь?

Майор посмотрел на него презрительно:

— Слишком много чести, чтобы я тебя ненавидел.

Осадчий плюнул и пошел к машине.

— Майор, — окликнул его Шувалов. — Деньги-то верни. Мои двести тысяч. Они не ворованные. Я дом продал.

Осадчий, не оборачиваясь, процедил:

— Я из-за твоей банды человека потерял. Деньги его родителям отдам, когда к ним в деревню поеду.

Шувалов схватил его за рукав:

— Майор, я не знаю, о какой банде ты говоришь, но я в ней не состою. Ты меня с кем-то спутал. Объясняю: ты взял мои деньги. Надо отдать.

— Сейчас я тебе кое-что объясню, — многообещающе заметил Осадчий. Он облизнул губы. — Помимо этого чурки, замминистра, в ресторане зарезали женщину, которую я любил. Думаешь, я прощу такое?

Шувалов не поверил своим ушам. Он с таким недоумением посмотрел на Осадчего, что тот повторил — для особо непонятливых:

— Женщина, директор ресторана, Марина Олеговна, которую убили, — я ее любил. Дошло?

Дошло. Шувалов не мог себе представить, что Марина была одновременно и любовницей майора Осадчего. Она, конечно, говорила, что ей нужны разные мужчины. Но это воспринималось как шутка. Получается, она не шутила? Шувалов делил ее с майором? Сегодня он, а завтра Осадчий? Майор вытащил из нагрудного кармана мобильный телефон, поднес Шувалову к лицу.

— Она мне эсэмэски посылала каждый день. Знаешь, что это такое?

Шувалов знал. Марина и ему посылала два-три нежных сообщения в день. Он только не подозревал, что запаса нежности ей хватало на двоих.

Майор продолжал говорить:

— А ее зарезали, как овцу. То ли в твоём присутствии... То ли ты предусмотрительно ушел... То ли это сделал твой поделщик... То ли еще кто... Пока не знаю. Но выясню, кто это сделал и зачем. И какова твоя роль. В прокуратуре говорят, что охотились на этого чурку из министерства. Я не верю. Кому он нужен? Я считаю, хотели убить Марину. Из-за денег. И если ты в этом деле повязан... Руками разорву... Так что держись-ка ты от меня подальше.

Лицо Осадчего налилось кровью, был бы Шувалов впечатлительнее, мог бы и испугаться.

— Послушай, майор, — сказал Шувалов. — Марина для меня значила не меньше.

Напрасно он произнес эти слова. Лицо Осадчего побледнело. В ту же секунду кто-то обхватил Шувалова сзади и мертвой хваткой сжал его руки. Осадчий размахнулся и врезал ему в солнечное сплетение. У Шувалова в животе словно взорвалась граната. Он бы рухнул на землю, но его крепко держали. Осадчий ударил его еще дважды, прежде чем Шувалов потерял сознание.

Когда он открыл глаза, то увидел склонившегося над ним заместителя директора ФСБ Валерку Лебедева в неизменном черном костюмчике.

— Где я? — спросил Шувалов, едва шевеля губами.

— В больнице, где же еще, — назидательно ответил Лебедев. — Ты лежал на земле. Сердобольные граждане решили, что пьяный. Вызвали полицию. Патруль обнаружил у тебя в кармане мою визитную карточку.

Позвонили в секретариат. Я распорядился отправить тебя в приличную больницу. Как освободился, подъехал сам.

Лебедев ногой подтянул стул и уселся возле кровати. Кроме них двоих в палате никого не было.

— Кто же тебя так отделал, Виташа? — деловито спросил Лебедев. — Осадчий со своей командой?

Шувалов отвернулся к стене.

— Виташа, перестань его покрывать! — уговаривал его Лебедев. — Он же тебя убьет. Я же понимаю, что произошло. Ты случайно ввязался в идиотскую историю. Но для Осадчего ты — преступник, гуляющий на свободе. Майор считает тебя виновным не только в смерти двоих людей в ресторане, но и в гибели своего подчиненного. Тот погиб во время преследования. Я вообще удивляюсь, что ты живой остался... Ведь ты умный парень, Виташа, опытный. Зачем пошел к Осадчему? Из-за денег? Он их не отдаст. Неужели сразу не понял? Пиши заявление, и я сделаю все, чтобы тебе их вернули.

Шувалов разлепил спекшиеся губы:

— А почему Осадчий считает, что я соучастник?

Лебедев удивился его наивности.

— И ты бы на его месте решил то же самое. Он находит в ресторане два свежих трупа. Обоих только что зверски убили. А ты невредим. Почему преступник двоих зарезал, не задумываясь, а тебя пальцем не тронул?

— Я вышел в туалет и не...

Лебедев нетерпеливо отмахнулся.

— Мне можешь не пояснять. Я изучил все обстоятельства совершения преступления и склонен тебе верить. Именно поэтому, между прочим, военная прокуратура тебя не засадила. А то бы ты сразу за решеткой оказался. Они уж и клетку тебе приготовили. Я не позволил, потому что верю тебе. А Осадчий не верит. Я знаю, кто ты и откуда. Но Осадчий не знает.

Последние слова, сказанные с намеком, Шувалов пропустил мимо ушей.

— Выяснили уже, кто убийца?

— Пока нет, следственная бригада работает. — Лебедев вновь перешел на сутубо официальный тон.

Валерка Лебедев ушел, и Шувалов заснул, точнее, просто провалился в сон. Когда проснулся, за окном стемнело. Сколько было времени, он не знал — наручные часы тоже исчезли. Видимо, кому-то понадобились. Как и его деньги. Все складывалось не в его пользу.

Он попытался привстать. Сделать это оказалось непросто. Откинул одеяло и спустил ноги на пол. Тут же закружилась голова. Несколько секунд он боролся с дурнотой. Старался дышать ровно и глубоко. Провел рукой по лицу — оно было мокрым от пота.

Первый шаг сделал, держась за оставшийся от Лебедева стул. Встав, Шувалов осмотрел себя и произвел несложную ревизию вещевого хозяйства. На нем остались трусы, носки и мятая рубашка. Туфли обнаружались под кроватью. Брюки, свитер и куртку зачихнули в черный пластиковый мешок. Кажется, в таких переносят трупы, подумал Шувалов.

Одевшись, он почувствовал себя увереннее. Видимо, плотно пообедавший Осадчий бил его не в полную силу. Вернулись простые человеческие желания. Это означало, что не все так уж и плохо. Ему срочно нужно было найти туалет, а потом поесть.

Пошарил по собственным карманам. Ни бумажника, ни мобильного телефона. Видимо, сердобольные граждане, обнаружившие его тело, пришли к поспешному выводу, что ни то, ни другое ему больше не понадобится. Хорошо хоть оставили паспорт и ключи от квартиры. Пара сотен чудом сохранилась в куртке.

Шувалов вышел в коридор — там было пусто и темно. Значит, уже достаточно поздно, в больнице отбой.

Он взял курс на тусклый огонек и добрался до поста. Настольная лампа горела, но дежурная сестра отсутствовала. Впрочем, Шувалову сейчас нужен был только телефон. Он помнил все три номера Лизы — набрал номер мобильного. Когда она ответила, поинтересовался:

— Ты где?

Она ойкнула:

— Это ты где? Я страшно волнуюсь. Позвонила тебе пару часов назад. Ответил чужой голос, послал меня матом: «Ты сюда, телка, больше не звони! Мужика твоего удавили». Представляешь себе мое состояние? Что происходит? Кому ты отдал свой телефон?

Шувалову было трудно стоять, и он опустился на сестринский стул.

— Я, честно говоря, не знаю нового владельца.

— Что за дурацкие шутки! — возмутилась Лиза. — Если бы не знала, что ты не пьешь, решила бы, что набрался. Где ты?

— В больнице, — ответил Шувалов, параллельно с разговором изучавший содержимое шкафчика, уставленного на дежурном посту.

— О господи! В какой больнице и с чем тебя госпитализировали?

Фармакологические познания Шувалова были скудными, и он прибег к помощи специалиста.

— Спазмалгон — это болеутоляющее? — уточнил он у Лизы.

— Да, но в некоторых случаях он оказывает побочное действие, поэтому не стоит им увлекаться.

— Не буду, — обещал Шувалов.

Он выдал из упаковки несколько таблеток, поискал глазами графин с водой, не нашел и стал глотать таблетки одну за другой.

— Почему ты молчишь? — удивлялась Лиза. — Объясни мне толком, что с тобой произошло. Где ты лежишь?

Шувалов хотел ответить, что он, собственно, и не знает, что это за больница, но едва не подавился таблеткой, и закашлялся.

— Тебе плохо? — испугалась Лиза. — Я немедленно приеду, скажи номер больницы.

Шувалов справился с таблетками, и способность внятно говорить вернулась.

— Я сам к тебе приеду.

— Так ты же в больнице, — удивилась Лиза.

— Меня уже выписывают. Ты дома или в институте?

— В институте. Но ты не должен...

— Подожди меня, если не спешишь, — попросил Шувалов.

Он повесил трубку и встал. В коридоре столкнулся с дежурной сестрой, которая заботливо несла утку.

— Это вам доктор велел, чтобы вы не вставали, — озадаченно произнесла сестра. — А куда это вы?..

— На свидание, — признался Шувалов. И уточнил: — К лифту налево или направо?

МОСКВА. ИНСТИТУТ

Машина Шувалова, видимо, осталась там, где он беседовал по душам с майором Осадчим. Пришлось добираться самостоятельно. С пятой попытки остановил автомобиль, чей хозяин согласился довести его до института за те пару сотен, которые остались у Шувалова.

На сей раз министры ему навстречу не выезжали. Но институт по-прежнему охраняли автоматчики. Процесс проверки прошел быстрее, потому что Шувалов был без машины, да и личного имущества у него поубавилось.

Он медленно прошел по длинному коридору до кабинета Лизы. Наверное, таблетки подействовали, боль

притупилась. Навалилась усталость; его качало, хотелось немедленно прилечь и заснуть.

Лиза встретила Шувалова у дверей.

— Боже, ужасно выглядишь, — она всплеснула руками. — Ты попал в аварию, разбился? Почему тебя выписали в таком состоянии? Ты минимум пару дней должен находиться под наблюдением врачей.

Произнося все это, Лиза умело стащила с него куртку, свитер и рубашку, уложила на директорскую кушетку. Шувалов не сопротивлялся. Не только потому, что безумно устал. Ему нравилось, как Лиза его раздевала. У нее был даже не профессиональный, а природный талант к этому делу.

Лиза проверила его рефлексы, осмотрела грудную клетку. Когда она дотрагивалась до тех мест, которые испытали силу кулаков майора Осадчего, Шувалову хотелось стонать от боли, но он сдерживался. Лиза приступила к осмотру нижней части тела, расстегнула молнию на брюках.

— Ты не торопиться? — Шувалов пытался шутить. — Сразу, без прелюдий? Давай хотя бы немного поговорим.

— Размечтался. Кому ты такой нужен? — слабо улыбнулась Лиза. — Не хотелось бы тебя обижать, но в настоящий момент как мужчина ты не представляешь большого интереса.

Он намеревался оспорить ее утверждение, но Лиза нащупала то место, куда Осадчий добавил, видимо, сапогом, и Шувалов взвился чуть не до потолка.

— Какая ужасная гематома! — охнула Лиза. Она ощупала его ноги, но там повреждений не было. — Ты мочился? Не испытываешь трудностей при мочеиспускании? — спросила она.

Шувалов покачал головой:

— Нет, это по-прежнему одна из немногих радостей, еще доступных мужчине моего возраста.

— Болтушка ты, — Лиза усмехнулась. — Даже удивительно, что при таком языке тебя бьют сравнительно редко.

Она присела рядом с ним. Он смотрел на ее красивое лицо без единой морщинки, на голубые глаза, длинные золотистые волосы. Сейчас, когда глаза у него слипались и все немного расплывалось, ему казалось, что Лиза вообще не изменилась с того счастливого мгновения, когда они впервые остались вдвоем.

Шувалов в потрепанных, но модных отцовских башмаках на толстой подошве и в отцовской же кожаной куртке заехал к ней за тетрадкой по химии, и они вышли погулять.

Лиза жила тогда на Ленинских горах, со временем вновь ставших Воробьевыми. Развлекая ее, Шувалов описывал в лицах, как в пятом классе ездил во Дворец пионеров заниматься в кружке юных астрофизиков. Однажды они остались ночевать прямо на столах, чтобы ночью наблюдать за метеоритным дождем. Но набежавшие облака лишили их этого счастья. Они всю ночь вертелись на жестких столах, жевали принесенные из дома бутерброды, честно поделенные на всех, и слушали допотопный ленточный магнитофон, казавшийся чудом техники. Тогда он впервые услышал Высоцкого.

Я долго ждал ее,
И вот она пришла —
Широкая и плоская,
Как рыба камбала.

Гуляли они с Лизой долго — стемнело как-то очень быстро, и им приходилось держаться ближе друг к другу. Кончилось это тем, что, стоя у парашюта, они стали

целоваться, совершенно забыв об открывающейся перед ними чудесной панораме города.

Родители Шувалова предпочитали круглый год жить за городом, пустая городская квартира осталась в его распоряжении. Словом, все благоприятствовало роману. Даже сдача экзаменов и поступление в институт не помешали. Когда звонила мама, чтобы выяснить, чем занят ее любимый сынок, он честно признавался, что ждет в гости красивую девушку. «Желаю удачи», — говорила мама.

Роман развивался настолько бурно, что Шувалов едва не вылетел с первого курса. Лекции он еще посещал, а вот домашние задания не делал, учебников не читал, к семинарам не готовился и, главное, забросил иностранные языки, что грозило двойками на сессии и прощанием с высшим образованием.

Карьеру Шувалова спас неожиданно возникший на горизонте седовласый профессор-теннисист. Он с такой энергией атаковал Лизу, что Шувалов потерпел поражение. С помощью профессора Лиза делала успехи и на корте, и в учебе. Но интерес к профессору быстро угас, потому что на горизонте появился дипломат, оформлявшийся в длительную заграничную командировку...

Шувалов, получив отставку, неожиданно для самого себя налег на учебу и сдал сессию на все пятерки. Разрыв с Лизой переживал болезненно. Хотя никто, даже самые близкие друзья, не подозревали о бушевавших в его груди страстях. Тогда он научился скрывать эмоции — качество, сыгравшее немаловажную роль в его будущей карьере.

Самое поразительное состояло в том, что он Лизу вообще не возненавидел, хотя она его бросила. Не обиделся. И не стал к ней равнодушен. Он по-прежнему ее любил. Иногда даже представлял, какие у них могли быть дети...

— Нужно сделать томографию, — озабоченно сказала Лиза. — Посмотреть размеры гематомы, проверить, не повреждены ли внутренние органы.

Шувалов нахмурился.

— Это не больно, — утешила его Лиза. — Томограф — это прибор вроде рентгена. Но в отличие от рентгена на потенцию не влияет.

Шувалов взял ее за руку.

— Ты полагаешь, мне все это еще понадобится? У меня еще будет шанс? — проникновенным голосом осведомился он.

Лиза вскочила с кушетки.

— Какой ты нудный! Только об одном и говоришь.

Она сняла с вешалки белый халат.

— Ты способен передвигаться или мне сходить за креслом?

— Куда я должен идти?

— Я же тебе объяснила: нужна томография.

— Схожу завтра в поликлинику, — нечестным голосом обещал Шувалов.

— Не завтра, а сейчас. У нас в институте прекрасные томографы.

— Сейчас поздний вечер. В институте никого нет.

— А я на что? — обиделась Лиза. — Меня ты за врача не считаешь?

— Я знаю, что у тебя есть диплом об окончании медицинского института, но помнится, ты столько тогда прогуляла лекций, бегая ко мне на свидания...

Лиза довольно метко запустила в него подушкой, лежавшей на кушетке.

— Перестань болтать, — строго сказала она. — К твоему сведению, я кандидат медицинских наук.

— А ты уверена, что читала собственную диссертацию? — спросил Шувалов, обреченно поднимаясь с кушетки.

Лиза поискала глазами, чем бы еще в него запустить. Конечно, Шувалов ковылял с трудом, но виду не подавал. Когда вошли в лифт, Лиза нажала на кнопку подвального этажа.

— Это там, куда вы свозите трупы и разделяете их на части? — невинным голосом поинтересовался Шувалов.

Лиза только отмахнулась.

Спустившись, они оказались перед металлической дверью с цифровым замком. Лиза набрала код, дверь открылась, и автоматически зажегся свет.

— Нам налево, — пояснила Лиза.

Массивная металлическая дверь с мягким чмоканием закрылась за ними.

— Зачем вам такая дверь? — поинтересовался Шувалов.

— А это спецблок. Сюда военные медики приезжают, чтобы проводить опыты по своим программам.

— Что за опыты?

— Честно говоря, не знаю, — безмятежно призналась Лиза. — Это хозяйство Каримова и профессора Усманова.

— Кто это?

— Усманов — научный руководитель спецблока. Он односельчанин Алика. Старше его, конечно. Был оппонентом на защите докторской диссертации у него. Алик пригласил его в столицу. Через военных сделал ему гражданство, регистрацию, квартиру, добился присвоения профессорского звания. Алик говорит, что Усманов — гениальный ученый. — Лиза сама поправилась: — Говорил.

И замолчала. Слезы навернулись у нее на глаза. Шувалов не стал продолжать разговор. Они шли по обычному больничному коридору, по обе стороны которого были двери с табличками. Когда дошли до конца коридора и свернули еще раз, свет потух. Шувалов стукнулся головой об угол стены и не сдержался:

— Тьфу ты, дьявол! Что такое со светом?

— Не знаю. Здесь такая система установлена, что, когда человек идет, свет горит, — пояснила Лиза. — Может, сейчас действует какой-то ночной режим? Зажигается — и через несколько секунд гаснет.

— А вручную его нельзя включить? — спросил Шувалов.

— На стенах должны быть выключатели, — ответила Лиза. — Но в темноте их совершенно не видно.

— Давай двигаться назад, — предложил Шувалов. — Держи меня за руку, а то потеряемся.

— Не хотелось бы, — прошептала Лиза, — не сейчас.

Одной рукой Шувалов крепко держал Лизу, другой дергал за ручки всех дверей, мимо которых они проходили. Но двери были заперты. Да уж, в спецблоке, опекаемом военными, двери обязательно будут замкнуты на сто замков, даже если в комнате пусто.

К его изумлению, одна дверца неожиданно подалась.

С криком «ура!» Лиза устремилась вслед за ним. Они оба долго шарили по стенам, пока Лиза не нащупала выключатель. Свет крохотной лампочки без абажура показался им невыносимо ярким. Когда глаза привыкли, Шувалов осмотрелся. Они попали в чулан, где институтские уборщики хранили свой инвентарь. Лиза удивилась. Новый томограф только что установили, еще даже не испробовали толком. А вот откуда здесь комната уборщиков, да еще открытая? Впрочем, сейчас это было им на руку. Но беглый осмотр показал, что ни телефона, ни переносного фонарика, ни — на худой конец — коробка спичек в комнате нет.

Лиза с удрученным видом присела на табуретку. Шувалов продолжал копаться в чужом имуществе. Он просыпал на себя стиральный порошок и получил по затылку старой шваброй. Больше всего его позабавило, что в кладовке хранились институтские стенгазеты.

— Богатая у вас культурная жизнь, — прошипел Шувалов, отодвигая пачку старых листов, чтобы добраться до табуретки, на которой все-таки обнаружилась огромная пепельница и виднелся коробок со спичками.

Стенгазеты, сооружавшиеся из толстого ватмана, грохнулись на пол, обдав Шувалова облаком пыли, из-за чего он немедленно начал чихать. Зато открылся путь к вожделенному коробку.

Шувалов аккуратно переступил через ворох свалившихся бумаг, стараясь не наступать на них, — тем более что сверху оказался пожелтевший номер с фотографиями передовиков науки. Он схватил коробок, и взгляд его упал на фото человека, показавшегося ему знакомым. Шувалов замер. Ничем не приметный лысоватый субъект с впалыми щеками смотрел прямо перед собой.

— Лиза, — поинтересовался Шувалов, не сводя взгляда с заинтересовавшей его фотографии. — Ты в институте всех знаешь? Хотя бы в лицо?

— В общем да. Не забывай, что я подписываю заявления о приеме на работу и пропуска.

Шувалов поманил ее рукой:

— Посмотри, кто этот человек?

Лиза подошла поближе:

— А это несчастный Ежовский.

Шувалов насторожился.

— Почему несчастный?

— Он умер от цирроза печени. Сгорел за несколько месяцев. Видишь, как плохо выглядит? Снимок, наверное, сделали незадолго до смерти.

Она еще раз наклонилась над стенгазетой, чтобы рассмотреть другие материалы.

— Точно! — воскликнула она. — Это предновогодний номер. Поздравляли всех, кто хорошо работал в прошлом году. А в конце января Ежовский умер.

— Когда это было? — переспросил Шувалов.

Лиза покачала головой.

— Точно не помню. Где-то в конце января.

Шувалов засунул фотографию Ежовского в карман.

— Зачем тебе это? — недоумевала Лиза. — Ты что, встречался с ним?

Шувалов кивнул.

— Немного странный и очень одинокий человек, — вспомнила Лиза. — В институт его привел профессор Усманов. Ежовский хотя и русский, но тоже из Средней Азии. Приехал сюда один. Постоянной регистрации у него не было. Взяли по договору на год. В январе контракт с ним продлили, ему обещали российский паспорт, но ничего не понадобилось...

Коробок был наполовину полон. Шувалов решил, что этого им хватит для того, чтобы благополучно добраться до лифта. Последнюю спичку он зажег уже для того, чтобы Лиза набрала номер кода и открыла массивную дверь.

Оказавшись у лифта, Лиза решительно сказала:

— Сейчас позвоню дежурному, чтобы он включил свет. Мы вернемся, и я все-таки сделаю тебе томографию.

Шувалов мягко остановил ее:

— Знаешь, у меня уже ничего не болит.

Выражение лица у него было очень неискреннее.

— Врешь, — Лиза не колебалась. — Я видела твою гематому. Болит и болеть будет долго.

Ему следовало бы забрать назад ернические замечания относительно медицинской квалификации Лизы. Диагноз она поставила точно. После прогулки по темному коридору живот разболелся еще сильнее. Но назвать этот поход неудачным он не мог. Найденная им фотография стоила любых приключений.

Человек на снимке, по словам Лизы, умер в конце января. А Шувалов встретил мертвеца несколько дней

назад. Ошибка исключалась: он видел его при таких обстоятельствах, в каких каждая деталь отпечатывается в памяти навсегда. Это он в ресторане зарезал и Марину, и Каримова, которого он, как выясняется, прекрасно знал. После чего он умер — выходит, во второй раз, — когда его автоматной очередью свалил спецназовец из группы майора Осадчего.

Единственное, чего не мог понять Шувалов, это каким образом скончавшийся в январе от цирроза печени человек пару месяцев спустя оказывается живым. Да еще и в отличной физической форме!

На фото он с глубокими залысинами и впавшими щеками. Действительно тяжело больной человек. Доходяга. Цирроз печени не лечится. А в ресторане Шувалов видел человека с густой шевелюрой и завидным румянцем на щеках. И бегал он как олимпийский чемпион. Пока его не уложили очередью из автомата, он явно не жаловался на здоровье.

С Лизой они расстались в дверях ее квартиры. Несколько секунд оба молчали. Было мгновение, когда Шувалов совсем уже решил войти вслед за ней, и все-таки остановился. Алика Каримова только что похоронили, и не хотелось пользоваться одиночеством и отчаянием Лизы. Да он и не мог забыть Марину. И не забыл бы! Если бы не слова Осадчего. Он поверил ему — Марине одного мужчины могло показаться мало. Значит, он сильно ошибался в Марине?

Шувалов поцеловал Лизу и ушел.

Она обещала наутро выяснить все, что связано с покойным Ежовским. И сдержала обещание. Правда, совсем не так, как просил Шувалов.

Она позвонила ему еще до обеда.

— Личного дела Ежовского в институте не оказалось, — сообщила Лиза. — Его же брали временно. Документы временных работников, сказали мне в отделе

кадров, не хранят. Странно! Я поинтересовалась у профессора Усманова...

Шувалов схватился за голову. Он же просил ее не привлекать внимания, никого ни о чем не спрашивать!

— Профессор невероятно удивился моему вопросу, — продолжала Лиза. — Объяснил, что у Ежевского не было ни братьев, ни сестер. Его кремировали, и Усманов лично отвез урну с прахом на родину Ежевского и захоронил на сельском кладбище рядом с могилами родителей. Вот и все, что удалось выяснить...

МОСКВА. ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Шувалов поехал забирать свою машину, которая так и стояла возле любимого грузинского ресторана майора Осадчего. Автомобиль, к счастью, оказался на месте. Никто на него не польстился. Шувалов счистил грязь с лобового стекла и сел за руль. Его ожидал на Лубянке Валерка Лебедев.

На перекрестке, когда Шувалов перестроился в левый ряд, чтобы свернуть на проспект, прямо перед ним воткнулся молодой парень на старой японской правой машине. Влез, конечно, куда не следовало, забыв, что надо соблюдать дистанцию. Он стоял, почти вплотную прижавшись к прицепу грузовика, перевозившего автомобили. Когда зажглась стрелка, указывавшая налево, водитель грузовика включил сцепление, но многотонная махина на возвышении, прежде чем тронуться с места, чуть подалась назад.

Парень запаниковал, включил заднюю скорость и... въехал в машину Шувалова. Грузовик прощально мигнул поворотником и уехал. Парень на японском авто и Шувалов остались. Он включил аварийный сигнал и вышел посмотреть масштабы бедствия. Все было не так страшно — разбита левая фара и помят бампер.

— Извини, друг, — сказал парень. — Я бы тебе запла- тил, тут ремонт на копейки, но у меня машина казенная и застрахованная, придется вызывать гаишников.

Он вытащил мобильный телефон, но звонить не понадобилось. За поворотом, как выяснилось, примо- стилась патрульная машина. Пузатый капитан, помахивая жезлом, направился к ним. По радиии сообщил о до- рожно-транспортном происшествии, назвал номера машин. Потом небрежно козырнул и попросил у парня документы.

Повернулся к Шувалову:

— Вы ни в чем не виноваты, но попрошу права и до- кументы на машину. Будем составлять протокол.

Шувалов кивнул. Полез во внутренний карман курт- ки. И не обнаружил там ничего, помимо паспорта. Он с ужасом сообразил, что все документы, включая права и техпаспорт на машину, у него украли вместе с осталь- ными вещами. Следовательно, с точки зрения закона он не только управляет транспортным средством без доку- ментов, но и ездит на машине, которая ему не принад- лежит.

Он нащупал в заднем кармане несколько купюр, на- деясь, что денежные знаки помогут выйти из глупого положения.

— Капитан, — сказал он, — вышел из дому без доку- ментов. Только паспорт в кармане.

Инспектор нахмурился:

— А вы понимаете...

— Понимаю, — сразу согласился Шувалов. — Взял инспектора под локоток, отвел его в сторону.

— Мы не можем как-то договориться? Я со своей стороны готов на любой вариант.

Инспектор сочувственно объяснил:

— У меня в кабине начальство сидит. Проверка на линии. Единственное, что могу, — эвакуатор не вызову.

Поедешь со мной в управление и поставишь машину. Привезешь документы, и свободен.

— Спасибо, — обрадовался Шувалов.

Новым мобильным телефоном он тоже еще не обзавелся, поэтому подошел к парню, который его стукнул, и попросил разрешения воспользоваться сотовым. Тот подозрительно наблюдал за переговорами Шувалова с инспектором, но не отказал. Все-таки ощущал свою вину. Попросил:

— Только недолго, а то деньги на счету кончатся.

Шувалов все же сделал два звонка. Валерке Лебедеву — объяснил, где находится и почему задерживается. Лизе — подтвердил, что обязательно заедет, но совсем вечером.

На составление протокола ушло минут сорок, потом все поехали в управление. Капитан с сигаретой во рту махнул Шувалову рукой:

— Поставь машину за микроавтобусом и зайди в пятый кабинет.

Шувалов забрал из машины куртку и пришел. Капитан, раздевшись и закурив, дописывал какие-то бумаги. Посмотрев на Шувалова одним глазом, пробурчал:

— Оставь мне ключи и дуй за документами. До пяти успеешь — я здесь. Нет — завтра с утра. Понял?

Шувалов кивнул и положил на стол ключи от машины. Зазвонил телефон. Капитан снял трубку и напрягся. Свободной рукой он задержал Шувалова:

— Подожди.

Шувалов удивленно посмотрел на капитана.

Тот повторил в трубку:

— Ясно, товарищ полковник... Понял, товарищ полковник.

Повесив трубку, посмотрел на Шувалова неприязненно.

— Поездка за документами отменяется.

Дверь с шумом распахнулась, и появились старые знакомые — Владислав Эдуардович Горинович из военной прокуратуры и майор Осадчий с двумя автоматчиками. Горинович предъявил капитану свое удостоверение и попросил покинуть собственный кабинет. Слова «Главная военная прокуратура» производят в автоинспекции пугающее действие. Капитан, ни о чем не спрашивая, испарился.

— Чему обязан таким вниманием? — Шувалов переводил взгляд с Гориновича на Осадчего.

Горинович, которому было не привыкать хозяйничать в чужих кабинетах, вольготно расположился в кресле инспектора. Другим сесть не предложил.

— Гражданин Шувалов, документы у вас с собой?

— Да.

— Паспорт есть? Дайте сюда.

Горинович внимательно пролистал его паспорт, бормоча про себя:

— Шувалов Виталий Александрович, год рождения... прописан... Ага, все сходится.

Он засунул паспорт в свою папочку, и Шувалов понял, что сегодняшняя встреча добром не кончится. И как в воду смотрел. Из той же папочки появился ордер на арест.

— Ознакомьтесь и подпишите, — распорядился Горинович.

На мгновение Шувалову стало не по себе. Разное с ним случалось, но вот под арестом в родной стране он еще не был.

— В чем меня обвиняют?

— Вы арестованы как соучастник убийства заместителя министра Каримова, — пояснил Горинович.

— В ФСБ мне сказали, что Федеральная прокуратура забрала это дело у военной.

Майор Осадчий расхохотался за спиной у Шувалова:

— Во-о законники отыскались!

Горинович насмешливо посмотрел на Шувалова:

— Ваш друг в ФСБ не в курсе. Товарищ Каримов был военнoслужащим, имел воинское звание генерал-майор. — Увидев удивление в глазах Шувалова, добавил: — Раньше бы сказали: медицинской службы. Каримов был военным медиком, состоял на действительной военной службе. Поэтому дело об убийстве генерала рассматриваем мы. А из материалов дела неопровержимо вытекает, что вы — соучастник этого преступления. Учитывая тяжесть содеянного и вашу опасность для общества, я избрал в качестве меры пресечения содержание под стражей. Главный военный прокурор санкционировал ваш арест. — Горинович кивнул Осадчому.

— Уведите арестованного!

Двое автоматчиков схватили Шувалова за руки и вывернули их назад так, что его лицо оказалось где-то на уровне колен. В таком виде его стащили вниз по лестнице и засунули в машину с затемненными стеклами. Автоматчики уселись по бокам, Осадчий расположился рядом с водителем. Машина, включив сирену, рванула с места. Майор Осадчий повернулся к Шувалову, его черные глаза блеснули:

— Советую вести себя смирно. А то ведь можно и пулю в затылок получить при попытке к бегству.

Отправили Шувалова, видимо, на гарнизонную гауптвахту. Во всяком случае, во дворе, куда заехала машина, в замызганном коридоре с облупившейся краской, куда его повели, повсюду попадались люди в обычной армейской форме, не обращавшие никакого внимания на арестованного.

Его завели в маленькую комнату и усадили на табуретку, привинченную к полу. Встать и поворачиваться запретили. Один из автоматчиков остался за спиной.

Появился Горинович — уже без пальто и с папкой в руках. Уселся за стол и отослал автоматчика.

— Такой разговор нам с вами предстоит, — загадочно обещал Владислав Эдуардович, — лишние уши не нужны. — И многозначительно посмотрел на Шувалова.

Тот никак не реагировал.

— Значит, что у нас есть? — начал Горинович. — Показания майора Осадчего и двух его подчиненных. Они на допросе показали, что видели, как вы помогали Ежескому убивать заместителя министра Каримова. Подтверждаете их показания?

— Как они могли что-то видеть? — поинтересовался Шувалов. — Они-то находились на улице, когда Ежевский убивал обоих. И Алика, и Марину.

Горинович довольно кивнул.

— Правильно, и я задавал им тот же вопрос. Они объяснили, что видели все через окно. Потому и бросились в ресторан, чтобы предупредить убийство. Но не успели. Ежевский пытался бежать и был убит. А вы не смогли убежать и избрали другую тактику — сделали вид, что не участвовали в преступлении. Сразу, по горячим следам, не удалось полностью восстановить картину совершенного преступления, поэтому вы оставались на свободе. Но мы эту ошибку исправили. — Горинович раскрыл свою папку. — Теперь о мотивах преступления. Вы убили Каримова...

— Я не убивал, — счел необходимым уточнить Шувалов.

Горинович рывкнул на него:

— Не перебивайте меня! Вы на допросе, а не у тещи на блинах. Будете говорить, когда я разрешу. — И тут же вернулся к своему обычному тону. — Повторяю. Вы убили Каримова, вступив в предварительный преступный сговор с его женой, Каримовой Елизаветой Ивановной.

Шувалов не выдержал:

— Она-то здесь при чем? Что за чушь!

Горинович обиделся на слово «чушь» и нажал черную кнопку на столе. Распахнулась дверь, и вошел один из людей Осадчего. Он вопросительно посмотрел на прокурора.

— Задержанный нарушает правила внутреннего распорядка, — пожаловался ему Горинович.

Автоматчик одной рукой ударил Шувалова в левое ухо, другой — в правое. У Шувалова потемнело в глазах, и он полетел с табуретки.

— Поднимите его, — распорядился Горинович. — Что за поведение во время допроса! Задержанный совершенно не умеет себя вести.

Но Шувалов, почти потерявший сознание, вновь соскользнул вниз. Автоматчик ударил его сапогом. Удар пришелся в грудь. Шувалову показалось, что у него сердце остановилось от боли.

— Попробуйте еще раз, — приказал Горинович.

Автоматчик отвел ногу назад, готовясь к новому удару, но Горинович его поправил:

— Я не это имел в виду. Попробуйте его посадить.

Когда Шувалова, как мешок картошки, взгромоздили на табуретку, он ухватился за нее обеими руками, чтобы не упасть.

— Идите. — Любитель порядка Горинович счел урок завершенным и удовлетворенно отпустил автоматчика.

Владислав Эдуардович обратился к Шувалову, который смотрел на него мутными глазами, стараясь не свалиться с табуретки:

— Вы меня слышите?

Его слова донеслись до Шувалова с опозданием, как будто прокурор находился в соседнем созвездии. Шувалов кивнул.

— Ответьте как положено, — настаивал Горинович. — Привыкайте к тюремным порядкам, пригодится.

— Я вас слышу, — старательно выговорил Шувалов. Он не узнал собственного голоса.

— Советую подумать над серьезностью вашего положения, — рекомендовал Горинович. — Вы обвиняетесь в убийстве, заранее продуманном, хладнокровном, совершенном с особым цинизмом! Суд не проявит к вам снисхождения.

Горинович покопался в своих бумажках.

— Итак, вы убили заместителя министра Каримова по предварительному сговору с его женой, с которой длительное время состояли в интимной связи. Вы вдвоем задумали избавиться от мужа, который вам мешал. А Елизавета Каримова надеялась еще после смерти мужа занять место директора института. Вот вам мотив. — Горинович вытащил из папки толстый пакет. — Теперь переходим к доказательствам. По нашему запросу телефонная компания, обеспечивающая мобильную связь, представила нам запись и расшифровку тех посланий, которыми вы обменивались с Каримовой. Это так называемые эсэмэски. Понимаете, о чем идет речь?

Шувалов кивнул. Еще бы!

— В этих посланиях, — продолжал Горинович, словно прочитавший его мысли, — нет прямых указаний на то, что вы договорились об убийстве. Разумеется, вы оба были достаточно осторожны. Но у меня есть веские основания полагать, что, даже если вы будете упорствовать и не захотите дать признательные показания, мы все равно получим необходимые доказательства. — Горинович сделал паузу. — Мы арестуем Каримову. Она, уверен, даст нам признательные показания.

Он торжествующе посмотрел на Шувалова.

— Зачем вам Лиза? — с трудом выговорил Шувалов. — Зачем вы вообще все это затеяли? Вы же знаете, что мы с ней не виноваты в убийстве.

Горинович нажал черную кнопку.

Появился автоматчик.

— Отведите его, — распорядился Горинович.

Шувалов без команды заложил руки за спину, подумав, что он на диво быстро привыкает к тюремному бытию. Его провели по коридору и поставили лицом к стене, пока надзиратель отпирал камеру. Когда металлическая дверь, открываясь, закрипела, надзиратель командовал:

— Вперед!

Шувалов зашел в первую в своей жизни тюремную камеру. Вслед за ним шагнул автоматчик. Он вновь ударил Шувалова по голове, а когда тот рухнул, добавил сапогом в живот. Автоматчик ушел с чувством выполненного долга. Его место занял надзиратель.

— Что разлегся, твою мать? Не у тещи! — заорал он. — Встать, если не хочешь получить по морде еще и от меня!

Шувалов с трудом приподнялся.

— По распорядку дня запрещено ложиться до отбоя, — информировал его надзиратель. — Можно сидеть или ходить по камере. Ясно?

Шувалов с трудом уселся на табурет. Голова безостановочно кружилась. Все силы уходили на то, чтобы не упасть. Надзиратель ушел, хлопнув дверь. Но тут же нагнулся, чтобы посмотреть в глазок. Хотел убедиться, что новичок выполняет правила внутреннего распорядка. У Шувалова сложилось впечатление, что все поклонники порядка, сколько их набралось в стране, работают исключительно в тюрьмах. На другие сферы жизни их просто не хватает.

Утром Шувалова опять вывели на допрос.

Горинович тоже с немалой пользой для себя провел свободное время. Он постригся, то есть окончательно оголил бледный череп, сменил черный костюм на коричневый, к которому подобрал почему-то зеленую рубашку и зеленый же в горошек галстук. На фоне такой

роскоши более чем скромная внешность Шувалова вызвала у него что-то вроде безразличия.

— Паршиво выглядите, — не без удовольствия констатировал Горинович.

В камере не было зеркала, так что Шувалову оставалось только поверить прокурору на слово.

— Садитесь.

Горинович распаковал свою папочку и принялся выкладывать на дощатый стол в пятнах неизвестного происхождения все новые и новые бумаги.

— Неужели желание обладать женщиной стоит того, чтобы себя так мучить? — неожиданно спросил он.

Шувалов вопрос позабавил. Кто бы мог предположить, что прокурорский служака в свободное время размышляет над вечными проблемами бытия?

— Так мужчина и живет ради того, чтобы завоевывать женщину, — пробормотал Шувалов.

Горинович отнесся к его легкомысленным словам неодобрительно:

— Понятно, что при таких взглядах вы убили человека ради женщины.

— Вообще-то я не убивал, — заметил Шувалов, чувствуя, что становится нудным в своем намерении поправлять чуть не каждое слово прокурора.

Горинович пропустил его слова мимо ушей:

— Итак, начинаем работать. Первый вопрос: когда вы вступили в связь с женой Каримова?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. Он не имеет отношения к предъявленному мне обвинению.

Горинович повелительным жестом остановил его:

— Это мне решать — имеет отношение, не имеет...

Шувалов ответил, что роман с Лизой у него был двадцать лет назад, а теперь они просто друзья.

— Второй вопрос, — продолжал Горинович. — У кого родилась мысль убить Каримова: у вас или его жены? Кто из вас придумал план убийства?

— Мы не планировали убить Каримова, — твердо ответил Шувалов, — и у нас даже не возникала такая мысль.

— Интересно, — Горинович оторвался от своих бумаг. — Вы втихаря обманываете старого друга, спите с его женой, и вас это вполне устраивает. Ну да, никакой ответственности за нее вы не несете. Она живет на мужнины деньги. Может, еще и подарки вам делает? А? Признайтесь! А вы только срываете цветы удовольствий. Ишь, Дон Жуан какой-то.

Горинович, похоже, испытывал искреннее негодование по поводу аморального поведения задержанного. В этом читалось что-то личное. Может быть, ему жена изменяла?

Шувалов покачал головой.

— Я не находился в интимных отношениях с Елизаветой Ивановной, когда она была женой Каримова. И вообще отказываюсь обсуждать свою личную жизнь как не имеющую отношения к делу.

— У вас больше нет личной жизни! — закричал Горинович. — Была, пока вы не убили двух человек, а мы вас не поймали. А теперь мне придется раскапывать всю вашу жизнь, чтобы наказать виновных. Историю ваших гнусных отношений с женой Каримова мы хранить в тайне не станем... Разве что в память о погибшем что-то скроем, — неожиданно добавил он.

В дверь без стука кто-то вошел, доложил с порога:

— Все готово, Владислав Эдуардович, машина пришла, конвой здесь.

— Отлично, — обрадовался Горинович. — Шувалов, объявляю вам, что сейчас вас отправят на место совершения преступления. Там будет проведен следственный эксперимент. Покажите нам, как вы действовали в тот день. Заодно выясним, могли ли вас видеть в окно

бойцы из отряда Осадчего. Ваши адвокаты на суде обязательно в это обстоятельство вцепятся. Не оставим им никакой надежды.

Меньше всего Шувалову вновь хотелось оказаться в загородном ресторане, с которого все началось. Хотя, если быть точным, началось с его решения продать свой участок вместе с домом.

А ведь Каримов его тогда отговаривал:

— Виталий, ты делаешь глупость. Я знаю, что ты человек непрактичный, но не до такой же степени! Неужели ты не понимаешь, что с каждым годом стоимость твоего участка только растет? Земля под Москвой — это же самое выгодное вложение капитала.

Говоря все это, Каримов никак не мог оторваться от зеркала. У него, ровесника Шувалова, еще не было ни одного седого волоса. Зато он начал лысеть и страшно переживал по этому поводу. Он вертелся у зеркала, придвигая волосок к волоску, чтобы скрыть опустошение, произведенное безжалостной природой.

— Я не могу там жить, — пояснил Шувалов. — После смерти Тани я ни разу не ездил. Пойми, мы этот дом строили вместе, и там все о ней напоминает.

Для Каримова такой проблемы просто не существовало. Он провел щеточкой по усикам и дал ценный совет:

— Этот дом сдай. Построй другой. Начни новую жизнь. Ты же не всегда будешь один. Нужен кредит на строительство — я помогу. Процент — нормальный, выплаты осилишь.

Шувалов позавидовал легкости, с которой Каримов решал бытовые проблемы.

— Дело не только в доме, — пояснил он. — Там все связано с Таней. Вижу забор — ее вспоминаю, она сама его разрисовывала. Вижу две елки у калитки — ее вспо-

минаю, потому что она их посадила в год нашей свадьбы. Говорила: будет нам память...

Произнес эти слова и оборвал себя. Хватит! Слишком болезненно. А если начать вспоминать Таню, то и вовсе невыносимо. Он никого не любил так, как ее. И уже не полюбит... После похорон силой заставил себя жить и работать дальше. И роман завел, и жениться решил, чтобы из прошлого себя вытащить.

Каримов задумался. Его нижние зубы привычно прихватили край усиков. У него был личный интерес. Еще год назад он взял у Шувалова ключи от дома и частенько туда навещался. Видимо, не один, но Шувалов не проявлял неприличного любопытства. Настойчивость Каримова свидетельствовала, скорее, о том, что он не желал терять уютное гнездышко в полчасе езды от города.

Каримов продемонстрировал свои незаурядные организаторские способности. За неделку нашел покупателя — им в последний момент оказалась Марина. Она, объяснил Каримов, скупала землю впрок. Ни жить там, ни сдавать дом она не собиралась, это было вложение капитала. Так что тайная обитель и после смены владельца оставалась в полном распоряжении Каримова...

Когда Шувалова выпустили из машины, на какой перевозят заключенных, он полной грудью вдохнул свежий весенний воздух. Но подышать ему не дали, сразу провели в ресторан. Там даже не прибрались после двойного убийства. Видимо, прокуратура запретила что-либо трогать — до окончания следствия.

Вместе с Гориновичем поехали два надзирателя с автоматами. Один — знакомый Шувалову, тот самый, кто учил, как следует вести себя в камере. Другой, прапорщик, не походил на тюремщика. Шувалов мог поклясться, что и его он тоже видел. По дороге вспомнил — это

боец из отряда майора Осадчего. Но почему его выдают за сотрудника тюремной охраны? Ответ мог быть только один. И он не понравился Шувалову.

В ресторане Шувалов показал, где в тот день сидели Марина и Каримов. По знаку Гориновича присел на свое место возле самого окна.

— Значит, вы утверждаете, что в момент передачи документов на земельный участок и дачное строение вы встали и ушли в туалетную комнату? — уточнил Горинович.

Он все записывал в протоколе.

— Да, — подтвердил Шувалов.

— Надо же, в такой важный момент вы вдруг уходите? И оставляете крупную сумму денег на столе без присмотра? — иронически покачал головой Горинович. — Неужели вы думаете, что вам поверит суд? — Его лицо выразило неодобрение возмутительной несерьезностью допрашиваемого. — Покажите, как именно вы шли в туалет, — распорядился Горинович. — Будьте точны.

Шувалов показал.

— Сидите в туалетной комнате и ждите команды, — велел ему Горинович, — а я выйду на улицу и посмотрю, что видно с улицы.

Он повернулся к прапорщику:

— Как я махну рукой, так вы скажите задержанному, чтобы он выходил.

Тюремный прапорщик, который с наслаждением прикуривал взятую с барной стойки сигарету от большой настольной зажигалки, лениво кивнул:

— Ясно.

Его явно ни во что не посвятили.

Второй прапорщик проводил Шувалова насмешливым взором. Он не выпускал автомата из рук, словно собираясь пустить его в ход. Убит при попытке бегства — вот и конец всей истории...

Шувалов вновь оказался в тесной туалетной комнате. Открыл кран с горячей водой. С наслаждением вымыл руки и ополоснул лицо. Вытираясь, посмотрел в окно. Оно выходило на дорогу. Машина, на которой его привезли, стояла с другой стороны.

Он опустил задвижку и распахнул окно. Выглянул — на этой стороне не было никого, кто мог заметить его побег. Он залез на подоконник и неуклюже прыгнул вниз. От удара о землю заньло избитое тело. Но он сжал зубы и побежал к дороге.

Его побег заметили слишком поздно. Не ожидали от него такой прыти. С усилием он вскарабкался на асфальт и поднял руку. Оглянулся. Прапорщик — подручный майора Осадчего — целился в него. Но для прицельной стрельбы слишком большая дистанция. И много свидетелей.

Когда остановилась какая-то машина, Шувалов плюхнулся на сиденье и попросил добросить до города. Оглянулся — погони не было.

Шувалов думал о том, что у него есть только один шанс избежать пули или тюрьмы — самому решить эту загадку и выяснить, почему же был убит заместитель министра и генерал в штатском Алик Каримов.

Единственный человек, способный ему помочь, — Лиза. Помогая ему, она спасет и себя. Горинович запросто способен ее арестовать. А что сделают с ней в камере, Шувалов и думать не хотел.

МОСКВА. ИНСТИТУТ

Вид у Шувалова был хуже некуда. На лице двухдневная щетина, под левым глазом кровоподтек. Одежда своя. В казенное только осужденных переодевают. Но брюки смялись до состояния тряпки, а куртка разорвана в двух местах.

Водитель посматривал на него подозрительно, но Шувалов сидел с важным видом. Он назвал адрес института, всей душой надеясь, что Лиза на месте. Когда подъехали, Шувалов попросил встать подальше от фонаря. Позаимствовал у водителя мобильный телефон, пообещав: «Заплачу за все».

Тот, поколебавшись, протянул трубку. Шувалов дрожащими от усталости и напряжения пальцами набрал номер. Лиза — в крик:

— Где ты? Я уже думала, тебя нет, морги все обзвонила.

Шувалов не хотел говорить долго:

— Я рядом. Выйди с деньгами. Мне заплатить нечем.

Когда вернул трубку, водитель, пожилой человек с наколкой на правой руке, посмотрел уже с сочувствием:

— Я когда плавал, тоже попадал в переpleты. Ты правильный курс держишь. Всегда надо к своей бабе возвращаться. Это первое правило. Она отругает, но простит.

Лиза выбежала из ворот в распахнутом пальто. Шувалов вылез, стараясь держаться в тени, чтобы охранники не увидели его лицо. Лиза обняла его. Щеки у нее были мокрые — то ли от слез, то ли моросившего дождя.

— Что ты со мной делаешь? — Лиза хлюпала носом. — Как же ты мог пропасть? Не позвонив, не дав о себе знать... Что я должна была думать после смерти Алика? Я решила, что кто-то и с тобой расправился...

Шувалов гладил ее по плечам. Голова водителя показалась из машины:

— Слышь, кореш, мне пора.

Смущенный Шувалов попросил Лизу:

— У меня с собой ни копейки... Будь добра, надо заплатить водителю.

Лиза с готовностью раскрыла сумку.

— Какие глупости, возьми, сколько надо.

Когда «москвич» растворился в темноте, Лиза, утерев слезы, попросила:

— Теперь ты можешь наконец объяснить, где ты пропал и что вообще происходит?

— Именно это я и хотел сделать. Можешь как-нибудь провести меня в институт?

Лиза удивилась вопросу.

— Разумеется, сейчас выпишу тебе пропуск.

— У меня нет ни паспорта, ни вообще никаких документов, — обрисовал ситуацию Шувалов.

Лиза призадумалась.

— Тогда не знаю, как это сделать.

— Твою машину проверяют? — поинтересовался Шувалов.

— Конечно, нет!

— А у тебя по прежнему «ауди» с темными стеклами?

Лиза вернулась в институт и минут через десять выехала на своей машине. Шувалов, успевший основательно промокнуть под усилившимся дождем, с наслаждением расположился на переднем сиденье дорогого авто. Оно было заметно мягче тюремного табурета.

Шувалов коротко пересказал Лизе все, что происходило с ним в последние дни.

— Значит, этот следователь грозился меня арестовать? — переспросила Лиза.

— Он прокурор, — заметил Шувалов.

— Они не посмеют, — в голосе Лизы сквозила уверенность, причины которой он не понимал.

— Меня посадили, — напомнил Шувалов.

Лиза искоса посмотрела на него.

— Есть человек, который не позволит им это сделать.

— Ты уверена?

Лиза гордо кивнула.

— Стоит ему только слово сказать, они подожмут хвосты, и мы больше никогда о них не услышим.

Лиза не захотела назвать имя. Кого она имеет в виду? Спрашивать он не станет. Но он видел в институте министра обороны. Он вправе интересоваться экспериментами, которые проводятся по заказу его ведомства. А может приезжать и с личными целями. Известно, что министр разведен. Выгодный жених...

Так что же, выходит, они с министром обороны — соперники? Оба претендуют на Лизу? И кому же она отдает предпочтение? Судя по тому, как ведет себя Лиза, министр может считать себя проигравшей стороной. А что, если это он натравил прокуратуру? Поколебавшись, Шувалов отбросил это предположение. Нет, Горинович всерьез угрожал арестовать Лизу. Министр тут ни при чем. Уж скорее он сам стал скрытой целью тех, кто все это устроил.

Заманчивая комбинация. Арестовать Лизу, обвинить ее в убийстве, а потом дать знать о ее близких отношениях с министром обороны. Вернейший способ сломать ему карьеру. Так что обращаться к нему за помощью бессмысленно. Он постарается от всего откреститься. Действовать надо самим, окончательно решил Шувалов.

— В девять меняется караул у ворот, — напомнила Лиза. — Я могу смело возвращаться. Новая смена, увидев меня, не удивится. Я в последнее время часто приезжаю поздно вечером.

Шувалов согласно кивнул.

— Ты ложись на заднем сиденье, — сказала Лиза. — Стекла темные, так что они ничего не увидят. Да и смотреть не станут.

На мгновение притормозив у ворот, Лиза кивнула охранникам, немедленно открывшим ворота, въехала на территорию института и загнала машину в подземный гараж. На лифте они поднялись на директорский этаж. Теперь Лиза могла хорошенько его разглядеть. В ней проснулись материнские инстинкты.

— Тебе необходимо принять душ и переодеться.

Она не видела никаких препятствий для исполнения своих замыслов.

— Душ есть в комнате отдыха.

Шувалов уже послушно стаскивал с себя грязную и пропотевшую одежду. Лиза вытащила из шкафа мешок и запихнула в него его тряпки.

— Я дам тебе белье и одежду Каримова. Он хранил здесь запасной комплект.

После знакомства с тюремной камерой Шувалов стал значительно менее брезгливым. Он подхватил стопку хорошо выглаженного и приятно пахнущего белья и отправился в комнату отдыха. Стоя под горячим душем, Шувалов наслаждался. Была бы его воля, он бы вовсе не выключал воду. Он с детства помнил роман известного писателя, в котором утверждалось, что человек чувствует себя так, как чувствует себя его кожа, но не предполагал, что классик настолько точен.

Из душа его извлекла Лиза, напомнив, что она кое-что приготовила поесть.

Каримовское белье оказалось почти впору. Только брюки висели и ремень был велик — пришлось проколоть еще одну дырочку. Каримов заботился о себе и не полнел. Шувалов, похоже, потерял за эти дни несколько килограммов, тюремная диета — самая эффективная.

С едой у Лизы было хуже, чем с одеждой. Чая с печеньем хватало. Бананы и персики тоже нашлись. Но из настоящей еды обнаружили только два бутерброда с засохшей икрой, оставшиеся от вчерашнего приема гостей. Шувалов не любил икры, но бутерброды проглотил как миленький.

— Что ты намерен предпринять? — поинтересовалась Лиза.

Больше трех чашек чая Шувалов не осилил, хотя первоначально умирал от жажды. Он посмотрел на ча-

сы, отбивавшие время в углу просторного кабинета. Времени у них было максимум до утра.

— Какие эксперименты проходят в спецблоке? Что ты о них знаешь?

Лизин ответ разочаровал его.

— Ничего не знаю. Меня не допускали. Всем занимались Алик и Усманов. Вернее, Алик вел дела с военными. А Усманов самостоятельно руководит лабораторией. Он нелюдим, общества избегает. Не помню, был ли у нас с ним хотя бы один откровенный разговор.

— А пройти в спецблок можно? — Шувалов подался вперед, от ответа Лизы зависело все.

Сначала она твердо сказала «нет». Потом задумалась. Прошла в тот угол, где стоял сейф, и открыла его. Из внутреннего отделения вытащила связку ключей и лист бумаги.

— Попробуем, — неуверенно сказала она. — Это ключи Каримова и его личные коды доступа в любое помещение института. Если только их не отменили.

Они прошли по коридору, где еще недавно искали только что доставленный томограф, спустились и уткнулись в массивную металлическую дверь. Лиза, глядя в бумажку и шевеля губами, набрала пять цифр, и дверь открылась. Коды не отменили.

Они оказались в большой лаборатории, где Шувалов не увидел ничего интересного.

— Что здесь еще есть? — осведомился он.

— Посмотрим. Я тоже в первый раз.

Они прошли через анфиладу одинаковых лабораторий. Лиза включала свет. Шувалов обводил глазами ряды столов с неизвестными ему приборами и посудой для опытов, и они направлялись дальше.

— Здесь, видимо, кабинет Усманова, — предположила Лиза, когда они оказались в комнате с письменным столом и большим книжным шкафом.

Стол был девственно чист. Зато в углу красовался сейф высотой в человеческий рост. Шувалов вопросительно посмотрел на Лизу. Она развела руками.

— Доступа к личным сейфам не было и у Каримова.

Шувалов расположился в кресле и подергал ящики письменного стола. Все как один были заперты.

— Только дипломаты и разведчики так старательно прячут свои бумаги, — разочарованно сказал Шувалов. — Что еще здесь есть?

— Мы, кажется, все обошли. — Лиза развела руками.

Шувалов в этом сильно сомневался. Он смотрел на стену рядом с книжным шкафом.

В деревянные панели была аккуратно врезана дверь. Когда Шувалов только начинал свою службу, его однажды вызвали на совещание к большому начальнику. Присутствовавшие расположились за большим столом. В разгар беседы, к изумлению Шувалова, стена, казавшаяся совершенно гладкой, раскрылась, и появился глава управления. Шувалов просто не разглядел, что в стене скрывалась дверь...

— Тут нужен ключ, — сказал он Лизе.

Она протянула ему увесистую связку. Шувалов методично перебрал все, пока один — с затейливыми бороздками — не начал поворачиваться.

Они вошли в пустую приемную, где в рабочее время должно было находиться минимум два человека. Во всяком случае, там стояли два рабочих стола, заваленных бумагами, распечатанными на принтере. Оба компьютера не были выключены, они продолжали работать в спящем режиме.

Шувалов сунул нос в бумаги и понял, что ему это не по зубам. Сплошные формулы и незнакомые иностранные слова.

Он двинулся дальше к двери. Тут был стандартный для всего института цифровой замок. Следуя шпаргал-

ке из сейфа Каримова, они перебрали множество вариантов, прежде чем дверь поддалась.

Большой зал напомнил ему комнату отдыха для караульной службы. Зал был разделен невысокими ширмами на отсеки, в каждом — кровать и столик. Три кровати были заняты. Завернувшись в одеяла, там спали трое мужчин.

— У вас тут что, профилакторий для ветеранов института или комната отдыха охраны? — невольно понизив голос, спросил Шувалов.

Лиза никого не рассчитывала здесь увидеть. Они убедились, что все трое крепко спят.

— Вы кого-то лечите? — поинтересовался Шувалов.

— Нет, — уверенно ответила Лиза. — У нас научно-исследовательский институт. Лечебная деятельность не предусмотрена. Тем более в стационаре. У нас работают биологи, химики, а медиков как таковых нет.

— Кроме тебя, — заметил Шувалов.

Лиза уловила насмешку, но отвечать не стала.

Шувалов прошелся мимо кроватей. Подозвал Лизу.

— Ты заметила, что они не стрижены и не бриты?

— Да. И что?

— Это означает, что они здесь давно.

Шувалов без стеснения откинул одеяло у одного из спящих:

— И ногти какие длинные! Я не знаю, сколько же надо пролежать, чтобы отросли такие ногти.

— Может, их привезли в таком виде? — выдвинула свою версию Лиза.

— Что-то не похоже, — покачал головой Шувалов. — Все чистенькие, ухоженные, пахнет от них хорошо. Белье на них свежее.

— Думаешь, все трое давно лежат без сознания? — неуверенно спросила Лиза.

К голове и телу каждого из спящих были присоединены датчики. Посмотрев на мониторы, Лиза заметила, что пульс и артериальное давление у всех отличные.

— Надо, конечно, проверить их мозговую активность, но на первый взгляд они здоровы, — констатировала Лиза.

— Это ты как кандидат медицинских наук говоришь? — иронически переспросил Шувалов.

— Хватит подтрунивать. — Лиза гордилась своей научной степенью.

— Давай их разбудим и спросим, что они здесь делают, — предложил Шувалов.

Лиза не была готова к таким радикальным действиям.

— Вдруг это все-таки больные люди, а мы...

Шувалов заглянул в столик рядом с кроватью. Оказалось, что внутри маленький холодильник, до отказа набитый картонными упаковками с соком и готовой едой. Шувалов вытащил несколько упаковок, прочитал рекомендации.

— Что это? — спросила Лиза.

— Соки и молочные смеси, — ответил Шувалов. — Пища для младенцев. А питаются этим вполне взрослые люди.

Лизу это не удивило.

— Знаешь, что я подумала? Наверное, профессор Усманов положил здесь участников своих экспериментов. Лечит их глубоким сном. Есть такая методика. А еду подобрал такую, чтобы желудок не раздражать. Может, они радиации нахватались?

Они говорили уже в полный голос, но ни один из троих не проснулся. Только спавший с левого края плотный мужчина с выпуклой грудной клеткой и крупными чертами грубого лица повернулся на другой бок. Он сладко зевнул.

Крепыш показался Шувалову знакомым.

Он подошел поближе и всмотрелся в черты лица.

— Ты кого-то узнал? — спросила Лиза.

— Вернемся к тебе, — предложил он.

Они поднялись на директорский этаж.

Лиза открыла свой кабинет.

— Где у тебя вертушка? — спросил Шувалов. Он имел в виду аппарат телефонной правительственной связи.

Лиза указала на приставной столик.

Шувалов сел в директорское кресло и взялся за трубку аппарата с российским гербом.

— А где вертушечная книжечка?

Лиза протянула ему бордовую книжечку небольшого формата — телефонный справочник для служебного пользования. Шувалов набрал пятизначный номер. Трубку сняли на втором гудке.

— Приемная заместителя министра обороны, — пророкотал мощный бас. — Дежурный — полковник...

— Когда будет Щипачев? — небрежно спросил Шувалов, зная, что именно так говорят по телефону большие начальники.

— Генерал-полковник в командировке, — ответил дежурный.

— Вернется?..

— Через неделю.

— Благодарю, — сказал Шувалов и повесил трубку.

Он повернулся к Лизе, которая включила электрический чайник и собралась пить кофе со сливками.

— У тебя в подвале сладко спит заместитель министра обороны по вооружению генерал-полковник Щипачев, — сообщил Шувалов. — А числится он в командировке. Кстати, он редкий счастливец. Летал вместе с прежним министром в Дамаск и единственный остался в живых. Многие полагали, что именно он станет новым министром. Но президент назначил другого.

— Не может быть! — Лиза с сомнением посмотрела на него. — Ты обозначился.

Шувалов обогнул стол и взял с журнального столика пачку свежей прессы, быстро просмотрел ее и развернул перед Лизой газетный лист. «Красная звезда» на первой полосе поместила интервью с заместителем министра по вооружению.

— Похож, — согласилась Лиза. — А что, если у него есть брат-двойник?

Шувалов постучал пальцем по интервью:

— Прочитай! Корреспондент пишет, что заместитель министра воспитывался в детском доме. Родители погибли, из всей семьи он остался один. Ни братьев, ни сестер.

Лиза налила себе кофе. Шувалов попросил чая.

— А что он у нас делает? — задала простой вопрос Лиза.

Шувалов задумчиво смотрел на нее. Подвергать риску женщину было не в его правилах. Но Лиза так и так оказалась под ударом. Клин надо вышибать клином.

— Позвони своему профессору Усманову, — предложил он. — Посмотрим, что произойдет.

Лиза не колебалась ни секунды, показав, что характер у нее мужской. Она достала из сумочки записную книжку, заглянула в нее и набрала номер. Профессор, вероятно, уже спал и ответил не скоро. Лиза извинилась за поздний звонок и спросила Усманова в лоб:

— У нас в лабораторном помещении спят какие-то люди. Кто они, профессор? И почему мне о них ничего не известно?

Шувалов не слышал, что отвечал разбуженный профессор. Но Лизино лицо сохраняло маску вежливого интереса.

— Хорошо, — ответила она и повесила трубку. Объяснила Шувалову: — Сейчас приедет.

Шувалов кивнул. Лиза устало потянулась:

— Мне смертельно хочется спать. Не возражаешь, если я подремлю, пока он едет?

Она ушла в комнату отдыха. Шувалов позвонил Валерке Лебедеву. Заместитель директора Федеральной службы безопасности уже уехал с Лубянки, но «вертушка» была у него и на даче.

Лебедева интересовало только одно:

— Ты уверен, что это заместитель министра обороны Щипачев? Ни с кем не спутал? У него внешность самая обычная. Ты, поди, устал. У тебя галлюцинации, а?

Шувалов мог бы, конечно, ответить традиционным обещанием положить свою голову на рельсы, но рисковать ему не хотелось.

— Приезжай, увидишь. Советую поторопиться. А то другие придут раньше.

— Позвонил бы мне первому. — Лебедев бросил трубку.

На самом деле все действующие лица появились в институте примерно одновременно.

Майор Осадчий, конечно же, успел раньше всех. Его автоматчики ворвались в директорский кабинет, как в долговременную оборонительную точку врага. Двое схватили Шувалова, двое вытащили из комнаты отдыха ошеломленную Лизу.

Вслед за Осадчим появился неизменный военный прокурор Горинович, опять в черном костюме. Он придерживал под руку немолодого человека с восточными чертами лица. Шувалов предположил, что это и есть профессор Усманов. Горинович разыграл свою роль как по нотам. У него нашлись и ордера на арест. Теперь уже два.

Близоруко прищурившись, он объявил Шувалову:

— Я задерживаю вас. Одно обвинение прежнее — соучастие в убийстве. К нему добавилось новое — побег из-под стражи. Тут уж вам не выкрутиться.

Горинович повернулся к Лизе.

— Вы — Каримова Елизавета Ивановна?

Она кивнула.

— Вы арестованы по обвинению в соучастии и убийстве вашего мужа.

Он приказал Осадчему:

— Наденьте на них наручники и уведите.

Майор Осадчий только этого и ждал. Еще никогда Шувалов не видел майора таким довольным. Он бесцеремонно похлопал Гориновича по внушительному брюшку:

— Приезжай к нам на полигон. Ребята тебя погоняют, сгонишь жирок. А то ты уж больно плечистый на живот стал.

Но миг торжества оказался кратким. В директорский кабинет без предупреждения ворвались новые игроки, и картина радикально изменилась.

Лебедева окружало два десятка вооруженных бойцов весьма угрожающего вида. Располагая численным перевесом, он высокомерно поинтересовался у Гориновича:

— Что здесь происходит?

— В соответствии с указанием главного военного прокурора я задержал соучастников убийства заместителя министра здравоохранения Каримова, — четко доложил Горинович. — Следствие располагает неопровержимыми доказательствами их вины. Гражданин Шувалов к тому же бежал из-под стражи. Надеюсь, вы не намерены помешать проведению следственных действий?

Глядя на Лебедева, нетрудно было предположить, что он намерен сделать именно это.

— В соответствии с указанием директора Федеральной службы безопасности, — не менее громко сказал он, — я должен доставить этих людей на допрос к нам в следственное управление. На всякий случай предупре-

жду, что меня сопровождает группа физической защиты ФСБ.

— У вас есть ордер? — осведомился растерянный Горинич, не ожидавший увидеть заместителя директора ФСБ. Вступать в прямой спор с чекистами он не решился.

— Да, мы получили ордер в Генеральной прокуратуре. Более того, у меня есть ордер на обыск в здании института, — объявил Лебедев.

Он пристально посмотрел на майора Осадчего:

— Не очень понимаю, что вы здесь делаете. Неужели это место вашей службы? — И властно распорядился: — Прошу всех посторонних немедленно покинуть здание.

Показал пальцем на профессора Усманова.

— К вам это не относится. Вы-то мне понадобится для объяснений. Готовьтесь к откровенному разговору, профессор. Предупреждаю, что ваша дальнейшая судьба зависит от степени вашей откровенности.

Прокурор Горинич не был самостоятельным игроком, он лишь старательно исполнял указания. Лишенный возможности получить новые инструкции, Горинич растерянно оглянулся на Осадчего. Майор, оценив соотношение сил, хладнокровно пожал плечами и вышел, как и вошел, первым. Вслед за ними кабинет покинули его автоматчики. Последним удалился посрамленный прокурор.

Профессор Усманов по инерции сделал шаг вслед за ним. Но один из чекистов аккуратно придержал его за локоток.

— Нет-нет, профессор! — как-то преувеличенно оживленно обратился к нему Лебедев. — Не покидайте нас. Не представляете себе, как мне хочется познакомиться с вами поближе. Мы горим желанием узнать, какие такие интересные опыты вы проводите в спецблоке,

кто там у вас лечится и от чего... Начнем с имен. Назовите тех, кто сейчас там находится.

Профессор стоял молча. Ему смуглое лицо побелело.

— Не хотите разговаривать по-дружески, я вас допрошу официально, — предупредил Лебедев. — Сейчас я осмотрю спецблок, и все вместе поедем на Лубянку. — Он повернулся к Лизе: — Выдайте нам, Елизавета Ивановна, пожалуйста, ключи и коды. У нас есть, конечно, специалисты на все руки. Но я не хотел бы начать знакомство с вашим загадочным институтом со взлома.

Лиза вновь открыла каримовский сейф и передала одному из чекистов ключи и бумажку с кодами. Она хотела закрыть дверцу, но чекист забрал у нее и эти ключи. Лиза молча отошла в сторону и встала рядом с Шуваловым.

— Мы спустимся вниз, — уведомил их Лебедев.

Шувалов сделал шаг вперед.

— Нет-нет, — остановил его Лебедев. — В твоей помощи, Виташа, мы уже не нуждаемся. Вы уж тут отдохайте вместе с Елизаветой Ивановной, расслабляйтесь. А для компании я оставлю вам пару ребят.

— Валера, — начал Шувалов.

— Я вам не Валера, — с неожиданной злостью в голосе произнес Лебедев. — Вы, я вижу, не понимаете ситуации. Рекомендую вам держать себя поскромнее. — Он опять повернулся к Усманову: — Пойдем, профессор, будете нашим экскурсоводом.

Профессор, который не сказал ни одного слова, неуверенно потоптался и вдруг бросился к полуоткрытой балконной двери. Никто не успел его остановить. Да присутствующим и в голову не пришло, что он решил покончить с собой. Усманов рванул на себя дверь, выскочил на балкон, перевалился через поручень и с диким криком бросился вниз.

Лиза охнула и опустилась в кресло. На Лебедева словно столбняк нашел. Чекисты переглянулись, не

зная, что предпринять. Старший схватился за рацию, приказал оставшимся на улице:

— Посмотрите, что с ним! Живой?..

В рации затрещало, но ответ явно был отрицательный. Он поднял глаза на Лебедева и покачал головой.

Лебедев плюхнулся на директорское кресло и схватился за трубку «вертушки». Прежде чем набрать номер, рывкнул:

— Прошу всех выйти!

Шувалов мог поклясться, что руки у Лебедева тряслись.

Они с Лизой устроились в приемной, где чекисты включили свет и заодно телевизор. Показывали трансляцию хоккейного матча, и они сгрудились у экрана.

Лизу била крупная дрожь.

— Не могу поверить! Зачем он это сделал?

— От отчаяния, — предложил свою версию Шувалов.

— Но что ему угрожало? — Лиза не могла успокоиться. — Чего он испугался? Он же не совершил ничего противозаконного. Пусть что-то и нарушил, зачем же лишать себя жизни? А семья?.. Хотя, говорят, он был одиноким человеком. Алик любил с такими работать. Ни жена, ни дети не отвлекают — все мысли о работе...

Лебедев выглянул в приемную. Он вновь был бодр и энергичен, как человек, получивший от начальства ясные указания.

— Где личный сейф Усманова? — спросил у Лизы.

— Внизу, в спецблоке.

— У вас есть ключи от него?

— Нет.

Лебедев подозвал к себе старшего из чекистов:

— Звони в департамент, пусть пришлют мастера.

Немедленно! Объясни: этой мой личный приказ.

Он сказал Лизе:

— Спустимся вниз. Покажете, где сейф. И вообще пора познакомиться с тем, что там происходит. А то мне такие истории про ваше заведение рассказывают — волосы дыбом встают.

Шувалов встал рядом с Лизой и взял ее за руку, дав понять, что не оставит ее одну. Лебедев секунду колебался, разрешить ли Шувалову все-таки пойти с ними, но после случившегося не стал возражать. Они прошли уже знакомым Шувалову путем. Лиза набрала комбинацию, позволившую всем проникнуть в подземную лабораторию.

Все было как и в тот раз. Только почему-то повсюду горел яркий свет. И кровати опустели. Еще недавно сладко спавшие на них мужчины исчезли. Лебедев устремился напрямик к сейфу. Шувалов и Лиза обменялись удивленными взглядами: куда же пропали пациенты Усманова?

Мастер по вскрытию замков не понадобился. Профессорский сейф был открыт. Широко распахнутая дверца демонстрировала его вызывающую пустоту.

— Осадчий! — с нескрываемой злобой констатировал Лебедев. — И когда только успел?

МОСКВА. ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Впервые за несколько дней Шувалов попал домой. Совсем неплохо оказаться в собственной квартире, где тобой никто не командует и никто за тобой не следит. Приятно переодеться в чистое белье — не чужое, а собственное.

А потом усесться в кресло и выпить рюмочку? Или закинуть ноги на журнальный столик, не боясь услышать осуждающий голос — «Сядь как положено!».

Или включить музыку и прикрыть глаза и немного подремать, думая о чем-то хорошем? Скажем,

о Лизиных ножках, длинных и стройных, с округлыми коленками?

Но расслабиться помешал резкий телефонный звонок, вернувший Шувалова к реальной жизни и ко всем ее несовершенствам. И не подойти нельзя — вдруг что-то важное?

Звонил майор Осадчий.

— Слушай, — как бы нехотя произнес он. — Ты, наверное, знаешь, что я забрал из института все, что там было.

— И всех, — добавил Шувалов для точности.

— Верно, — весело согласился Осадчий. — Раз ты такой шустрый парень, что все знаешь, то я тебе кое-что расскажу. Забрал я все, что было. Но не все, что нужно. Не хватает самых главных документов. Без них никуда. А я твердо знаю от покойника Усманова, что документы были. И сейчас существуют. Вопрос — где они?

— Не знаю, — искренне ответил Шувалов.

— А я не к тебе обращаюсь. — Осадчий был на редкость покладистым. — Я, думаю, что документы хранил у себя Каримов. Запасливый был и ушлый. Думаю также, что вдова его тоже знает, где эти документы. Вариантов два. Или я спрашиваю Лизу, где они. Или ты.

— Твоя манера беседовать с женщинами мне не нравится, — признался Шувалов.

— Так я и не настаиваю. — Осадчий в этот вечер решительно не желал спорить с Шуваловым. — Ради бога, спроси сам... Мы же можем договориться. Рассуди по-деловому. В чем твой интерес? Во-первых, любимую женщину никто не беспокоит, никто ее пальцем не тронет. Во-вторых, ты получаешь не те гроши, за которые продал дом, а ровно в десять раз больше. Понял? В десять раз больше! Ты таких денег в жизни не видел!

— Фирма перед расходами не постоит, — пробормотал Шувалов.

— Не постоит, — совершенно серьезно подтвердил Осадчий. — Бумаги сразу меняю на деньги. В любом удобном месте. Безопасность гарантирую. Но времени могу дать только сутки... Да, и последнее. Если материалы отдашь кому-то другому, я Лизу убью. Ты мне веришь?

Осадчий не стал ждать ответа и повесил трубку.

Шувалов побрел в душ. После разговора с Осадчим у него осталось гадливое чувство, которое нужно было смыть.

Из-за шума бегущей воды он едва не прослушал телефон. Кто-то еще, помимо майора Осадчего, хотел с ним поговорить. Им оказался Валерка Лебедев. Потеряв профессора Усманова, он опять стал ласковым и любезным.

— Слушай, я оценил твой выбор. Лиза Каримова очень даже хороша. И внешне эффектная, и руководит институтом. Знаешь, я тебе просто позавидовал. Ну, ты у нас всегда был хватом по этой части. Где ни окажешься, всегда на тебя кто-то западал. Как тебе это удастся? Ты, старик, должен уроки давать.

Пока Лебедев заливался соловьем. Шувалов, прижав телефонную трубку плечом, успел налить себе чай. Он бы с удовольствием и съел что-нибудь, но вовремя не запасся, а что лежало в холодильнике — давно испортилось.

Валерка на мгновение прервал свои излияния — в трубке послышались чужие голоса. Разговор в лебедевском кабинете шел на повышенных тонах. Когда Валерка вновь вернулся к Шувалову, беседа приобрела деловой характер.

— Ты вот что, садись-ка в свой шикарный лимузин и приезжай ко мне.

— У меня нет машины, — признался Шувалов. — Стукнули, теперь она одна-одинешенька тоскует без меня в полицейском управлении.

Лебедев от удивления даже не знал, что сказать.

— Господи, даже на машину не нажил... Ладно, посылаю тебе транспорт. Вместе с водителем приедет мой человек, он тебя проводит. Документ какой-нибудь имей. Паспорт, я надеюсь, ты уже получил?

Встретив Шувалова у двери, Лебедев отвел его в угол кабинета, подальше от письменного стола и массивной приставной тумбы с телефонами. Шувалов понял его маневр и удивленно спросил:

— Неужто и ты боишься прослушки? Кто же у нас в стране может чувствовать себя в безопасности?

Лебедев только скривил рот.

— Виташа, я слишком поздно узнал о том, что происходит вокруг института. Я должен объяснить тебе, что стоит за всем, чему ты был свидетелем. Институт Каримова по закрытому постановлению правительства работал на военных, поэтому он оказался вне нашего контроля.

Лебедев говорил очень тихо, чуть шевеля губами. Но Шувалов не пропустил ни одного его слова.

— У нас появились оперативные данные о том, что эксперименты в институте вышли за рамки потребностей министерства обороны. Но точные данные мы получили недавно. Каримов проводил эксперименты на людях. Запрещенные эксперименты. В бумагах значилось испытание препаратов, снимающих боль. Ну, на случай военных действий. А в реальности с помощью специальных методик из этих людей делали убийц... В этом году профессор Усманов впервые добился успеха. И тогда организаторы этих экспериментов стали избавляться от тех, кто им больше не нужен. Поэтому убили Каримова.

Лебедев поймал взгляд Шувалова.

— Да, да, убийство, совершенное на твоих глазах, не было случайным. Твой приятель стал ненужным. Орга-

низаторы захотели напрямую управлять этой фабрикой по созданию убийц. Они зарезали Каримова, еще какую-то женщину и собирались спрятать концы в воду. Твое присутствие спутало им карты.

Шувалов прервал его.

— Мне кажется, тебя ввели в заблуждение. Я же тебе говорил, что видел троих пациентов в спецблоке. Одним из них был заместитель министра обороны Щипачев. Это же нелепо — превращать замминистра в киллера.

— Я поручил проверить твой рассказ о Щипачеве, — ответил Лебедев.

Он вернулся к столу и нажал кнопку переговорного устройства.

— Слушаю, Валерий Сергеевич, — донеслось из динамика, — добрый день, какие будут указания?

— Ты выяснил, где Щипачев из Минобороны? — попросил неизвестного Лебедев.

— Так точно, Валерий Сергеевич. Он полтора месяца был на Кольском полуострове на испытаниях. А когда прилетел, его положили в госпиталь. Инфекционное заболевание. Лежит в боксе.

Лебедев вернулся к Шувалову.

— Как видишь, местонахождение генерала известно. Не может такой человек просто исчезнуть и валяться на койке в каримовском институте. Думаю, что ты просто обознался. Принял за Щипачева другого человека.

Шувалов пожал плечами. На зрительную память он не жаловался и остался при своем мнении.

— Так вот, я не закончил, — спохватился Лебедев. — У нас есть веские основания полагать, что организаторы всех этих экспериментов готовятся к антиконституционным действиям.

— Неужели они на это способны? — удивился Шувалов. — Сколько видел людей из Минобороны, все — солдафоны.

— Ты просто не любишь военных, — покровительственно заметил Лебедев. — Это хитрые и умелые люди. У нас есть оперативная информация, вызывающая беспокойство на самом верху. Вполне возможно, что кто-то из пациентов спецблока попытается убить президента.

— И вы не в состоянии защитить главу государства?

— Мы не знаем возможностей людей, которые прошли через спецблок каримовского института, — осторожно ответил Лебедев. — А вдруг они обрели какие-то сверхъестественные способности?

— И ты в это веришь? — Шувалов отнесся к этой мысли более чем скептически.

Лебедев говорил почти шепотом. От прежней шутовской манеры не осталось и следа. Он был серьезен, как никогда.

— Когда речь идет о судьбе живого человека, с одной стороны, и о судьбе страны, с другой, ничего нельзя упускать. Люди Осадчего следовали за убийцей неотступно. Они получили приказ уничтожить его сразу после убийства Каримова, чтобы не оставлять следов. Но в какой-то момент они его едва не потеряли. Он бросился в реку, с которой только что лед сошел. Переплыл и на берегу голыми руками убил спецназовца, который его обнаружил. Переоделся в его одежду и побежал к ресторану. Кто на такое способен? Нормальный человек это сделать не в состоянии... У нашего президента прекрасная охрана; может быть, лучшая в мире. Но как его уберечь от того, что невозможно предугадать?

Лебедев ругнулся и зашагал по кабинету.

— Нужно узнать, кто прошел через спецблок и кто этим руководил. Предположения у нас есть. А доказательств нет... — Лебедев развел руками. — Мы все находимся в подвешенном состоянии. Ты, кстати, тоже. Осадчий тебя не оставит в покое. И твою Лизу тоже.

К последнему аргументу Шувалов был особенно чувствителен. Ему не сложно было представить Лизу в руках майора Осадчего.

— Виташа, — Лебедев опять понизил голос. — Когда я узнал, что ты замешан в этой истории, я делал, что мог. Поэтому ты жив и на свободе. Теперь ты должен нам помочь. Помочь президенту, стране. Лиза не может не знать, где Каримов хранил секретные институтские документы. Найдем документы — обезвредим убийц и спасем страну от бог знает каких неприятностей.

МОСКВА. КВАРТИРА КАРИМОВЫХ

Лиза времени даром не теряла. Весь день, стараясь выбросить из памяти вчерашние неприятности, она занималась собой. Коротко постриглась — так любил Шувалов. Надела длинное платье с большим вырезом, обошлась минимумом украшений — только маленькие сержки с бриллиантами.

Когда Шувалов пришел, усадила его за стол, заставленный посудой, словно ожидался большой прием.

— Салат с креветками самый вкусный, — уверенно сказала она и переложила ему в тарелку добрую половину салатницы.

— Я это за неделю не съем, — слабо сопротивлялся Шувалов.

Лиза оценивающе посмотрела на него.

— Ты такой худой, что имеешь право полноценно питаться. Не то что остальные мужики, которые наели пивное брюхо, а теперь боятся помидор проглотить.

— Мне легче, — заметил Шувалов, — соблазнов меньше, потому что мне никто не готовит. Что сам приготовил, то и съел. Готовлю я неважно, поэтому и ем мало.

Лиза положила себе ложку морковного салата с яблоками без сметаны.

— Я тебя вообще не понимаю. Такой роскошный мужик и, извини меня за откровенность, живет без бабы — это странность. И глупость.

Шувалов попробовал салат с креветками, одобрительно кивнул и попросил черного хлеба.

— Ты же отказалась за меня выйти. — Он продолжал ни к чему не обязывающий разговор.

— Разве ты этого хотел? — отмахнулась Лиза. — Я тебя интересовала только в постели.

Она съела немного овощного салата и добавила:

— Я бы тебе тоже не готовила. Не умею. Это сделала моя помощница по дому. Но я бы заботилась о том, чтобы ты был накормлен и улагодворен.

— Да, Каримов выглядел прекрасно, — заметил Шувалов.

Лиза посмотрела на него скептически.

— Все мужчины, которые были рядом со мной, просто расцветали. Все мои шестеро мужей!

— Ого! Видно, я не все о тебе знал.

Лиза легко поднялась и подошла к буфету. Она достала бутылку вина:

— Я не предложила тебе выпить. Хочешь?

Шувалов покачал головой.

— Шестеро мужей! — Лиза вернулась на место. — Правда, с первыми пятью я больше года не выдерживала.

— Не везло тебе с мужчинами, — посочувствовал Шувалов.

Лиза вяло пожала округлыми плечами.

— Наверное, я просто не создана для семейной жизни. Если есть домашние хозяйки, то должны быть и дикие, верно?

Шувалов рассмеялся. Этой шутки он не слышал.

— Вот я, наверное, дикая. Никогда не хотела детей. Быть беременной, рожать, кормить грудью, пеленки, подгузники, памперсы — все это не для меня.

— Но ты все-таки родила сына.

— Алику нужен был наследник. Восточный человек... Но я скажу тебе больше — постоянная жизнь вдвоем с кем-то одним меня тоже утомляет.

— Так кто же тебя заставляет выходить замуж? — спросил Шувалов. — Живи свободно, как тебе нравится.

Лизины брови рванулись вверх.

— Э, нет! Мужчина может позволить себе быть холостым. Ему до старости в любой компании рады — потенциальный жених или любовник. Одинокая женщина вызывает в лучшем случае сочувствие. Ах, бедняжка, так и не сумела устроить свою жизнь! Кому охота, чтобы на тебя так смотрели.

Шувалов отодвинулся и оценивающе посмотрел на нее:

— Брось. Глядя на тебя, никто не подумает, что такая роскошная женщина не способна устроиться в жизни.

Лиза приняла комплимент как должное.

— Одинокая интересная женщина в любой компании вызывает ненависть замужних дам. Разве ты этого не понимаешь? Воспринимают как опасную соперницу. Не дай бог кто-то из женатых мужчин уделит ей внимание... Нет, в нашем обществе одной быть нельзя. Поэтому мы так долго прожили с Аликом.

Шувалов отодвинул недоеденный салат.

— Да, он, судя по твоим словам, был идеальным мужем. Высокое положение, дом — полная чаша, любезен, элегантен...

Глаза Лизы вдруг потухли.

— Что ты знаешь о Каримове?.. Мы прожили вместе так долго, потому что сразу договорились о правилах. Прежде всего — не надоедать друг другу. Если он на да-

че — я в Москве. И наоборот. Он часто уезжал в командировки. Или исчезал с друзьями-приятелями — на охоту или на рыбалку, не знаю, меня это не интересовало.

Шувалов расхохотался:

— Ты, наверное, единственная жена, которая радовалась постоянному отсутствию мужа.

Лиза сходила за чайником, спросила Шувалова:

— Черный или зеленый?

— Я бы выпил кофе.

— У меня только растворимый.

Шувалов согласно кивнул. Лиза пододвинула ему банку:

— Насыпь, сколько любишь.

Шувалов удовлетворился одной ложечкой.

— А ты не смейся над нашими отношениями, — серьезно продолжала Лиза, — худой мир — это не так плохо. Мы не надоедали друг другу. Ходили к друзьям, в театры, на приемы. Вместе ездили отдыхать. У нас вообще были очень неплохие, даже дружеские отношения. Мы обо всем договорились и практически никогда не ссорились. Не всякая супружеская пара может этим похвастаться.

— Только не рассказывай мне о своей счастливой семейной жизни. Я за последний год несколько раз видел тебя с другими мужчинами, которые явно ценили не твои медицинские познания, а то, что тебе досталось от родителей. И Каримов тебя не ревновал? — спросил Шувалов.

— Ревновал? — презрительно переспросила Лиза. — Ты ничего о нем не знаешь. Он... он... вообще...

Зашла слишком далеко. Прикусила язык. Исповедь закончилась. Лиза широко улыбнулась:

— Мы уже чай-кофе пьем, а я со стола не убрала.

— Я тебе помогу, — предложил Шувалов.

Лиза остановила его.

— Я не сказала, что плохая хозяйка. Я не люблю заниматься хозяйством. Это, согласись, разные вещи.

Шувалов взял ее за руку.

— Лиза, тебе звонил Осадчий? — неожиданно спросил он.

Лиза улыбнулась своей загадочной улыбкой.

— Я все ждала, когда ты спросишь.

— И?

— Звонил.

— Спрашивал о бумагах Каримова?

Лиза кивнула.

— Что ты ответила?

Лиза уселась на диван, закинула одну ногу на другую. Высокий — до бедра — разрез открыл полные округлые ноги.

— Ответила, что понятия не имею, где он хранил свои секреты.

Шувалов спросил, не глядя на нее:

— Кстати, а где он их хранил?

Лиза ответила с вызовом:

— Я сказала Осадчему правду.

— Хотя он наверняка тебе не поверил, — проговорил как бы про себя Шувалов.

Лиза, не отрываясь, смотрела на него:

— А ты? Ты мне веришь?

Шувалов был склонен ей верить.

И подумал, что есть одно место, где Каримов мог прятать свои документы.

У него в дачном домике.

С помощью Лебедева Шувалов выручил свой автомобиль, простоявший несколько дней во дворе управления госавтоинспекции. Он лишился магнитолы, запаски и набора инструментов. Полбеда. Еще неделя, подумал Шувалов, и остался бы только кузов.

Но ехать на своей машине Шувалов не мог — ее номера знали все заинтересованные лица. А ему не

нужны будут свидетели в тот момент, когда он доберется до бумаж Каримова. Если доберется, уточнил он сам для себя.

ПОДМОСКОВЬЕ. ДАЧА

Утром они выехали вместе с Лизой.

Шувалов даже и не пытался определить, следят ли за ним. Лиза отправилась в институт обычным маршрутом, но на бульваре была пробка, и она свернула внутрь квартала, поехала извилистыми тропами.

Он хорошо знал эти места, где даже в час пик не было машин. Они миновали школу за бетонной оградой и небольшой парк. Шувалов показал Лизе, где удобнее проехать — через двор старого дома, построенного буквой П. Лиза въехала в арку, свернула по узкой дорожке направо и остановилась.

Шувалов выскочил из машины. Оглянулся. Вроде никого. Скользнул в незапертый подъезд и через секунду вышел с другой стороны. Если за ними кто-то следил, то наверняка упустил момент, когда Шувалов покинул машину.

А Лиза двинулась дальше. Темные стекла в ее автомобиле не позволяли определить, сидит ли пассажир рядом с водителем. Так что, кто бы ни следовал за ними — люди Осадчего или Лебедева, — они пребывали в уверенности, что Шувалов продолжает путь вместе с Лизой.

Он добежал до станции метро, спустился в переход и через пятнадцать минут был на «Комсомольской». Он несколько лет не бывал на Ярославском вокзале и отвык от толп, ожидавших свой поезд. Ближайшая электричка на Сергиев Посад отходила через сорок минут, которые он провел в сторонке, спрятавшись за раскрытой газетой.

В поезде он почти задремал, хотя полностью погрузиться в сон не мог. Он вспоминал, как они с Таней по пятницам ездили на дачу. Когда еще не было машины, садились на электричку. Им было весело и хорошо вдвоем.

На третьей после Пушкино остановке он сошел. Прошел вперед по платформе и сбежал вниз. В дни его юности это была одна из самых малолюдных станций на северном направлении, здесь выходили немногие. Теперь из электрички вывалилась целая толпа. Основная масса устремилась к автобусу, стоявшему у выхода с платформы, другие двинулись в сторону магазинов. И лишь немногие, как Шувалов, пошли вперед по песчаной дороге вдоль железнодорожных путей.

Шувалов привык к тому, что он почти всех знает в поселке. Теперь его обгоняли люди, которых он никогда не видел. Он пытался вспомнить, когда же в последний раз был здесь. Наверное, сразу после трагической смерти Тани, когда понадобились какие-то оставленные на даче документы.

С Аликом Каримовым, пожелавшим воспользоваться его дачным домом, он даже в первый раз не поехал, хотя тот просил все показать. Не смог. Отдал ключи, объяснил, как добраться, и тот сам доехал.

Сам поселок почти не изменился. Кое-где поднялись новые дома, но в основном обходились ремонтом. Когда он увидел зеленый забор, сердце забило.

Ворота были новые — Каримов постарался. Висел замок. Но это Шувалова никогда не смущало. Убедившись, что его никто не видит, легко перемахнул через невысокий забор и пошел по дорожке, выложенной битым кирпичом.

Дом стоял в глубине участка, под вековыми соснами. Шувалов обошел его — в прежние времена каждую зиму дом вскрывали. Красть было нечего, но иногда там про-

сто устраивались бомжи. Нынешняя зима прошла спокойно. Может быть, потому что приезжал Каримов?

На обеих дверях — парадной и черной — опять же красовались замки. Но Шувалов знал, что одна ставня не запирается, а окошко там без шпингалета... Он залез в дом через окно. Такое уже случалось. Как-то они с Таней приехали поздно вечером, а ключи в городе забыли. Шувалов тогда в первый раз забрался на дачу этим путем.

Он ввернул пробки, лежавшие на полочке, и включил в доме свет. Холодно было смертельно, поэтому соображать следовало быстро. Дом Шувалов знал как свои пять пальцев. Если Каримов хранил свои бумаги здесь, то Шувалов должен их найти.

Он начал с осмотра ящиков стола в большой комнате, где они с Таней обедали. Пошарил в маленькой, где, судя по новой мебели, сибарит и гедонист Каримов валялся на диване. Шувалов дивана не завел. Только большую кровать, на которой они спали с женой. В шкафу с журналами и книгами тоже ничего интересного не обнаружилось.

Шувалов откинул люк, который вел в небольшой погреб. До появления первого холодильника там хранили продукты. Погреб был пуст. В чуланчике, где годами скапливалась всякая полезная мелочь, Шувалов провел не меньше часа, тщательно все перебирая.

Результат нулевой.

Он безумно продрог, а согреться было нечем. Чтобы включить отопление, надо было запустить всю систему. Чтобы попить чаю — идти к колодцу за водой, электрический насос на зиму снимают, так что и воды не наберешь.

Шувалов ходил из комнаты в комнату, пытаясь представить себе, куда же Каримов мог засунуть то, что не предназначалось для чужих глаз. И сообразил.

Он под настроение поведал Каримову, как в детстве, когда дом ремонтировали, обнаружил, что над чуланом

есть небольшое пространство. Шувалов сдвинул доски, подтянулся, залез туда, и его два часа не могли найти.

Родители бегали по всему дому, а он сидел на чердаке, счастливый. Когда слез, получил трепку. Доски тогда старательно приколотили. Но не намертво. Если их поддеть в нужном месте...

Шувалов поставил лесенку и, вооружившись топориком, полез вверх. Доски не поддавались. Шувалов решил, что ошибся и чердачок — в другом углу, а потом сообразил: Каримов забил доски покрепче. Шувалов включил фонарик и увидел ряд чистых шляпок от гвоздей. Остальные ржавые, а эти новенькие.

Оторвал две доски и заглянул внутрь: там лежал небольшой чемоданчик, какие в их доме раньше не водились. Конечно, это имущество Каримова. Он взял чемоданчик, приколотил доски на прежнее место. Ему не терпелось приступить к чтению немедленно. В доме он рисковал воспалением легких и вылез из окна.

Впоследствии он никому не расскажет, что документы, за которыми охотились разные спецслужбы, он читал в пустом станционном буфете.

Предусмотрительный был Алик Каримов. Все сделал как надо. Припрятал документы высшей категории секретности. Думал, тем самым обезопасил себя. Гарантировал безбедную старость.

И чем ему это помогло?

История оказалась долгой. Запутанной. В каком-то смысле фантастической.

Но самое поразительное состояло в том, что на чердаке собственной дачи Шувалов действительно нашел ответ на вопрос, который больше всего волновал президента: кто предатель?

НАКАНУНЕ

СИРИЯ. ГОРОД РАККА

Гюнтер Валле с интересом наблюдал за тем, как молодые парни, закинув автоматы за спину, устанавливали на дороге плакаты: «Добро пожаловать в халифат».

Сирийский город Ракка на северном берегу реки Евфрат превратился в столицу стремительно набирающего силу движения. При въезде в город, где прежде красовались мозаичные портреты президента Сирии Башара аль-Асада, а также изображения знаменитого Гаруна аль-Рашида, халифа, правившего исламским миром в IX веке, Гюнтер увидел плакаты, славящие халифат и тех, кто отдал свою жизнь, участвуя в джихаде.

Бойцы снесли в городе все статуи. Убрали львов, стоявших в парке, — это против шариата. Гюнтеру объяснили:

— Уничтожение статуй Будды глупые люди у вас, на Западе, называют средневековым варварством. На самом деле мы, заботясь о правоверных, вынуждены очищать культурное пространство от всего чуждого и враждебного.

В Ракке Гюнтер получил ценный совет:

— В исламе есть ответы на любые вопросы. Что должен делать человек, так это повиноваться правилам и не задавать вопросов.

Гюнтер уже знал, что бойцы халифата скрупулезно следуют хадисам — изречениям пророка, записанным его учениками. В одном из изречений, заботливо собранных исламским ученым Мохаммадом аль-Бухари в IX веке, сказано: «Лицезрение запрещенной вещи есть прелюбодеяние ока».

Иначе говоря, поклоняться статуям запретил пророк. Рисовать картины или смотреть на них, понял немец, тоже запрещено, поэтому закрыли и кинотеатры.

Патрули халифата обыскивали дома в поисках фотографий, рисунков и игрушечных зверей. Коран не запрещает изображать человеческие фигуры. Но в собрании Мохаммада аль-Бухари утверждается: «Пророк проклинал художников. Наиболее строгое наказание от Аллаха получают художники».

А почему нельзя по радио транслировать музыку?

И на это Гюнтер получил ответ. Пророк сказал: «Среди моих последователей есть и те, кто считает законным и музыкальные инструменты, и музыку. Аллах их истребит в ночи и опрокинет на них горы, остальных превратит в обезьян и свиней, и таковыми они останутся до Судного дня».

Табак и алкоголь на всей территории халифата сразу запретили. Курильщикам, если она попадались патрулю, ломали пальцы. К этому Гюнтер отнесся равнодушно.

Женщинам предписали носить чадру. Об этом он скорее сожалел. Посмотрев на его гладко выбритое лицо, ему напомнили, что правоверные мужчины не должны бриться. Отсутствие бороды толкуется как сотрудничество с врагом. Пророк наказал: «Отличитесь от многобожников, отрасли бороду и усы».

Гюнтер отказался и от бритвы. Хотя бы на время.

Как новообращенному, ему многое было в новинку. На территории халифата водителям запрещалось объез-

водиться запасными колесами: «Зачем тебе запаска? Надо довериться милости и предусмотрительности Аллаха».

Городские площади огородили решетками с черными флагами халифата. Гюнтер понял, что местную молодежь оставили без вечеринок, танцев и музыки. А стариков лишили привычной игры в карты вечером в кафе. Зато представители халифата обещали контролировать цены. Каждый день радиостанция передавала цены, установленные примерно на сто наименований товаров. Двум торговцам, которые нарушили предписания новых властей, отрубили руки.

Три христианские церкви закрыли, с гордостью поведали Гюнтеру. Из самой большой убрали кресты, зато вывесили черные знамена. Превратили церковь в Исламский центр и крутили видеофильмы о подвигах бойцов, подорвавших себя вместе с врагами; такие сеансы были разрешены.

На расстоянии дом халифа казался обычным жилым зданием. Но вблизи становилось ясно, что это крепость. По всему периметру устроили баррикады из мешков с песком, за которыми расположились десятки людей с оружием в руках. К дому вели железные ворота, которые бдительно охранялись.

Его документы долго проверяли, прежде чем разрешили войти. Внутри он увидел еще полтора десятка охранников.

Дом состоял из пятнадцати больших комнат. Построили его из больших серых камней, поэтому внутри было прохладно даже в жару. Вестибюль был полутемным и пустым. Маленький древний лифт поднял его наверх.

С дивана, на который он уселся, был виден балкон со следами от пуль. Халиф заставил себя ждать. Когда на-

конец появился Абу Бакр аль-Багдади, одетый в черное с ног до головы, охрана восторженно закричала:

— Аллах акбар! Аллах акбар!

В воскресенье, 29 июня 2014 года, боевики из организации «Исламское государство Ирака и Леванта»* возвестили всему миру: создан Всемирный халифат! Халифом, то есть главой всех мусульман, провозглашен Абу Бакр аль-Багдади. Правоверные обязаны ему повиноваться.

Гюнтер знал о нем немногое.

В городе Самарре, где будущий халиф появился на свет в 1971 году, юношу считали тихим и благочестивым. Его родители жили скудно, но среди родственников значились влиятельные люди — сотрудники охраны самого Саддама Хусейна. Несколько замкнутый, юноша не расставался с религиозными книгами. Он не сидел вместе со сверстниками в кафе. Зато его часто можно было увидеть в мечети. При этом он обожал футбол.

Когда ему исполнилось восемнадцать, поехал учиться в Багдад. Хотел стать священнослужителем. Но все изменила война. Американские войска вошли в столицу Ирака и свергли Саддама Хусейна. Суннит аль-Багдади принял участие в создании подпольной группы, которая взрывала шиитские мечети. Он попался американцам в ходе большой облавы — искали иорданца Абу Мусаба аз-Заркауи, руководившего иракской ячейкой «Аль-Каиды»**.

Усама бен Ладен, позируя перед телекамерами, хватывал с собой автомат. Но сам он ни в кого не стрелял. Убивать посылал других. Аз-Заркауи был настоящим мясником. Он брал заложников и отрезал им головы.

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

** Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Аль-Багдади держали в фильтрационном лагере Букка на севере Ирака. Это пошло ему на пользу. Режим при американцах иракцам казался санаторием. Заключенных кормили, лечили — там были даже стоматологи.

В заключении аль-Багдади перезнакомился с лидерами исламистского подполья, будущими соратниками. Выйдя на свободу, демонстрировал, что не знает усталости. И что никто не сравнится с ним в жестокости и беспощадности.

Когда американцы все-таки уничтожили аз-Заркауи, его организация перешла к аль-Багдади. Он не признал верховенства Усамы бен Ладена и отверг настоятельное предложение сражаться под флагом «Аль-Каиды».

Египтянин Айман аль-Завахири, который когда-то участвовал в убийстве президента Анвара Садата и воевал в Афганистане против советских войск, после ликвидации бен Ладена взял на себя руководство «Аль-Каидой». Он потребовал от Багдади подчинения.

На границе Сирии и Турции Абу Бакр аль-Багдади в окружении большой свиты, придававшей ему значимость, встретился с представителями «Аль-Каиды». Вел себя крайне самоуверенно: на этой земле он главный! Отверг претензии тех, кто, пребывая вдалеке, намерен им командовать: он халиф и он выше их всех.

Гюнтера Валле халиф принял весьма доброжелательно.

— Наша земля унижена тем, что в ней хозяйничают иностранцы, неверные, — говорил ему аль-Багдади. — Ведут себя так, словно они у себя дома... Ислам пытались погубить четырнадцать столетий. Мы вернем его к жизни кровью нашей молодежи. Покончим с преступностью, накормим страну и построим жизнь на основах

ислама. Поэтому наши идеи привлекательны для молодежи. Мы намерены не только изничтожить своих врагов, но и искоренить враждебные идеи и культуру. Нам не нужна просто политическая власть. Мы полностью переустроим жизнь народа.

— Публичное отрубание голов многих смущает. Вас, наверное, уже спрашивали, правильно ли, что ваши люди ведут себя так демонстративно жестоко? Не отпугиваем ли мы тех, кто мог бы нас поддержать? — спросил Гюнтер и сразу же пожалел, что задал бестактный вопрос.

К его удивлению, аль-Багдади ответил:

— Я думал об этом много раз. Что можно требовать от людей, которые, возвращаясь домой, находят трупы своих братьев и отцов? Я объединил правоверных только потому, что применил силу. По-другому нельзя. Надо заставить иностранцев уйти из нашей страны. Мы разгромим войска крестоносцев. Мы уже действуем по всему миру. И они все нас боятся. Чувствуют, что мы достанем их повсюду. А их самолеты нас не пугают. Чем больше бомбят, тем больше желающих вступить в наши ряды.

Среди вождей халифата аль-Багдади единственный получил теологическое образование. Остальные — не фанатики и не идейные бойцы всемирной армии джихада, а бывшие офицеры иракской армии или спецслужб Саддама Хусейна и партийные секретари более не существовавшей Баас. Они сменили компрометировавшие себя партийные лозунги на религиозные.

Отдел информации был любимым у аль-Багдади. Сотрудникам отдела, прибывшим в основном из Европы, хорошо платили, их охраняли, старались уберечь от атак с воздуха. Аль-Багдади произвел его руководителей в ранг эмиров, и они присутствовали на всех важнейших

совещаниях. Приобрели в Турции самое дорогое оборудование, наняли сотни операторов и монтажеров, которые готовили видеоролики и журналы на разных языках, постоянный информационный выпуск «Рассвет благих новостей». Восторженно откликались на любую акцию в Европе и Америке. Фотографии жертв терактов в Париже сопроводили шапкой: «Воины халифата посеяли ужас в столице разврата». А снимок плачущего французского полицейского подписали: «Франция на коленях».

Аль-Багдади отличал немецкого рэпера Дениса Мамаду Герхарда Кусперта. Тот родился в Западном Берлине, его мать была немкой, отец — выходцем из Ганы, который оставил семью. Кусперт пел на сцене пятнадцать лет, сыграл в телевизионном сериале, но время от времени попадал в тюрьму за мелкую уголовщину. После тяжелейшей автомобильной аварии едва выжил и принял ислам. Взял себе новое имя — Абу Тальх аль-Альмани. Уехал в Египет, оттуда перебрался в Сирию, где поклялся в верности халифату. Рэпер красовался на видеороликах собственного производства с отрезанной головой неверного в руках. Аль-Багдади рассчитывал, что немецкий рэпер привлечет на сторону халифата поклонников его музыки. Очень горевал, когда машину Абу Тальха аль-Альмани по дороге в Ракку догнала американская ракета.

СИРИЯ. ДАМАСК

Немец Гюнтер Валле приехал в Ракку не один. Подпольщикам из «Исламского сопротивления» разрешили прислать троих боевиков, чтобы они встретились с руководством халифата и пропитались правильными идеями.

Все трое имели лишь примерные представления о том, как здесь, на территории Сирии, развивались политические события, которые привели к появлению организации, провозгласившей создание халифата. А им бы следовало это знать, прежде чем ввязываться в историю, которая так повлияла на их жизнь.

Три апрельских дня 1947 года в кофейне Рашида в Дамаске шли бурные дебаты, в которых участвовали двести сорок семь сирийцев и несколько гостей из Трансиордании, Ливана и Ирака. Трое — Мишель Афляк, Салах ад-Дин Битар и Заки Арсузи — предложили создать новую партию. И в воскресенье, 7 апреля, они провозгласили образование Арабской социалистической партии (Баас — «Возрождение»).

Руководство взял в свои руки прирожденный оратор Мишель Афляк, принадлежавший к греческой православной церкви и учившийся в парижской Сорбонне. Им двигала уверенность в том, что арабы, древний народ, имеют все основания гордиться своим прошлым и добиваться светлого будущего. Для этого они должны воспрянуть духом и преодолеть внутренние противоречия, чтобы объединиться в общее государство. Афляк предложил простой и понятный лозунг: единство, свобода и социализм.

Партия Баас, как гласила ее программа, намеревалась соединить арабский национализм с социализмом — путем революции. Под социализмом партийные идеологи понимали перераспределение богатства в арабских странах, где на горстку фантастически богатых людей приходились миллионы бедняков, возмущенных несправедливостью мироустройства.

Партия была подчеркнута светской. Возможно, так установилось потому, что христианин Мишель Афляк побаивался исламизма. Он твердил, что ислам не столь-

ко вера, сколько культура, а Коран — не столько божественное откровение, сколько творение арабского гения, равно ценное и для мусульман, и для арабов-христиан.

Баас в результате сразу вступила в конфронтацию с другой всеарабской организацией — «Братья-мусульмане»*, которая требовала создания чисто исламского государства и считала светские партии врагами.

В марте 1963 года в результате военного переворота партия Баас пришла к власти в Дамаске. Но идеалисты и книжники уступили место ледяным прагматикам власти, которые окружали президента страны и генерального секретаря партии Хафеза аль-Асада.

Он превратил партию в карманную. Расставил на все должности алавитов, представителей небольшой религиозной общины, к которой принадлежал и сам. Алавиты жили в горах и оставались бедным меньшинством, презираемым суннитами. Франция, управлявшая Сирией после Первой мировой войны, поощряла набор в армию представителей национальных и религиозных меньшинств. Сунниты не хотели, чтобы их сыновья шли в армию и служили колонизаторам. Зато алавиты охотно надевали военную форму и постепенно заняли высокие посты. Они же руководили политической работой в войсках, пропагандируя полководческое искусство пророка

Алавиты, составляющие процентов десять — двенадцать населения, заняли ключевые позиции в правящем аппарате и спецслужбах. При этом для большинства населения, для суннитов, они остались навсегда еретиками. Ни сунниты, ни шииты не считают алавитов своими. Сунниты относятся к ним даже с презрением, брезгливостью и ненавистью.

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Алавиты вместе с шиитами считают, что пророку Мухаммеду должен был наследовать его двоюродный брат — Али ибн Абу Талиб, женившийся на единственной дочери пророка Фатиме и таким образом ставший еще и его зятем. Однако халифом выбрали купца Абу Бакра, а Али смертельно ранили ударом меча в мечети. Вот так, собственно, и началось противостояние шиитов и суннитов...

Радикально настроенные сирийские сунниты не раз восставали против алавитского господства. Асад приказывал сажать их в тюрьмы, пытать и казнить. Двадцать тысяч суннитов были убиты, когда они в начале 1982 года попытались устроить восстание в городе Хама.

Асад считал себя чем-то вроде бога, и сирийцы должны были ему поклоняться. Когда президент прибыл на торжества во Дворец съездов, сирийские девочки выстроились вокруг него, образовав фигуру в форме сердца. Довольный Асад оказался в центре этого живого сердца, и девочки склонились перед ним. Это походило на поклоны верующих во время молитвы.

Он считал, что только он один способен управлять страной, на худой конец — его сын. А сыновей у него было четверо. В наследники он прочил старшего — Базиля, но тот разбился на своем «мерседесе». Для Базиля устроили специальную усыпальницу, к которой свозили паломников. Двое других на пост главы государства не годились: Махер считался крайне вспыльчивым, Маджид был замешан в наркоторговле... Выбор пал на Башара. Офтальмолог по специальности, он практиковался в Лондоне. Асад-старший вернул сына на родину и заставил учиться военному делу.

Хафез аль-Асад умер 10 июня 2000 года, перед этим передав бразды правления Башару. Сирийский парламент даже изменил конституцию — снизил возрастной ценз для кандидата в президенты с сорока лет до три-

дцати четырех. Именно столько было тогда Асаду младшему. Заодно офтальмологу присвоили звание генерала.

Год в Сирии шли демонстрации! Но президент не соглашался на политические реформы. В результате то, что начиналось как мирные манифестации за демократию и реформы, превратилось в войну. И тогда в дела Сирии вмешались соседи-иракцы. Режим Саддама Хусейна пал. Сунниты утратили господствующее положение в стране, где большинство населения — шииты. Радикальные исламисты объединились с бывшими саддамовскими офицерами и объявили о создании халифата. Они выступили войной против режима Башара аль-Асада в Сирии.

Партия Баас некогда строилась по принципу Интернационала: в каждой стране ее представители называли себя лишь региональным отделением. Но Ирак и Сирия слишком долго соперничали друг с другом за влияние в регионе, а их лидеры испытывали откровенную личную неприязнь. Двум медведям не ужитья в одной берлоге. Саддам Хусейн и Хафез аль-Асад устраивали заговоры друг против друга. Саддам обвинял Асада в трусости за то, что тот проиграл все войны, которые вел с Израилем. Асад отвечал Саддаму: «Палачу иракского народа мало того, что он убил десятки тысяч собственных граждан. Он намерен и в Сирии заниматься любимым делом — убивать и взрывать».

Теперь выплеснулась давняя ненависть саддамовских чиновников к сирийскому руководству.

Гюнтеру Валле и его соратникам вожди халифата были несказанно рады, потому что исламисты ценят бойцов джихада, родившихся на Западе. Иностранцев охотно снимали для видеороликов, чтобы произвести впечатление на весь мир. Европейцы и американцы

проходили курс подготовки в отрядах халифата и возвращались назад. Им разрешили сбривать бороды и не посещать мечеть, чтобы замаскироваться.

Хаджи Бакр с гордостью повторял, что перед ними ненавистный Запад беззащитен. Никакие спецслужбы всех не выловят и не обезоружат. У обладателей европейских или американских паспортов нет проблем при пересечении границ. Конечно, сначала за ними следят, затем наблюдение снимают. Они дождутся этого момента и нанесут врагу удар в самое сердце.

— У них найдется много помощников, — с полуулыбкой говорил Хаджи Бакр. — В том мире разжигают исламофобию. Мусульмане, живущие среди неверных, убедятся в том, что их ненавидят, и сделают правильный выбор.

Один из прибывших с Гюнтером, к удивлению хозяев, оказался бывшим офицером Советской армии. Руслан Хамидулин воевал в Афганистане, попал в плен и изъявил желание сражаться вместе с моджахедами. Присоединился к талибам*.

Ему не повезло, он попал в руки передового отряда боевиков халифата. У них было всего несколько минут на размышление. Руслан Хамидулин сразу сказал, что просит принять его в отряд. Остальным скрутили руки за спиной, завязали глаза, отвели на вершину холма и усадили на ямы, заполненные взрывчаткой. Потом взорвали. И он увидел, как разлетелись разорванные на части тела его боевиков.

Участников казни командир порадовал. Они зашли в ближайшую деревню, и он приказал местным жителям предоставить своих жен на ночь в пользование его людям. Никто из крестьян не посмел возразить.

* «Талибан» — террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Талибы принадлежат к ветви ханафитов. В халифате принят ваххабизм. Но война между ними началась не из-за религиозных различий. Глава халифата Абу Бакр аль-Багдади не признал авторитета вождя «Талибана» муллы Мохаммада Омара, которого поклонники почтительно именовали эмиром Исламского эмирата Афганистан. Люди аль-Багдади объяснили талибам, что в мире не может быть двух халифов. Следовательно, мулла Омар — лишний.

Халифат объявил о создании в Великом Хорасане — так некогда именовались территории, ныне входящие в состав Афганистана, Ирана, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении, — своей провинции. Перед отрядами халифата поставили задачу пробиться на север Афганистана и создать там базы для взаимодействия с узбекскими, таджикскими и уйгурскими боевиками.

Талибы предупредили аль-Багдади, что защитят свои завоевания. Аль-Багдади в ответ приказал своим людям «беспощадно и без капли сострадания наказывать тех, кто не покался и не присоединился к халифату». Тогда «Талибан» сформировал специальное боевое крыло, чтобы противостоять халифату. Собрал самых опытных и хорошо экипированных бойцов. Однако после смерти муллы Омара началось массовое дезертирство. Целыми подразделениями талибы переходили на сторону халифата. Аль-Багдади даже рядовым бойцам платил пятьсот долларов, таких денег молодые афганцы и в мечтах представить не могли.

О Руслане Хамидулине рассказывали разное. Будто с чужими документами он ездил на историческую родину — в Россию, где прошел какую-то специальную подготовку. Понтер считал его безбашенным.

Руслан мечтал отличиться. По его просьбе Понтер обратился к руководителю службы безопасности халифата Хаджи Бакру.

— Он предлагает ворваться на своем грузовичке на американскую базу в Багдаде и взорвать себя вместе с неверными.

— Никакой грузовик там не прорвется! — поморщился Хаджи Бакр.

— Не имеет значения. Он пять лет не может жениться. Ему мулла сказал, что, если он постучится в двери рая, держа в руках головы убитых врагов, то его сразу окружают девственницы. Ему не вмоготу. Он каждый день приходит и торопит меня: поскорее бы...

— И что ты предлагаешь?

— Надо сделать человеку приятное.

— Жалко использовать его таким образом, — задумался Хаджи Бакр. — Он же из России?

— Точно, — подтвердил Гюнтер.

— Пригодится для более важного дела в Дамаске, — решил его судьбу Хаджи Бакр.

— О чем идет речь? — заинтересовался Гюнтер.

— Узнаешь в свое время, — обещал Хаджи Бакр.

ГЕРМАНИЯ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гюнтеру Валле предложили принять участие в акции по добыванию денег для боевых групп халифата. Деньги боевикам были нужны. Он поехал с ними в Лондон. Надеялись захватить посла Объединенных Арабских Эмиратов и обменять его на сорок миллионов долларов. Богатейшее в мире государство, торговавшее нефтью, свободно могло заплатить такой выкуп.

Две недели с утра до вечера они вели наблюдение за посольством и тщательно охраняемой резиденцией посла. Но за две недели им только два раза удалось увидеть его вместе с двумя телохранителями. От плана пришлось отказаться.

Гюнтер поехал обратно в Германию. В лесу возле Франкфурта-на-Майне он встретился с Дитером Рольником и Петрой Вагнер, только что вернувшейся из Ливана. Они сидели на траве и курили. Петра очень спешила. Сразу спросила Гюнтера, не пора ли и ему взяться за настоящее дело.

— Я только что из Ракки, — рассказала она. — Положение тяжелое. Они в кольце врагов. Против них затеяна настоящая война. Богатые арабские государства совершенно не помогают. Надо заставить их участвовать в создании халифата.

— Что ты предлагаешь? — спросил Гюнтер.

— Не я. Дитер и Салим. У них идея — захватить всех нефтяных министров, — не без гордости в голосе ответила Петра. — В Бейруте соберутся министры из Организации стран — экспортеров нефти. И заставить их заплатить за свое освобождение в фонд халифата.

Рольник лежал на траве, смотрел в небо и молчал. За него говорила Петра.

Она сильно изменилась с их последней встречи после убийства судьи Конто. Петра провела несколько месяцев в тренировочном лагере, похудела и закалилась.

Идея сногшибательная! Правда, Гюнтер полагал, что план невыполним — хотя это не имело никакого значения.

Ему сделали новый паспорт. Он уложил дорожную сумку и уехал на поезде в Цюрих. Из Швейцарии они вместе с Фрицем и Петрой полетели на Кипр и договорились, что каждый снимет себе по номеру в разных гостиницах. Но за завтраком в гостиничном кафе Гюнтер с удивлением увидел Фрица.

Он поселился здесь же, потому что в другом отеле не оказалось свободных мест. Сделали вид, что не знают друг друга.

После завтрака бродили по городу. И кто же вышел им навстречу из греховно дорогого магазина? Дитер

Рольник в только что купленном модном берете. Они отправились в фешенебельный ресторан. Другие Рольник не признавал.

После обеда вернулись в гостиницу, чтобы поговорить о деле. План у Рольника был грандиозный. Группа захватывает министров и требует от ливанских властей каждый час зачитывать по радио манифест о величии халифата, обращенный ко всему миру. Потом ливанцы предоставляют авиалайнер, на котором они облетают одну за другой все страны, входящие в Организацию экспортеров нефти.

— И по одному освобождаем нефтяных министров, — пояснил Рольник. — Но только после того, как его правительство делает заявление о поддержке халифата.

Если требования не будут выполнены, два министра будут немедленно расстреляны — иракский и иранский: оба шииты.

— Для операции мы получим от наших друзей два автомата, шесть пистолетов, восемь ручных гранат и достаточное количество взрывчатки вместе с запалами, — посвятил их в детали Рольник. — Кроме того, мы будем хорошо знать, как выглядит здание изнутри, систему охраны и так далее. — Он веско произнес: — Я хочу объяснить вам правила поведения с заложниками. Кто окажет сопротивление, будет убит на месте. Кто не выполнит наши приказы, будет расстрелян. Если кто-то попытается бежать, стрелять немедленно. Если кто-то впадет в истерику и начнет визжать, расстрелять.

И добавил:

— Если кто-то из членов команды не подчинится моим приказам или не выполнит своего задания, я его сам расстреляю.

Но тут Гюнтер сорвался. На его вкус, планировалось слишком много стрельбы. Он почти закричал на Рольника:

— Разве ты не понимаешь, что оружием можно не только убивать, но и ранить? Я не убийца и не собираюсь им становиться! Я не буду стрелять в того, у кого начнется истерика. И если это иначе невозможно, то можешь вычеркнуть меня из списка!

Тут уже разозлился Рольник:

— В здании будет сто с лишним человек, многие вооружены — полиция и охранники министров. Если кто-то из них не подчинится нашим приказам и попытается сопротивляться, его придется пристрелить. Иначе они нас убьют. Твои слова — это просто чушь. Все, что нам предстоит сделать, это не убийство, а необходимость. Мы ведем войну, а в войне приходится убивать, если хочешь победить.

Гюнтер остался при своем мнении, что это чистое убийство и он не станет этим заниматься. Хватит с него бессмысленной смерти судьи Конто. Гюнтер решил про себя, что, если кто-то выстрелит, он выстрелит в ответ, но постарается ранить, а не убить.

Когда Дитер Рольник отправился в туалет, молчавший до этого Фриц попытался успокоить Гюнтера:

— Послушай, мы, конечно же, не убийцы. Не надо воспринимать все, что говорит Дитер, так буквально. Ты единственный, кого он не мог проверить в тренировочном лагере. У него свои способы разбираться в людях. Они, правда, несколько своеобразны, но если они полезны для дела, то что тут возразишь?

МОСКВА.

ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА

После совещания у заместителя начальника управления нелегальной разведки генерал Калганов жестом позвал полковника Козлова из ближневосточного отдела.

— Виктор Петрович, присядьте. Мы пришли к общему выводу, что на встрече министров стран — экспортеров нефти разумным будет участие наших наблюдателей.

Сидевшие рядом кадровики повернулись в сторону Козлова. Две пары глаз в очках уставились на полковника.

— Мы знаем, что вы едете в Бейрут по другой линии, — скрипучим голосом добавил Калганов. — Но совещание нефтяных министров не менее важно. Они приглашают дипломатов, так что наш посол пойдет обязательно. Он получит инструкцию из МИДа. Будет исполнять чисто протокольные функции. А там нужен сильный аналитик, знающий арабский язык и ситуацию в Сирии, так что вам целесообразно пойти вместе с послом.

Козлову вручили билет и командировочные. Он заказал машину, которая должна была отвезти его в аэропорт, отправил телеграмму в резидентуру.

Первый, кого Виктор Козлов увидел в Бейруте, был его старый знакомый Ахмед Шараф из сирийской разведки.

В Москве Шараф считался постоянным подопечным Козлова. Когда сириец приезжал, Козлову поручали с ним возиться: встречать, возить по городу, переводить, кормить и поить. Веселый и компанейский Шараф нравился ему. Коротко стриженный, с громоподобным басом, он был похож на пивную бочку. Шараф действительно любил пиво, как, впрочем, и другие крепкие напитки. Благо смета, составляемая в Москве для гостей такого уровня, позволяла сирийскому другу пить и закусывать вволю.

На сей раз Ахмед Шараф встречал вовсе не его, а человека, которого Виктор Козлов сразу узнал. Это был Самир Кунтар, один из самых заметных боевиков шиитской организации «Хезболла», которая пришла на помощь

правительству Башара аль-Асада. Самира, человека с богатым прошлым, в узких кругах называли маньяком. Козлов заметил, что Шараф обнял Кунтара и пригласил в ожидавший их лимузин с затемненными стеклами.

Командировка в Ливан имела множество преимуществ. Козлова поселили в Бейруте в гостинице, где ни за что не надо было платить. У него был открытый счет: ешь, пей вволю.

Встреча с сирийцами уже заканчивалась, когда Козлова вызвали с совещания и попросили позвонить в российское посольство. Дежурный сказал, что посол просит его приехать.

В кабинете с длинным столом для заседаний, кроме самого посла, сидел еще и широко улыбавшийся полковник Олег Виленович Червонцев, исполнявший обязанности резидента в соседней Сирии.

Олега Козлов помнил по Институту международных отношений. Червонцев был младше его на два курса. Перед распределением Олег, который приехал в Москву из Астрахани и жил в общежитии, женился на дочери сотрудника КГБ и сам попал в это ведомство. Начал в контрразведке, но добился перевода в разведку.

Друзья рассказывали Козлову, что Червонцев начал службу в резидентуре в Испании, когда в Мадридский университет приехала учиться внучка первого заместителя директора внешней разведки. Червонцев взял на себя обустройство внучки директора на чужбине. На оперативные средства снял ей большую квартиру, возил на своей машине, выполнял любые просьбы, дипломатической почтой пересылал ее письма в Москву любимому дедушке. Вот тут-то у него служба и пошла — и звездочки на погоны, и повышение в должности. Когда внучка закончила курс и вернулась домой, Червонцев получил полковничьи погоны и первую же вакантную должность заместителя резидента в Сирии. Крупное повышение.

Окна в кабинете посла были наглухо закрыты металлическими шторами — по соображениям безопасности. Даже в ясный солнечный день приходилось включать свет.

— Садись, Виктор, — сказал посол Козлову, — выпьем чай и поедем на встречу к нефтяным министрам.

— Встреча начнется ровно через час, — уточнил пунктуальный Червонцев. И добавил: — Рад тебя видеть, Витя.

Посол Михаил Петрович Вавилов приехал в Дамаск с министерской должности. Правда, в правительстве он продержался недолго. Не успел как следует насладиться всем, что успел под себя подстроить. Когда его утвердили министром, он сразу отправил в темное, неудобное, высотное здание сталинской постройки своего главного помощника. Тот придирчиво осмотрел приемную, кабинет министра и комнату отдыха, велел заново покрыть пол лаком и сменить мебель. Сам отобрал дежурных секретарей. Помощник прошелся по этажам. Велел в большой столовой для членов коллегии министерства выгородить вполне приличную комнатку, предупредил, что министр принимает пищу отдельно.

Вавилов вел себя как небожитель, случайно спустившийся на землю. Попасть к нему было трудно. Секретари делали вид, что никого не знают. Впрочем, чиновники и не рисковали обращаться непосредственно к Вавилову, ходили только к его заместителям.

Министерство аграрного машиностроения создали в качестве благодетения для одного из отличившихся силовиков — пусть перед пенсией побудет членом правительства. Но пока министерство формировали, кандидат в министры умер. Хотели было расформировать не возникшее еще ведомство, как вдруг вспомнили о Михаиле Петровиче Вавилове, которого тоже следовало прилич-

но пристроить. Он был губернатором одной из южных областей, умел принять московских людей, устроить хороший отдых.

Счастье оказалось недолгим. Министерское кресло понадобилось более близкому ко двору чиновнику. И президент дважды выразил недовольство вялой работой министерства. Отношение к Вавилову мгновенно изменилось даже среди его подчиненных. Сначала все ходили вокруг него на цыпочках и заглядывали ему в рот. Теперь же некоторые члены коллегии осмеливались возражать. Решили, что Вавилов долго не усидит. В таком случае инстинкт выживания подсказывал даже самому непроницательному чиновнику — удалиться от обреченного министра.

В тот день Вавилова вызвали в Белый дом, и заседание коллегии министерства началось без него. Когда он приехал, полтора десятка мужчин в одинаковых темных костюмах и две женщины с высоченными прическами нерешительно встали. Первый заместитель министра, проводивший коллегию, расцвел, одарил присутствующих улыбкой и засуетился, предлагая министру занять главное кресло. Вавилов со всеми поздоровался за руку, но сел сбоку и просил продолжить заседание.

Отчитывались два начальника управлений. Один из них — бывший директор тракторного завода — просто рассказал о ситуации в главке. Второй — Фигурнов — заговорил бойко. Уверенным и спокойным голосом заявил, что, по мнению сотрудников его управления, министр не обеспечивает должного руководства аппаратом.

— Новая модель трактора, которая разработана в рамках программы импортозамещения и которую ждут от нас труженики полей, все еще не внедрена в производство. Труженики полей и в следующую посевную кампанию останутся без тракторов. Почему же наше министерство не выполняет указания президента? Я счи-

таю, что в этом проявились недостатки организаторской работы товарища Вавилова.

На минуту в большом кабинете, обитом светлым деревом, повисла тишина. Ждали, как поведет себя министр. Первый зам не смог скрыть ехидной ухмылки. Разгневанный Вавилов уже поднялся для того, чтобы решительно одернуть Фигурнова, но вдруг распахнулась дверь и появился запыхавшийся помощник министра.

— Михаил Петрович, вас ищет президент! — выпалил он. — Из первой приемной просили немедленно перезвонить.

Вавилов почувствовал, как взоры всех присутствовавших буквально впились в него. Министр намеревался уйти в свой кабинет, чтобы связаться с президентом, однако заметил на столе телефонный аппарат цвета слоновой кости — АТС-2. Конечно, звонить президенту по второй «вертушке», которой пользовались номенклатурные работники среднего ранга, было как-то несолидно. Но если бы Вавилов сейчас ушел, это выглядело бы бегством.

Он решительным жестом снял трубку. Не заглядывая в справочник, на память набрал номер первой приемной. Ответил дежурный секретарь. Вавилов назвал себя. «Сейчас доложу», — обещал секретарь.

Тотчас же мощная мембрана «вертушки» воспроизвела голос президента:

— Ты как посмотришь, Михаил Петрович, если мы тебя порекомендуем послом в Ливан? Страна важная для нас. Ближний Восток кипит. Такой опытный человек там и нужен. Не возражаешь?

— Сочту за честь, — громко и радостно сказал Вавилов, прекрасно понимая, какое впечатление произведут его слова на членов коллегии.

Вавилов положил трубку и повернулся к членам коллегии:

— Президент желает нам всем успеха.

Первый заместитель министра вскочил и вытянулся в струнку:

— Спасибо, Михаил Петрович.

Вавилов весьма демократично спросил:

— Члены коллегии не возражают, если я пойду к себе? Сами понимаете...

— Конечно, конечно, Михаил Петрович! Спасибо, что нашли время...

Первый заместитель побежал вперед, чтобы распахнуть дверь перед министром. Когда Вавилов вышел, он закричал на Фигурнова:

— Что это вы тут несли? Коллегия недовольна вашим самоотчетом. Вы что думаете, товарищ Фигурнов, коллегия будет благодушно взирать на вашу провальную деятельность на посту начальника управления? Труженники полей ждут новый трактор, а вы тут демагогией занимаетесь!

ЛИВАН. БЕЙРУТ

Остальные члены группы приехали накануне. Рольник и Салим притащили оружие в двух больших сумках. Дитер Рольник каждому присвоил номер и объяснил, кому и что предстоит делать.

— Номер один — это я. Вооружение — один автомат и один пистолет. Номер два — Салим, один автомат, две ручные гранаты. Наша с ним задача — пробиться в конференц-зал и захватить министров. Номер три — Юсеф, один пистолет и взрывчатка. Он должен последовать за нами, заложить взрывчатку и подготовить все для взрыва по моему приказу. Номер четыре — Гюнтер, один пистолет и две гранаты. Он должен загнать всех, кто находится в коридоре, в конференц-зал, предварительно

проверив, есть ли у них оружие. Когда это будет сделано, мы вместе обыщем все помещения. Номер пять — Фриц, один автомат и две гранаты. Он помогает Гюнтеру. Номер шесть — Петра, один автомат, она прикрывает вход.

Они устроились на полу, накрытом толстым ковром, и внимательно слушали Дитера. Никто не шутил, не улыбался. Несмотря на привычную браваду Рольника, все понимали, на что идут.

— Есть вопросы? — спросил Рольник. — Нет. Тогда пошли вздремнем.

У Гюнтера не было вопросов, но была одна просьба. Он хотел, чтобы в случае тяжелого ранения, которое сделало бы его калекой, его бы немедленно застрелили. И еще Гюнтер попросил Рольника обязательно забрать раненых, даже если они будут говорить, что не перенесут дороги. Если погибать, то лучше в дороге, среди своих, чем в тюрьме. Так и было решено.

Всем кроватей не хватило. Фриц и Юсеф улеглись прямо на полу.

В субботу Гюнтер сходил еще раз осмотреть здание, где соберутся министры, кое-что купил и вернулся. Фриц сказал ему, что операция отложена на воскресенье. Тогда он опять ушел и гулял весь день по городу.

Все плотно поужинали, Гюнтер есть отказался. Над ним посмеялись, потому что и накануне вечером он тоже не проглотил ни куска. Но это было мудрым решением, которое, как оказалось позднее, спасло ему жизнь. Это Гюнтер узнал во время службы в бундесвере: при ранении в живот выживает тот, чей желудок пуст.

Ровно в полночь Рольник достал бутылку виски, дабы отметить день рождения Гюнтера. Именинник выпил две порции и ушел в свою комнату. Настроение у него было не праздничное, и он хотел, чтобы его оставили

в покое. Той ночью Понтер чувствовал себя совершенно одиноким, и ему было чертовски грустно.

В семь утра его разбудили и велели еще раз сходить и убедиться, что на заседании точно будут присутствовать министры из Ирана и Саудовской Аравии. Они приехали, и Понтер побежал назад.

Группа готовилась. Все снаряжение, включая автоматы и взрывчатку, надо было тащить на себе. Груз получился большой, и они выглядели странно со своими сумками.

У входа стоял полицейский в парадной форме. Он взял под козырек и пропустил иностранцев, приняв их за участников встречи. Даже не стал требовать документы и не поинтересовался, что они собой несут. В австрийской столице давно уже ничего не происходило. Венские власти были уверены, что способны обеспечить в городе полное спокойствие, и не хотели огорчать высоких гостей повышенными мерами безопасности, дабы не доставлять им неудобства. Вена — это комфорт!

Дитер Рольник с большими сумками в руках по-английски вежливо сказал полицейскому: «Здравствуйте». И боевики беспрепятственно прошли внутрь.

Российского посла Вавилова и полковника Козлова, который поехал вместе с ним, сопровождали три машины, набитые стражами порядка. Не сбавляя скорости на поворотах, машины вырвались из города и доставили их в старинный особняк для важных встреч.

В вестибюле посла и Козлова сердечно приветствовал аль-Халиль, который работал в министерстве иностранных дел. Аль-Халиль был частым гостем российского посольства. Отношениями с ним дорожили, щедро угощали его водкой и икрой, потому что через него можно было без проволочек получить важную информацию, которая в расколотой войной стране была на вес золота.

— Замечательно выглядишь, Виктор! — Аль-Халиль хлопнул Козлова по плечу, демонстрируя окружающим высокую степень личных отношений с высокопоставленным русским. — В Москве столько перемен, один ты не меняешься.

Внизу у лестницы толпились журналисты. Дитер Рольник любезно осведомился у них по-английски, началось ли заседание. Они ответили утвердительно. Тогда Рольник деловито расстегнул молнию на своей спортивной сумке и вытащил автомат. Это было сигналом к началу операции. Боевики достали оружие и бросились вверх по лестнице.

Переступив порог здания, Гюнтер ни слова не произнес по-немецки. Он намеревался обойтись несколькими английскими фразами. Не хотел выдавать своей национальной принадлежности, потому что надеялся в конце концов вернуться в Германию.

Первые выстрелы прозвучали почти сразу — возле лифтов, где действовала Петра. Стоявшие там люди не спешили подчиниться ее приказу, и Петра, не раздумывая, нажала на спусковой крючок. Несколько человек рухнули на пол. Двое или трое из них были убиты.

Гюнтер сбросил пальто и надел маску.

Выстрелы раздались и в конференц-зале. Безоружный ливиец бросился на Рольника. Дитер выстрелил ему в плечо, а потом, разозлившись, вогнал в раненого ливийца весь магазин.

Гюнтер занялся теми, кто стоял в фойе. Там оставалось человек семь-восемь. Мужчин он стволом пистолета отогнал в угол, а женщине, разговаривавшей с кем-то по телефону, приказал бросить трубку на пол и поднять руки. Испуганные выстрелами мужчины сгрудились в углу, а вот с женщиной вышла незадача.

Ему никак не удавалось втолковать этой молодой смуглой даме с надменным взглядом, что сейчас не вре-

мя звонить. Она отказывалась это понимать. Да еще Фриц куда-то исчез. Приходилось одним глазом следить за мужчинами, а другим за говорливой дамой.

Она совершенно не испугалась нападения и продолжала кому-то названивать. Гюнтер стоял перед ней и не знал, что ему делать. Он почувствовал, как в нем закипает ненависть. Еще минута, и выстрелит в нее. И тогда он выпустил магазин в потолок. Сверху посыпались осколки разбитых плафонов. Звон стекла на даму подействовал. Испуганно отскочив, она присоединилась к остальным.

Прошла минута. За это время его самого могли преспокойно застрелить, ведь он еще не проверил, нет ли у них оружия. Тут Гюнтер вспомнил свои заученные английские фразы и скомандовал:

— Снять пиджаки!

Пистолетным стволом он указал на противоположную стену. Один за другим все выходили вперед и оставляли одежду. Удостоверившись, что оружия нет, он по одному запускал струдившихся мужчин в конференц-зал. Краем глаза заметил, что один из них пытается улизнуть, медленно отступая с поднятыми руками в сторону выхода. Гюнтер решил, что не станет ему мешать: пусть уходит. Заложников предостаточно.

И тут у входа появилась Петра Вагнер, возбужденная первой пролитой кровью. Она поступила на редкость глупо. Заметив, что человек пытается бежать, она ткнула в него пистолетом и приказала вернуться в здание. Заложник не растерялся и мгновенно перешел в наступление. Ловко схватил Петру, не давая ей выстрелить, и потащил к выходу.

Гюнтер бросился на помощь и услышал выстрелы. Петра все-таки сумела спустить курок. Мужчина рухнул — она упала вместе с ним. Пиджак упавшего задрался, и стала видна наплечная кобура с матово блестящей

рукояткой пистолета. Гюнтер нагнулся и выгасил у него пистолет из кобуры, недоумевая, почему тот не пустил в ход оружие.

Виктор Козлов стоял с поднятыми руками и с ужасом наблюдал за происходящим. Посла Вавилова, как почетного гостя, сразу провели в зал заседаний, захваченный террористами. Козлов и аль-Халиль задержались в фойе, и здесь их прихватили. Смельчак аль-Халиль решил бежать, чтобы вызвать подмогу...

Козлов увидел лужу крови на лестнице и голову аль-Халиля посреди этой лужи. Ливанец был еще жив и страшно хрипел. Козлова мутило, он отвернулся.

Гюнтер теперь уже без проверки поспешно загнал всех в конференц-зал и принялся обыскивать комнаты. К этому времени подоспел Рольник и стал ему помогать. Но вскоре они бросили это занятие, потому что комнат было много, а времени мало.

Рольник вернулся в конференц-зал, а Гюнтер вместе с Фрицем заняли оборону у закрытых дверей. Теперь следовало подождать, пока власти не вступят с ними в переговоры, чтобы узнать, чего, собственно, они хотят. Террористы контролировали все подходы к конференц-залу, где находились заложники, и профессионалы должны были понять, что освободить заложников силой будет непросто.

И тут в здании появились четверо бравых молодцов, которым бы в кино сниматься, а не служить в элитном подразделении местной полиции.

Гюнтер, спрятавшись за колонну, увидел четырех полицейских в стальных касках и с автоматами в руках. Они озирались. Гюнтер мог расстрелять их из укрытия, потому что пуленепробиваемые жилеты не спасают от прямого попадания, мог забросать ручными гранатами или просто отступить. Но он предпочел отодвинуться за колонну.

В эту минуту раздалась автоматные очереди. Стреляли полицейские. Зачем они это делали, было непонятно. Прорваться к заложникам они не могли: без ручных гранат ничего не получится, а бросать гранаты им не разрешалось, чтобы не ранить заложников.

Стрелять им тоже не следовало. Автоматные пули летели во все стороны, и если хотя бы одна залетела в конференц-зал, Рольник сразу бы отдал приказ взорвать здание, решив, что Гюнтер и Фриц уже убиты. То, что у террористов, захвативших здание, могут быть гранаты, судя по всему, не приходило полицейским в голову, иначе они бы вели себя осмотрительнее. Вместо это они продолжали поливать коридоры огнем, и все кончилось тем, что Гюнтер получил рикошетом пулю в живот.

Он выпустил пистолет из рук, вытащил рубашку из брюк и осмотрел рану. Это была не дырка, а, скорее, щель, окруженная рваными кусками мяса. Кровь пока не шла. Гюнтер подумал: вот дерьмо. Он отступил и для начала выкурил сигарету. Боли не было, как будто бы ничего не произошло.

Фриц, которому он показал рану, сразу заорал:

— На помощь, Дитер!

Полицейские продолжали палить во все стороны, будто им приказали снести здание до основания. Рольник выскочил, оценил обстановку, что-то прорычал Фрицу и опять исчез в конференц-зале. Фриц равнодушно швырнул в фойе одну за другой две гранаты. Свет погас, и в головах полицейских наконец-то прояснилось. Прекратилась бессмысленная пальба. Полиция вступила в переговоры.

Один из нефтяных министров, врач по профессии, наскоро осмотрел Гюнтера. Рольник спросил министра, сможет ли Гюнтер уйти из здания на своих ногах.

— Нет, — твердо ответил министр. — Ему нужна операция, и как можно скорее. Пока что не давайте ему ни есть, ни пить.

Рольник приказал Гюнтеру сидеть в конференц-зале и охранять заложников. Но теперь живот стал болеть. Гюнтер начал слабеть, его мучила ужасная жажда. Когда он почти потерял сознание, Рольник забрал у него бумажник и оружие и сказал:

— Иди.

Покачиваясь, Гюнтер вышел в фойе. Там стояли полицейские, как будто ожидая, чтобы их кто-нибудь пристрелит. Офицер спросил его, не заложник ли он. Гюнтер помотал головой. Он сел прямо на пол, натянул пиджак на голову и перестал отвечать на вопросы. Прежде чем потерять сознание, он увидел, что несут носилки.

Во время рентгеновского обследования он на короткое время пришел в себя. Какие-то типы снимали с него отпечатки пальцев, а он не давался. Сначала врачи с ним что-то делали, потом его опять стали фотографировать, а чтобы он при этом открыл глаза, они дергали трубки, которые отовсюду торчали из него. Это вызывало дикую боль.

Врачи связались с Рольником и сказали, что Гюнтер не переживет перелета, поэтому они не дают согласия на его транспортировку. Рольник ответил, что требует доставить Гюнтера в самолет к моменту вылета. Живым или мертвым. Это было правильное решение, решил Гюнтер впоследствии. В тюрьме он бы непременно загнолся. Когда его привезли к самолету, он был скорее мертв, чем жив. Газеты писали, что Гюнтер не выживет. На самом деле через пять дней он поднялся на ноги, а еще через пять дней с него сняли швы.

Рольник был счастлив. Он одержал полную победу. И увез с собой всех своих людей, даже Гюнтера, которого в прямом смысле вырвал из рук полиции. Власть капитулировала перед ним!

ГЕРМАНИЯ. КЕЛЬН.
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ВЕДОМСТВО
ПО ОХРАНЕ КОНСТИТУЦИИ

Хайнц Ритген, начальник германской контрразведки, был спокойным и жестким человеком. Он потребовал от подчиненных заняться левыми террористами, которые стремительно меняли свои взгляды и присоединялись к неонацистам или принимали мусульманство и сотрудничали с исламскими боевыми организациями.

Его старший помощник Марион проработала с начальником почти двадцать лет. Она была старой девой, любила и почитала своего шефа. Марион позвонила начальникам двух отделов, чтобы они срочно подготовили справки.

Ровно в полдень первая справка была готова. В приемную ее принесла личный помощник начальника отдела по борьбе с правым и левым терроризмом Кристина фон Хассель. Вот уже несколько лет она трудилась в ведомстве по охране конституции. Она давно освоила новую специальность, и начальник отдела, отметив ее уникальную работоспособность, преданность делу и блестящие аналитические способности, назначил ее своей помощницей.

Кристина вошла в секретариат с папкой в руках. Две секретарши с завидно прямыми спинами, сидя у компьютеров, выбивали дробь всеми десятью пальцами; прилизанный молодой человек за столиком в углу что-то записывал, прижав плечом телефонную трубку. Марион придирчиво осмотрела Кристи. Она не одобряла молодых, да ранних барышень, которые подозрительно быстро делают карьеру в чисто мужском обществе. Но придаться к Кристи было невозможно. Накрахмаленная белая блузка, идеально выглаженная темно-синяя юбка,

аккуратная стрижка, минимум косметики, очки в тонкой золотой оправе. Они ей с недавних пор понадобились. Слишком много бумажной работы.

Марион провела Кристи в небольшую приемную и, оставив одну, вошла в кабинет Ритгена. Кристи присела на краешек потертого кресла, положив папку на колени, обтянутые юбкой. Ждать пришлось недолго. Из кабинета донеслись раскаты начальнического баса. Дверь распахнулась, и в приемную вылетел багровый от гнева Хайнц Ритген:

— Я его самого вышибу из правительства! Да я этого паршивого министра знаю как облупленного, со всеми его грязными делишками!

Вслед за начальником появилась взволнованная Марион, которая не успела предупредить шефа, что в приемной сидит чужой человек.

— Господин директор, — остановила она Ритгена, — справка, которую вы заказывали, готова.

Хайнц Ритген повернулся в сторону Кристи. Несколько секунд он непонимающе смотрел на молодую серьезную женщину в очках. Потом, справившись с обуревавшими его чувствами, улыбнулся и протянул руку за папкой.

— Давайте вашу справку.

Ритген пригласил Кристи в свой кабинет.

— У меня есть сведения, что ставший знаменитым Гюнтер Валле на самом деле остался в Ливане. Никуда они не улетели. Они обосновались где-то в долине Бекаа. Вместе с Гюнтером находятся и известный нам Дитер Рольник, и Петра Вагнер. Можно предположить, что они готовятся к новой акции. Мне бы не хотелось, чтобы они повторили налет у нас в стране.

Кристи слушала его очень внимательно, хотя читала те же материалы, что и Ритген. Догадалась, что ей предстоит дальняя дорога.

— В том, что сейчас происходит в Бейруте, как в Дамаске, сам черт ногу сломит, поэтому будьте крайне осторожны, — сказал Риттген. — Но при таком многообразии интересов найдутся силы, которые захотят нам помочь. — Риттген прошелся по комнате и пояснил свою мысль: — Подумайте о лидере ливанских христиан Башире Амине. Для него нападение террористов на нефтяных министров, которые собрались в зоне его ответственности, — личное оскорбление. Он полон жажды мести и мечтает расквитаться со своими врагами — сирийцами. Возможно, он тот самый человек, который нам нужен. Наши интересы совпадают. Он хочет избавиться от тех, по кому плачут наши тюрьмы. Попробуйте установить с Баширом контакт.

Гордая поручением, Кристи вышла в приемную, но Марион охладила ее пыл.

— Вы свободны, милочка, — холодно сказала она и распахнула перед ней дверь.

Два дня Кристи провела у родителей. Мать и отец были счастливы. Перед отъездом вышла прогуляться. Она хотела проститься с широкими полями, с бело-кирпичными домиками вокруг холма, на котором стоят церковь и замок. Она прощалась с лежащей за холмом бескрайней равниной, болотами, покрытыми густым мхом, с тяжелыми клубящимися облаками.

Почему-то казалось, что этот город она больше никогда не увидит, что это веселый мираж — и он на ее глазах гаснет, растворяется, исчезает в голубовато-белом сиянии. Она остановилась на мостике через Вюрм. В светлой воде мелькали стаи рыбок.

Вокруг города было множество речушек, ручьев, узких каналов, которые стекались из мхов и болот в реку, пересекающую город с юго-запада на северо-восток. Здания сверкали свежей побелкой и краской. Но моло-

дежь не любила свой город. Даже подростки торопились освоить мотоцикл, чтобы вечером сгонять в соседний Мюнхен — это всего четверть часа быстрой езды.

Жаль, что замок закрыт, подумала Кристи. Его открывали для посетителей только в выходные на пару часов. Утешение она нашла в саду с длинными рядами яблонь, цветущим кустарником, алыми маками, пионами, ирисами. На табличке, укрепленной на арке ворот, Кристи прочитала, каких птиц можно увидеть в парке. Здесь водились садовый краснохвост и завирушка лесная, хищники — карликовая ушастая сова, мохноногий сыч, орлан-белохвост.

Из сада открывался сказочный вид на бесконечную равнину. На зелено-пестрой скатерти словно были расставлены миниатюрные кофейники, солонки, перечницы и сахарницы — это виднелись высотные здания, церкви и трубы Мюнхена. А дальше Кристи разглядела Альпы, подернутые дымкой на горизонте.

В церкви Святого Иакова фигуры святых на колоннах демонстрировали прихожанам инструменты, которыми их пытали. Варфоломей показывал нож — им содрали кожу. Матфей — топор, которым его разрубил палач. Симон Кананей — пилу. Иуда Фаддей — дубину, которой его убили.

В углу, между изображением Христа, пойманного и подвергнутого мучениям в доме Каиафы, и изображением Марии, пронзенной семью мечами, на маленьком пульте лежала книга поминовения усопших общины. Прекрасный летний вечер. Заиграл орган. Она стояла у окна и смотрела на голубовато-сумрачное небо над городом.

Интересно, что сейчас подельывает Алексей, с нежностью подумала Кристи.

Она жила ради одного месяца в году, когда они соединялись в укромном европейском уголке и любили

друг друга. Кристи не теряла надежды на то, что рано или поздно они смогут пожениться и жить вдвоем, открыто, как муж и жена.

Алексей почти всегда молчал. Но по его глазам она понимала: придется потерпеть. Москва не готова позволить им жить тихой семейной жизнью.

Она, конечно же, понимала, что любовь к Алексею превратила ее в шпионку, что она работала на разведку чужой страны. Утешала себя тем, что не приносит никакого ущерба своей родине. Напротив, ее усилиями в Москве лучше понимают Германию. Но главное состояло в другом. Ее любовь нисколько не угасла. Алексей был для нее мужчиной на всю жизнь. И он поклялся любить ее до смерти.

МОСКВА. КВАРТИРА КАПИТАНА КАРМАНОВА

Она была уже не молода и вовсе не хороша. Но Алексей Карманов второй день пребывал в отпуске и чувствовал, что ему нужна женщина. Тем более что алкогольные напитки, даже самые слабые, позволяют увидеть мир в радужном свете. Его первый наставник подполковник Маслов говорил в таких случаях, что не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки. А когда он выключил свет в комнате, ее внешность и вовсе потеряла всякое значение.

Она потянула его в постель раньше, чем Алексей успел выключить телевизор. Ему хотелось посмотреть новости, но на редкость сноровистые и жадные руки уже стащили с него рубашку, и брюки тоже недолго на нем задержались. Секундное разочарование в ее глазах тут же сменилось восторгом — едва ли его можно было застигнуть врасплох, он сразу приводил себя в боевое состояние.

Откинулся на подушку, и со вздохом удовлетворения она принялась за дело. Очевидно, у нее очень давно не было мужчины. Она ласково провела рукой у него между ног.

Теперь настал его черед. Карманов буквально набросился на ту, с которой познакомился три дня назад. В течение следующего часа ей казалось, что она попала в рай. Она даже не подозревала, что способна получать такое удовольствие от мужчины. Ничего подобного в ее жизни еще не было. Кто же знал, что этот невзрачный мужичонка с животиком и дряблой мускулатурой окажется таким опытным и изощренным любовником.

Алексей довольно подумал, что отпуск начался удачно. Он летит в Бейрут. Привилегией отдыхать за границей пользовалось только высшее руководство центрального аппарата, но для Алексея делали исключение. От него зависело благополучие одного из лучших агентов, и ему подарили целых две недели.

ЛИВАН. БЕЙРУТ

Город показался Кристине пустыней. После стольких лет гражданской войны люди предпочитали лишний раз не выходить на улицу. Только дети бесстрашно играли среди бетонных развалин. В этом городе винтовка рождала власть. А винтовок было много.

Война разорвала некогда процветавший Ливан на клочки, каждый из которых превратился в самостоятельное княжество под управлением сильного человека, достаточно богатого и решительного, чтобы обзавестись собственной армией.

Кристина поселилась в сравнительно тихом отеле «Александр», где останавливались европейцы и богатые провинциальные ливанцы, приезжавшие в столицу

по делам. Она приехала в Бейрут с корреспондентским удостоверением немецкого радио. Попросила организовать ей интервью с Баширом Амином, и это оказалось нетрудной задачей. Вниманием иностранных корреспондентов в Ливане дорожили все.

Окольным путем она отправила письмо Алексею. Через три дня услышала зашифрованный ответ по радио: любимый мужчина желал ей успеха, счастливого пути и просил быть осторожнее, пока он к ней не присоединится. Кристи была счастлива и жила ожиданием скорого свидания.

В Бейруте Кристину ждала удивительная встреча. Петра Вагнер, подруга ее детства, как ни в чем не бывало сидела за рулем своего автомобиля и наблюдала за тем, что происходит в доме патриарха.

Кристи не заметила Петру. Та коротко постриглась, сильно похудела и загорела дочерна. Но Петра узнала Кристи и бросилась к ней. Она рада была увидеть знакомое лицо. И ей хотелось с кем-нибудь поговорить. Кроме того, Кристи ей по-прежнему нравилась.

Петра увела подругу в свою машину и, не спрашивая, желают ли ее слушать, начала рассказывать. Она говорила горячо и сбивчиво. Кристи слушала ее с затаенным сочувствием. Даже в жестоком мире террора люди страдали от неразделенной любви.

После захвата нефтяных министров Гюнтер стал в арабском мире героем. Операция ничем не закончилась. Рольника заставили освободить заложников, не причинив им никакого ущерба. Халифат получил значительно меньше денег, чем рассчитывал. Но имя Гюнтера с восхищением произносилось на всем арабском Востоке. Большое значение имело его мужественное поведение после ранения.

Получив пулю в живот, Гюнтер не жаловался, не кричал и не плакал, а продолжал удерживать министров. За ним укрепилась репутация смельчака и героя. Когда он немного поправился и смог ходить, началась его триумфальная поездка по некоторым арабским государствам.

Министр иностранных дел одной страны пригласил его на ужин. Президент другой предоставил ему личный самолет для поездки со всеми удобствами. У трапа Гюнтера встречала целая свита. Телевизионная съемочная группа снимала каждый его шаг. Гюнтера принимали начальники секретных служб, которые охотно откликались на все его просьбы. Его селили в правительственных резиденциях с охраной и катали на бронированных лимузинах. Это была жизнь героя, и он, вне всякого сомнения, наслаждался такой жизнью.

Но постепенно Гюнтер стал ощущать себя наемником, который оказал хозяевам важную услугу. Разговоры с местными правителями смущали его. Они наслаждались своим положением и забыли о том, ради чего завоевали власть в долгой и беспощадной борьбе за независимость своей страны. Пышные приемы в нищем государстве казались Гюнтеру отвратительным расточительством.

Гюнтера покинул революционный энтузиазм. Он стал тяготиться ролью героя. Принял решение выйти из игры. В уютном особняке, где обитал руководитель службы безопасности халифата Хаджи Бакр, его раздражало неприкрытое угодничество перед начальником.

Ему претило это. Когда в особняке садились есть, а трапезы всегда были общими, то перед Хаджи Бакром ставили самые лакомые и дорогие блюда. Никто не решался притронуться к ним, пока тот не насытится. Гюнтер, напротив, садился рядом и старательно налегал на еду. А еще постоянно жаловался ему на недо-

стойное обращение командиров с рядовыми боевиками и в принципе никому не позволял себе приказывать. Не нравилась Гюнтеру также слежка за всеми и доноительство.

Он единственный наслаждался полной свободой. Ему прощались даже некая наглость, потому что Хаджи Бакр обращался с ним как с сыном. Хаджи Бакр по-своему был просто без ума от Гюнтера. Распорядился, чтобы немца всячески обихаживали, и следил за тем, чтобы тот ни в чем не знал недостатка.

Хаджи Бакр держался за кулисами. За глаза его так и называли — Принц теней. Знавшие его описывали словно бы разных людей. Вернее, разные ипостаси одного и того же персонажа. Умеющий убеждать. Внимательный. Холодный. Замкнутый. Злой. Злобный. Непроницаемый. Непостижимый.

Но все соглашались: «Мы не в состоянии понять, что он за человек».

Гюнтеру он как-то с усмешкой сказал:

— Ты немец, знаешь, кто такой Карл Маркс, ты поймешь. Наши идеи не зря сравнивают с ранним коммунизмом. В чем наша сила? Халифат предлагает борьбу за будущее, за идеалы. Да, мы оседлали главную идею марксистов — социальное равенство. И это очень привлекательно для тех, кто плохо живет.

Мало кому было известно его настоящее имя — Самир Абд Мохаммад аль-Хилауи. Все пользовались военным псевдонимом — Хаджи Бакр. Но знали, что глава халифата Абу Бакр аль-Багдади — идеолог. А тактику и стратегию определяет Хаджи Бакр, бывший полковник разведки военно-воздушных сил Ирака. Он остался без работы, когда американцы свергли режим Саддама Хусейна. В американском фильтрационном

лагере Букка познакомился с аль-Багдади, приняв новую веру и разделив с тем полномочия.

Хаджи Бакр поехал в соседнюю Сирию прощупать почву и вернулся с планом, поначалу казавшимся фантастическим. Захватить как можно больше сирийской территории, создать там базу и затем уже повести войну за Ирак. И оказался прав. Руководители организации, построенной на религиозном фанатизме, холодно продумывали каждый свой шаг. Хаджи Бакр собственноручно нарисовал организационную структуру халифата — вплоть до каждой деревни, определив, кто кем будет управлять.

Все начиналось с открытия исламского центра. Из тех, кто приходит послушать лекции об исламе, выбирали одного-двух местных жителей, которым поручали шпионить за деревней и снабжать информацией обо всем, что там происходит. Хаджи Бакр требовал назвать влиятельные семейства, установить источники их доходов, выявить нарушения ими законов шариата, что может быть использовано в случае необходимости для шантажа.

Они не забывали ни о финансах, ни о школах, ни о транспорте. Но главная забота — построение аппарата тайной полиции.

Гюнтер понял, что ядро божественного государства — демоническая система, внушающая страх. Хаджи Бакр для каждой провинции подобрал эмира, отвечающего за безопасность. И еще назначил эмира присматривать за другими эмирами — если они плохо будут исполнять свои обязанности.

Большую часть времени сам Хаджи Бакр проводил в разъездах. Старался получить от жизни все удовольствия, которые можно купить за деньги. У него и у тех, кто его окружал, было то, чего начисто лишили рядовых бойцов, — наличность, кредитные карточки, драгоценности.

Скучающий Гюнтер облазил весь дом Хаджи Бакра. Нашел массу документов о его работе с агентурой — и ни одного экземпляра Корана.

В лагере боевой подготовки Гюнтер провел больше полугода с небольшими перерывами. Первый месяц — военная муштра вместе с другими новичками, скидки на его слабость никто не делал, хотя после ранения прошло всего полтора месяца.

Четырехнедельные курсы оказались тяжелыми. День начинался в пять часов утра с общей молитвы и получасовой пробежки. Затем час изучения норм ислама. Еще полтора часа постигали искусство ближнего боя — с оружием и без него. Перед обедом осваивали взрывное дело. Сами собирали бомбу с часовым механизмом. Учились бросать ручные гранаты и подкладывать мины. Тренировались до полного изнеможения. Многие получили легкие ранения во время занятий со взрывчатыми веществами.

Гюнтера сделали инструктором. Он обучал группу из семи новичков, прибывших из Европы, обращению со всеми видами оружия, имевшимися в наличии. Они намеревались сразу после завершения курса получить боевой приказ. Но Хаджи Бакр уехал. А без него никто не мог покинуть лагерь. Парни скисли, однако ничего поделать не могли. Застряли надолго. Через два с лишним месяца они стали устраивать колоссальные скандалы, чтобы их выпустили. Встревоженные боевики связались с Хаджи Бакром, и он велел перебросить всех в Ракку. Вместе с ними хотел уехать и Гюнтер. Но его не отпустили. И тогда с ним что-то произошло. Он заболел — душевным недугом.

Нет ничего позорного в депрессии. Это серьезная болезнь, а не помешательство, как многие полагают. Принять одно за другое — все равно что спутать сердечный приступ с болью в желудке. Пока не испытаешь де-

прессию, не поймешь, какие страдания она причиняет. Гюнтер быстро понял, что рассказывать о своих страданиях бесполезно: с таким же успехом можно рассказывать о зубной боли тому, кто никогда не сидел в кресле у дантиста.

У Гюнтера все началось с потери сна. Он попросил дать ему какие-нибудь таблетки. Молодой веселый парень, выполнявший в лагере обязанности врача, притащил из города упаковку тазепама. Сильное средство помогло. Теперь он спал, но это был какой-то ненастоящий, странный сон. Гюнтер отказался участвовать в тренировках, тупо сидел на занятиях, утром не мог подняться. Его повезли в город. Врач-палестинец с золотыми зубами, учившийся в Москве, поставил диагноз: депрессия. Прописал антидепрессанты.

Депрессия не оставляет никакой надежды, а надежда необходима, чтобы вылечиться. Каждый день, глядя на листочек с назначениями врача, Гюнтер равнодушно пил таблетки. У него не осталось ни эмоций, ни чувств. Иногда он весь день проводил в постели. Постепенно убедил в себя в безнадежности своего положения и обижался, если кто-то с ним не соглашался.

В лагере все его сторонились. Только Петра Вагнер заботилась о нем, ведь это Гюнтер привел ее в подполье. Ради него Петра попробовала изменить свою жизнь.

Подчиненные Хаджи Бакра выделили им маленький домик. Петра перевезла туда Гюнтера, ездила в город за продуктами, готовила ему еду и каждый день упрямо ложилась с ним в постель. У них ничего не получалось. Петра и не рассчитывала получить удовольствие, но надеялась, что Гюнтеру эта терапия поможет.

Говорил он мало. Сидел рядом с ней и слушал ее рассказы. Иногда она заставляла Гюнтера на кухне. Он стоял, прижавшись лицом к запотевшему стеклу, и во что-то вглядывался. Бог знает, что он там видел.

Она каждый день меняла постельное белье, но не навидела мыть посуду. Он ни о чем не спрашивал — ничего не хотел знать.

Дитер Рольник разок приехал его навестить и решил, что Гюнтер с Петрой неплохо обосновались. В принципе это был хороший повод для того, чтобы выпить. Рольник раздобыл алкоголь, запрещенный в лагере. Он провез бутылку хорошей немецкой водки в чемоданчике из-под складного автомата. Но и пить Гюнтеру тоже не захотелось.

Он днями лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Не брился, не причесывался, мало ел и сильно ослабел.

Так продолжалось три месяца. Но однажды вечером Гюнтер вдруг поднялся, побрился, сменил рубашку и вышел на улицу. Место, где Петра всегда ставила машину, пустовало. Куда она могла деться? Иногда Петра поздно вечером уезжала в лагерь и возвращалась, когда он уже спал.

А не прокатиться ли и ему куда-нибудь? Эта мысль пришла к Гюнтеру вместе с ароматом кофе — он включил кофейник, вернувшись в дом. В первый момент он даже не мог вспомнить лицо Петры и понять, каким образом попал на эту кухню, оклеенную моющимися обоями в цветочек. Он подышал на оконное стекло и вывел на нем свои инициалы.

Кофе получился крепким и сладким. Гюнтер налил себе еще одну чашку и закурил. Первая после долгого перерыва турецкая сигарета показалась необыкновенно вкусной. Все удовольствия сразу. Гюнтер курил и смотрел в окно. Иногда бывают дни, когда словно ничего не происходит, раздраженно подумал он.

Тут раздался шум подъезжающего автомобиля. Петра вела машину медленно и осторожно. Гюнтер вышел на крыльцо с кофейной чашкой в руках и наблюдал за

тем, как она парковалась. Петра вылезла из машины, держа сумку в руках. Удивленно посмотрела на Гюнтера. Волосы у нее были растрепаны.

— Выключи фары, — спокойно сказал Гюнтер.

Она вернулась к машине, открыла дверцу и, встав коленями на сиденье, стала искать кнопку. На ней была короткая юбка, и он увидел ее ноги.

В сумке, которую она привезла, была еда.

— Я купила свежего мяса, лепешки и овощи, — перечислила она, — ты совсем отошал. Тебя надо хорошо кормить.

Ночью впервые за эти месяцы Гюнтер ощутил себя мужчиной. Он стащил с Петры ночную рубашку и с силой прижался к ней всем телом. Петра почувствовала прикосновение горячего зверя и обняла его. Он нежно целовал ее в шею и грудь, вдыхал запас ее волос. Она гладила его спину и безмолвно шептала:

— Мой! Ты мой, только мой! Я люблю тебя.

Он испытал забытое чувство полного счастья. И ей впервые в жизни было хорошо с мужчиной. Они стали как одно целое. Она принадлежала ему, а он — ей одной, только ей. После долгого воздержания у него все закончилось очень быстро, но для нее это не имело особого значения. Важнее было ощутить себя желанной.

Когда Гюнтер заснул, Петра тихонько целовала его. Ей пришла в голову простая мысль: если она все-таки способна быть счастливой с мужчиной, зачем ей вести такую глупую жизнь? Зачем ей этот лагерь, если они могут вернуться в Германию и начать все заново?

Утром она сказала:

— Тебе надо на мне жениться. Мы можем уехать и начать новую жизнь. — Против обыкновения, Петра мыла тарелки после завтрака и, не вытирая, ставила их на полку сушиться. — Я могу родить ребенка. Еще не поздно.

Она улыбнулась, словно сказала что-то смешное.

Гюнтер встал и прошел в комнату. Закрыв за собой дверь. Вытащил из-под кровати дорожную сумку. Петра стояла в дверях, наблюдая за тем, как он укладывает вещи.

— Я возвращаюсь в лагерь, — пояснил он.

Лицо ее выражало спокойствие, и Гюнтер решил, что прощание будет легким.

— Закрой за мной, я уйду.

На дно сумки он спрятал бутылку немецкой водки. И уже представил, как сделает два больших глотка, прежде чем заведет двигатель. В этот момент она присела рядом с ним. Петра вытащила из сумки все его пожитки. Ее руки тряслись.

— Сукин ты сын, — произнесла она. И методично вновь сложила в шкаф его куртку, свитер, рубашки и джинсы. — Тебе нужен сын. Но ты не можешь иметь сына. Что же ты тогда можешь?

Гюнтер посмотрел на нее. Петра была слишком некрасива и груба для него. Зачем ему лесбиянка, которая никогда не научится любить мужчину? Он повернулся и вышел. Взял ее машину и уехал.

Петра плакала навзрыд.

Кристи стала первой, кому она решила все это выложить. Ведь лучшая подруга в состоянии была ее понять. Депрессия у Гюнтера прошла, и он больше не нуждался в помощи Петры. Для нее это был удар. Попытка начать нормальную жизнь не удалась.

Кристи увезла Петру к себе в гостиницу. Однажды она поступила так из сострадания. Сейчас руководствовалась исключительно интересами дела. Одна из самых опасных в мире террористок готова была выплакаться ей в жилетку. Разве можно упустить такую возможность?

По дороге Кристи поведала Петре, что удачно устроилась на радио, занимается международной журналистикой, хорошо зарабатывает и очень довольна.

Когда они добрались до Бейрута, наступила ночь. Гостиничный бар, где можно было получить спиртное, закрылся. Кристи позвонила дежурному, и тот прислал официанта с бутылкой виски, льдом и содовой. Дамских напитков у запасливого дежурного не оказалось. В Бейруте по ночам женщины не требуют выпивки. Зато официант притащил большое блюдо с очищенными и нарезанными фруктами.

Голодная Кристи глотала ломтики яблок и груш. Груши были сочные, яблоки вялые. Петра есть не стала. Выглядела она ужасно. Кристи положила ей в стакан побольше кубиков льда, налила на два пальца виски и добавила содовой. Петра храбро сделала большой глоток и закашлялась. Вновь поднесла стакан к губам и выпила свою порцию. Потом опустила стакан и заплакала. Ее словно прорвало. Она рыдала. У нее случилась настоящая истерика. Петра кричала и бормотала нечто невнятное. Ее всю трясло.

Перед Кристи сидела не опасная террористка, а глубоко несчастная женщина, которая поняла, что она никому не нужна, что у нее нет и не будет семьи, что природа и судьба лишили ее обычного женского счастья.

Кристи вытрясла сумочку, чтобы найти успокоительные таблетки, но их не оказалось. Тогда она заставила Петру допить виски. Последние шесть месяцев та безвылазно провела в лагере, где царил сухой закон, и с непривычки мгновенно опьянела. Но Кристи налила ей еще одну порцию. Петра начала сползать со стула, и Кристи помогла ей добраться до кровати.

Все было как тогда, несколько лет назад, когда они ехали из тюрьмы. Да только Кристи теперь другая. Ей нужно было, чтобы Петра заговорила. Она легла рядом с ней, прижалась и стала гладить ее волосы, лицо, шею. Кристи нашептывала что-то приятное. Пьяненькая Пе-

тра обняла подругу. Она так нуждалась в сочувствии и утешении.

Кристи целовала Петру и расспрашивала — о жизни, друзьях, планах. Она понимала, на какие кнопки надо нажать, чтобы той стало хорошо. Работала с податливым телом Петры, как старательный музыкант с любимым инструментом. И Петра отозвалась. Ей стало жарко и сладко, она сбросила с себя одежду. Просила Кристи не останавливаться. Говорила о боевиках халифата. Ей хотелось поделиться. Раскрыть главную тайну:

— Салим и Рольник задумали новое дело, в котором примет участие и Гюнтер.

— Где?

— В Дамаске.

Когда Петра добралась до вершины, Кристи оставила ее в покое. Прикрыла одеялом, умылась и пошла в соседнюю комнату спать. Кристи осталась совершенно спокойной. Она просто работала.

Утром Петра, у которой раскалывалась голова, решительно ничего не могла вспомнить. Кристи, напротив, помнила все, что узнала от Петры Вагнер и что следовало незамедлительно сообщить Алексею.

МОСКВА. ЯСЕНЕВО

Заместитель начальника управления нелегальной разведки генерал Калганов был очень доволен последними шифrogramмами из Бейрута:

— Кристина дает хорошую информацию. Надо ее поблагодарить. Я разрешил Карманову командировку в Бейрут. Кристина пробудет на Ближнем Востоке долго. Пусть порадует девушку. Она заслужила.

— Я категорически против, — немедленно ответил полковник Федоровский.

Он непосредственно руководил работой Кристины фон Хассель. Он даже был с ней знаком и регулярно встречался с важным агентом. Правда, Кристина знала его как «Григория Константиновича». В реальности полковника звали Игорем Мокеевичем.

— Это почему же? — недовольно спросил Калганов.

— Очень опасно, — объяснил Федоровский. — Когда они встречаются в Австрии, шансы провала невелики. Но в Ливане все западные люди на виду. Совсем не надо им показываться вместе.

Калганов разозлился. Федоровский отвечал за безопасность агента. Пренебречь его мнением было невозможно. Но и отказываться от своих слов Калганов не любил. Когда в молодом возрасте получаешь генеральские погоны, то быстро привыкаешь к тому, что твои слова немедленно принимаются к исполнению, а не оспариваются подчиненными.

— Хорошо, — выдал из себя Калганов. — По вашему настоянию я отменяю распоряжение о командировке Карманова. Но вот что необходимо предпринять. В Сирии трудная оперативная обстановка. Теперь, когда мы имеем настораживающую информацию от Кристины, ее нужно умело реализовывать. Ради безопасности столь важного агента мы не можем ссылаться на ее данные в переписке с резидентурой в Дамаске. Следовательно, вам нужно самому отправиться в Дамаск. Вы один знаете, чего следует опасаться.

Когда капитану Карманову, который уже получил ливанскую визу, кадровик сообщил, что его командировка отменяется, он чуть не заплакал. Для него это был удар. Ежегодные загранкомандировки были главным удовольствием его жизни.

А полковник Федоровский, напротив, был счастлив. Генерал Калганов думал, что унижает Федоровского, отправляя его всего лишь заместителем резидента, хотя

полковник мог рассчитывать на самостоятельную должность. Но Федоровский рвался на оперативную работу. Он засиделся в центральном аппарате.

СИРИЯ. ДАМАСК. РЕЗИДЕНТУРА

Поздно вечером шифровальщик резидентуры политической разведки в Дамаске получил срочную телеграмму из Центра. Но расшифровывать не стал. На телеграмме была пометка — «только для резидента». Шифровальщик понял, что придется вызывать резидента в посольство, лишив его возможности приятно провести вечер. Советник посольства в Дамаске Олег Червонцев находился на приеме, устроенном в честь пятидесятилетия крупного банка.

В посольстве все решили, что история с захватом заложников на конференции нефтяных министров в соседнем Ливане закончилась для посла Вавилова относительно благополучно. Его выпустили с первой группой заложников, освобожденных террористами. В него не стреляли, его не били. Террористы даже не знали, что среди заложников оказался российский посол.

Но ужасный день, проведенный под дулами автоматов, сломал Михаила Петровича Вавилова. Страх, который он испытал, нельзя сравнить с обычным страхом, который время от времени познают люди.

В тот день посол не сомневался, что его убьют. И думал, как именно это произойдет. Отчетливо представлял свое тело в луже крови, когда полиция все-таки одолеет террористов.

Полковнику Козлову пришлось еще хуже. Ему, как и другим мужчинам, завязали глаза. Это только усилило чувство беспомощности. С завязанными глазами чувство беспомощности сильнее. Если они станут жало-

ваться, повязку затянут еще туже, или их еще и избьют. Они даже не знали, в какой момент или с какой стороны ждать новых мучений.

Каждый выстрел, крик, вопль, грохот — вообще любой шум усиливал их страх. Человек не способен все это спокойно выносить. Эмоциональная система дает сбой. Перегруженный коммутатор сгорает. И Вавилов, и Козлов вышли из этой истории больными людьми. После всего того, что с ними случилось, любое напоминание о произошедшем немедленно возвращало их в состояние животного страха, пережитого в Бейруте.

На пятый день после освобождения у Вавилова развился обширный инфаркт. Его вывезли в Москву и с почетом отправили на пенсию.

Виктор Козлов улетел на родину первым самолетом. И к работе не вернулся. Врачи из ведомственной поликлиники, осмотрев, рекомендовали госпитализацию. Через три месяца отпустили домой. Козлова пристроили в кабинет истории разведки. Для углубленных занятий далеким прошлым, рассудил начальник управления кадров, душевные переживания не помеха.

Олег Червонцев на приеме отвел в сторону владельца большого автомобильного магазина. Он предполагал, что в Москве уже подобрали ему замену, и вплотную занялся устройством хозяйственных дел. Присмотрел себе дорогой «мерседес» и обрабатывал владельца салона насчет скидки. В самый ответственный момент к Червонцеву подошел официант:

— Вас срочно просят подойти к телефону.

Чертыхнувшись, Червонцев последовал за ним. В буфетной взял трубку.

— Олег Виленович, звонят из министерства иностранных дел, хотят немедленно с вами связаться.

Червонцев узнал голос своего шифровальщика и понял, что сегодня договорить о «мерседесе» не удастся. Срочную шифровку из Москвы он обязан расшифровать сам и прочесть немедленно. Приехав на территорию посольства, Червонцев пошел не к себе в кабинет, а наверх, в помещение резидентуры. Это было несколько комнат без окон, звуконепроницаемых, оборудованных всеми системами защиты от подслушивания.

В телеграмме из Центра говорилось:

«В ближайшие дни следует ожидать попытки покушения на офицеров нашего советнического аппарата в сирийских войсках со стороны радикальных элементов исламистского движения. Примите меры к обеспечению их безопасности. Лично посетите министерство обороны Сирии и попросите обеспечить наших советников дополнительной охраной. Для усиления личного состава резидентуры вводится дополнительная должность заместителя резидента».

Червонцева заинтересовала вторая часть шифровки. Действительно, еще один зам приедет — ему в помощь? Вместо Козлова, которого готовили на эту должность и которому фатально не повезло? Или же Москва под благовидным предлогом присылает будущего сменщика? Освоиться, а заодно и за ним присмотреть?

ШВЕЙЦАРИЯ. ЖЕНЕВА

Дитеру Рольнику позвонили из Бейрута в тот день, когда он занимался подводным плаванием в Женевском озере.

Немецкая полиция и контрразведка были уверены, что Рольник, конечно же, давно покинул Европу. Интерпол искал его по всему миру, а он неплохо устроился

в Женеве. Правда, ему сделали в Аммане щадящую пластическую операцию. Снабдили новыми документами. Он чувствовал себя уверенно. Каждое утро плавал, потом возвращался домой завтракать. Рольник как раз вылез из воды и пошел за полотенцем, тут и раздался телефонный звонок.

— Дитер, это я, Салим, — услышал он, сняв трубку. Большого и не требовалось. Этот голос Рольнику был хорошо знаком. — Дитер, ты нам нужен. У нас возникли некоторые проблемы. Ты можешь быстро присоединиться к нам?

Обычный гонорар Рольника составлял триста тысяч долларов, не считая оплаты всех расходов. За эти деньги он соглашался, бросив любые, самые важные дела, немедленно прибыть в любую точку земного шара, дабы выслушать предложение. Эти деньги какая-нибудь частная компания переводила на его счет в банке, указывая, что речь идет об оплате услуг консультанта по размещению инвестиций в странах Магриба.

Салим принадлежал к числу старых соратников. Последний раз они виделись три месяца назад в Багдаде. Салим уточнил:

— Твой номер в Швейцарии не изменился?

— Нет.

— Я могу позвонить тебе туда?

— Да.

— Ты по-прежнему можешь быстро раздобыть все необходимое снаряжение?

— Конечно.

— И, надеюсь, сам приедешь?

— Разумеется.

Тут Рольник ухмыльнулся. Салим должен был знать, что немец действительно получал удовольствие, принимая участие в опасных операциях.

Дитер Рольник вовсе не был патологическим убийцей. Он был руководителем боевой группы и мог посылать на задание других. Но он хотел сохранить форму. Просто спорта было недостаточно. Ему нужно было тренировать свои мускулы и великолепную нервную систему.

Рольник наслаждался тем, как замечательно его организм справляется с самой сложной задачей. Высшее удовольствие он получал не от заработанных денег, а от безумного напряжения операций, в которые его вовлекали. Когда он возвращался домой с озера, то заметил, что ведет машину с большей скоростью, чем обычно. Он не волновался. Вообще никогда не волновался попусту. Просто его мозг и тело стали действовать быстрее в предвкушении тяжелой работы.

Через неделю, убедившись, что стандартные сто тысяч аванса поступили на его счет, он прилетел на Кипр. В аэропорту Ларнака, если он вез с собой очень много взрывчатки или оружия, Рольник обычно договаривался со своими людьми, чтобы те провели его через линию таможенного контроля.

На сей раз он не должен был ни о чем беспокоиться. Салим не попросил взять с собой снаряжение. Рольник прилетел с пустыми руками.

Возле остановки такси он увидел знакомое лицо — Салим. Высокий, совершенно не похожий на араба парень, с которым они познакомились три года назад в Европе. Салим обычно выдавал себя за испанца и путешествовал с хорошо изготовленным дипломатическим паспортом по всей Европе, хотя его искала немецкая полиция и по ее просьбе Интерпол.

Задание не понравилось Рольнику — перебраться в Сирию, проникнуть в штаб сирийских войск и похитить одного из российских офицеров.

В Сирию полковника Федоровского оформили за неделю. Труднее всего было уговорить посольство в Москве выдать ему визу быстрее установленного срока. Долго объясняли сирийцам, что российский торговый представитель должен немедленно вернуться в Москву, поэтому совершенно необходимо отправить в Дамаск замену, дабы не останавливались поставки всего необходимого Сирии.

Штат посольства был полностью укомплектован. Федоровскому подобрали единственную в тот момент вакантную должность прикрытия — заместитель торгового представителя. Ее обладателю полагался дипломатический паспорт, что имело определяющее значение для разведчика. Правда, возникла еще одна сложность — в принципе место замторгпреда обычно занимал сотрудник военной разведки.

Политическая разведка и военная давно поделили места в заграничном аппарате. Сотрудники внешней разведки обычно работали под посольской крышей, офицеры военной разведки — в аппарате военного атташе и в консульстве. Впрочем, это не было догмой. Иногда крыши делили и по-другому или менялись ими, что и произошло в данном случае.

Игорь Федоровский прилетел в Дамаск вечером. Просидел несколько часов в посольстве, знакомясь с коллегами. Поздно вечером его отвезли на выделенную ему квартиру. Машину ему сразу не подобрали, и Федоровский, выяснив в посольстве, кто обитает неподалеку, попросил ближайшего из соседей — корреспондента телеграфного информационного агентства Виктора Косенко — забрать его утром и отвезти на работу в посольский комплекс.

В условленное время Косенко позвонил в дверь торгпредовской квартиры. Раньше весь подъезд занимали российские граждане, но после сокращений заграничного аппарата за ними остались только две квартиры. Косенко нажал на кнопку звонка несколько раз. Федоровский не открывал. В квартире было тихо.

«Спит после вчерашнего или, наоборот, встал рано и пешком пошел?» — недоумевал Косенко. У него была куча своих дел, и он нетерпеливо стукнул кулаком по двери, которая со скрипом распахнулась.

Незапертая дверь? На наших это было не похоже. Косенко не без колебаний переступил порог и тут же отпрянул назад.

Через полчаса взбудораженный корреспондент был в посольстве. Молодой дежурный, скучавший за столиком с телефонами, обрадовался ему:

— Какие новости из Москвы, Витек?

Косенко, обычно старавшийся ладить с посольскими, не подхватил шутиwego тона.

— Червонцев на месте?

Дежурный, демонстрируя легкую обиду, снял трубку внутреннего телефона, набрал номер советника по политическим вопросам.

— Не отвечает.

— Где он? У посла?

— Посол уехал к себе в резиденцию, — дежурный помялся. — Скорее всего, Червонцев поднялся на четвертый этаж... Жди, пока спустится.

— Звони туда, — потребовал Косенко. — У меня неотложное дело.

— Ты что? — засмеялся дежурный. — Не имею права.

— Тогда я сам поднимусь. — Косенко ринулся вверх по лестнице.

— С ума сошел? — Дежурный поднялся со стула, чтобы остановить Косенко, потом решил, что, если корреспонденту нужны неприятности, пусть лезет на рожон.

Четвертый этаж обширного посольского здания не был похож на три остальных. Во-первых, на четвертый этаж не поднимался лифт. Во-вторых, в длинный коридор на этаже выходили только две двери. На одной висела табличка с надписью «Архив», но никто из посольских за справками туда не обращался. На второй, дальней, металлической двери надписи и вовсе не было. Отсутствовала и ручка. Только глазок и отечественный звонок с облупившейся краской.

Косенко оказался здесь в первый раз. Он проскочил мимо «Архива» и, задыхаясь, помчался к угловой двери. Вздурораженный, не заметил звонка и, толкнув дверь, влетел в большую комнату без окон.

За столом под люстрой (окна были наглухо закрыты металлическими ставнями) сидели советник посольства Червонцев, первый секретарь Вострухин, пресс-атташе Кузьмищев и шифровальщик Барабанов. Это был костяк резидентуры внешней разведки, работавшей под посольской крышей.

Российской колонией правили двое — посол и резидент. Олег Червонцев, в очках, с квадратным мощным лицом, исполнял обязанности резидента. Советник-посланник, второй по рангу в дипломатической иерархии, был человек образованный, опытный, знаток арабского языка — начинал переводчиком, — но безвластный и трусоватый.

На столе стояли две бутылки армянского коньяка (одна почти пустая) и обязательный на посольских застольях «Гуляй, Вася» — то есть виски «Джонни Уокер». Из закуски родная неразделанная селедка, полбуханки черного, надорванный пакет с подсолненным печеньем и банка аккуратненьких маринованных огурчиков, купленная в лавке напротив посольства.

Коньяк, черный хлеб и селедку, понял Косенко, привез из Москвы Федоровский. Накануне, отмечая его

приезд, разведчики гуляли весь вечер, а с утра, видимо, решили поправиться, хотя тощий Вострухин, известный пристрастием к горячительным напиткам, при каждой выпивке поучал молодых коллег:

— Проснулся утром — сразу не похмеляйся, а то не остановишься и запьешь. Продержись до десяти и только тогда позволь себе пивка.

Заветы Вострухина были забыты. Это Косенко понял по шифровальщику Коле Барабанову, живой иллюстрации выражения «залил глаза». За три года командировки секретный человек Коля, редко выпускаемый за полевую ограду, наел брюшко и пристрастился к виски «Гуляй, Вася». После первой же рюмки глаза у него исчезали за нависающими мешками.

Увидев Косенко, Олег Червонцев метнул злобный взгляд на Колю Барабанова, которому полагалось следить за тем, чтобы дверь в помещение резидентуры была закрыта, но сдержал себя.

— Заходи, Сережа. Что-нибудь срочное?

— Федоровский... Игорь Мокеевич. — Косенко никак не мог отдышаться. — Дверь открыта... Я вошел, как договорились, а он лежит в прихожей. Уже холодный...

Вострухин и Кузьмищев остолбенело уставились на корреспондента. Коля Барабанов выронил вилку с подцепленным огурцом.

— Убили...

Первым пришел в себя Червонцев. Он надел очки и слегка охрипшим голосом спросил:

— Полиция уже там?

Косенко качнул головой.

— Едем на квартиру, — приказал Червонцев. — Кузьмищев, бери Сережу, врача, спускайтесь и ждите нас.

Лысоватый Вострухин стал надевать пиджак, с трудом попадая в рукава.

— Алексей, — обратился к нему Червонцев, — диктуй Коле шифровку в Центр. Потом садитесь за аппаратуру, фиксируйте активность полиции и спецслужб.

Помещение резидентуры было оборудовано разнообразной аппаратурой, в том числе радиостанциями, настроенными на волну полиции.

— Может, оружие возьмете? — предложил обалдевший Барабанов.

— Одурел совсем? — заорал Червонцев. — Ты дверь-то как мог оставить открытой? На родину раньше времени захотел?

Внизу дежурный вскочил и, увидев Червонцева, от-
рапортовал:

— Я приказал вашу машину выкатить.

— Лопух! — гаркнул Червонцев. — Давай машину торгпреда!

За руль сел Кузьмищев, рядом с ним Косенко. На заднем сиденье разместились Червонцев и посольский врач, небритый, расхристанный, в джинсах. Кузьмищев успел вызвать его из дома и потребовал, чтобы тот захватил чемоданчик. Про внешний вид ничего не сказал. Не тот случай.

Червонцев на врача даже не посмотрел. Сидел прямо, будто аршин проглотил, о своем думал. Неужели Игоря Федоровского и в самом деле убили? Значит, предупреждение центра было точным.

На памяти Олега Червонцева заместителей резидента не убивали. Разведчики вообще не нападают друг на друга. Это глупо и себе дороже. Федоровского убили террористы? Или тривиальная уголовщина?

Червонцев с тоской представил себе, сколько неприятностей его ждет. Сегодня он весь день проведет у шифровального аппарата, отвечая на запросы Центра и объясняя, почему игнорировали предупреждение о возможности террористических актов.

Москва пришлет людей, чтобы провести расследование. Заодно они захотят проверить, как работает резидентура по всем направлениям. В любом случае с него взыщут за неспособность обеспечить безопасность личного состава. Исполняющий обязанности резидента — полный хозяин у себя в резидентуре, но он и отвечает за все. Если проверяющие найдут еще какие-то недостатки, то его, вполне возможно, раньше времени отзовут в Москву.

Черт бы подрал этого Федоровского, подумал Червонцев, и дня не проработал, а столько проблем устроил.

Встречать вчера Игоря Мокеевича Федоровского послали Вострухина. Федоровский прилетел без жены, объяснил, что она присоединится к нему попозже, когда завершит дачный сезон и сдаст внуков молодежи.

Отдыхать после дороги крепкий, подвижный Федоровский не захотел, оставил вещи в квартире и двинул сразу в посольство. Федоровский был назначен заместителем резидента, и часок они с Червонцевым поговорили наедине, посмотрели друг на друга и пришли к выводу, что сработаются. Звание у них было одинаковое — оба полковники. Легкий на подъем и веселый Федоровский понравился Червонцеву.

Как ни странно, раньше они не встречались, хотя работали по соседству: Федоровский всю жизнь — на немецком направлении, Червонцев — на испанском.

Когда остались одни, Федоровский откровенно сказал:

— Ты на меня можешь положиться, не отдыхать приехал. Столько лет в Центре штаны просиживал, соскучился по оперативной работе. Все, что хочу, это повкалывать напоследок влать. Последняя командировка, надо выложиться, потом будет что вспомнить.

О том, что ему ко всему прочему предстоит самому напрямую работать с немкой Кристиной фон Хассель, Федоровский Червонцеву не сказал. Чем меньше людей знает о ценнейшем агенте, тем лучше. И разговор о ее информации относительно возможного громкого теракта в Дамаске он оставил на следующий день.

Червонцев вызвал всех сотрудников резидентуры, представил их Федоровскому. Часов в семь Игорь Мокеевич по традиции спросил:

— Может, посидим, отметим?

Червонцев разрешающе кивнул. Федоровский распаковал сумку, выставил подарки с родины — коньяк, жестяную банку с селедкой, похожую на противотанковую мину, две буханки черного — еще мягкие, грибки домашнего засола. Коля Барабанов развернул скатерку, притащил рюмки, тарелки, это хозяйство за ним было. Кузьмищева, как самого молодого, сгоняли в лавку.

Пили умеренно, приглядывались к новому начальнику. Федоровский легко опрокинул три стопки и не опьянел, а как-то воодушевился:

— Эх, ребята, вам не понять, как я этого дня ждал.

Коля Барабанов, привыкший угождать начальству, раскладывал всем грибки и огурчики. Вострухин, разливая, согласился с Федоровским:

— Страна хорошая, богатая.

Кузьмищев и Барабанов заржали. Жена Вострухина, которая в Москве работала билетером в кинотеатре, ежедневно прочесывала универмаги и в преддверии скорого возвращения на родину совершала оптовые закупки.

— Все, — говорила она, втискиваясь после обеденного перерыва с тяжелой сумкой в консульство, где работали посольские жены. — Вопрос по пуловерам закрыла. Дешевые взяла, но с дорогой серии. Завтра постельным бельем займусь.

— Акимовна, как же ты с продавщицами-то объясняешься? — спрашивали ее более молодые жены, которые старались выучить хотя бы несколько фраз на арабском языке.

Вострухина делилась:

— Улыбаешься, на свою грудь показываешь. Она видит, что большая, и несет нужный размер. Главное — улыбайся. Нация лживая, ласку любит.

Прикончили вторую бутылку, запели. Репертуар обычный — «Каховка», «Дорогая моя столица», «Артиллеристы, Сталин дал приказ». У Вострухина был высокий тенор, Коля Барабанов подтягивал. Федоровский, лысоватый блондин, в костюме-тройке, вдохновенно подпевал, хотя слух у него отсутствовал.

Кузьмищев вышел в коридорчик покурить. В посольстве он занимался культурой и наукой. В резидентуре — внешней контрразведкой, отвечал, стало быть, за противодействие вражеской агентуре. Благодушный Федоровский, напевая под нос, последовал за ним. Светловолосый, с пшеничными усами Кузьмищев нравился стареющим женщинам и немолодым начальникам.

— Не курите, Игорь Мокеевич? — протянул пачку Кузьмищев.

— Да мне сейчас ни водка, ни сигареты не нужны. Я и так доволен. Вернулся на оперативную работу! А уж думал, и не дождусь. Столько лет сиднем сидел. Другие вербовали, а я шифровки читал, с утра до вечера бумаги носом рыл.

Федоровский заговорил о наболевшем:

— Я убил бы его собственными руками, если бы он мне попался. Я бы убивал его медленно, чтобы он понял, что он с нами сделал.

Несколько лет назад, когда подполковник Игорь Федоровский, быстро делавший карьеру, уже исполнял обязанности заместителя резидента в Швейцарии, сбе-

жал к американцам подчиненный ему майор Василий Шпагин. Москве пришлось отозвать практически весь состав резидентуры и послать туда молодежь из числа тех, кого Шпагин не знал. Федоровский надолго стал невыездным.

— Да не я один, а весь мой отдел. Какие ребята без дела остались! Кто лучше всех знал язык? Мои ребята. Кто лучше всех вербовал? Мои ребята. Всем Шпагин жизнь поломал. — Федоровский вздохнул. — Я же был лучшим вербовщиком в резидентуре. Когда он убежал, мне было тридцать четыре. Я возглавлял группу. Я был уверен в себе. С резидентом, послом, в Центре с кем угодно мог говорить на равных, и они признавали за мной это право. Пока он не ушел. И нас всех вывели из дела. Мои лучшие годы из-за него пропали.

Кузьмищев вежливо курил, левой рукой отгоняя дым в сторону. На лице у него было написано восхищение Федоровским.

— Еще поработаете, Игорь Мокеевич, развернетесь.

Это было накануне вечером, а сейчас Кузьмищев дважды объехал вокруг дома, где поселили Федоровского. Полиции не было видно. Червонцев, врач и Косенко вышли у подъезда. Кузьмищев покатыл машину на стоянку.

Поднялись на лифте. Червонцев тщательно осмотрел коврик перед дверью, замок — никаких следов взлома. Полковник Федоровский лежал в прихожей лицом вниз, неловко подложив под себя правую руку. Он был полностью одет, только пиджак валялся на полу рядом с двумя старыми чемоданами.

Червонцев и Кузьмищев оценили взглядом квартиру, в которой накануне поселился Федоровский. Постель не расстелена. Кузьмищев распахнул дверки платяного шкафа: пусто. От сотрясения закачались тонкие

металлические вешалки. В двух других комнатах мебели почти не было.

— Все как вчера, — сказал Кузьмищев, который ночью, после пьянки, отвозил Федоровского домой.

— Распаковаться не успел, — заметил Червонцев.

Посольский врач, присев на корточки, склонился над телом.

— Помогите его перевернуть, — попросил он.

Увидев искаженное лицо покойника, Косенко отвернулся. В прихожей пахло рвотой и алкоголем. Вслед за Червонцевым и Кузьмищевым корреспондент прошел на кухню. Кузьмищев закурил, и сигаретный дым перебил все запахи. Червонцев распахнул холодильник — не включен. Чайник, оставшийся от предыдущего хозяина, покрыт слоем пыли.

— И чаю не успел попить, — пробормотал Кузьмищев.

Они услышали звук льющейся воды. Из ванной вышел врач, вытирая руки носовым платком.

Червонцев повернул к нему свое квадратное лицо, кивнул в сторону выхода: поговорим за дверью, здесь могут быть подслушивающие устройства. Мы с сирийцами — друзья, но работа есть работа.

Вышли на лестничную площадку. Кузьмищев вызвал лифт, который с грохотом пополз на шестой этаж старого многоквартирного дома.

— Умер ночью. Диагноз у меня сомнений не вызывает, — доложил врач. — Острая сердечная недостаточность плюс алкогольная интоксикация. Такое случается. Одновременно и сердце схватило, и стошнило. Непосредственная причина смерти — задохнулся рвотной массой.

Впечатлительному Косенко стало дурно. Кузьмищев пыхнул сигаретой и переспросил:

— Ты на сто процентов уверен?

— На сто двадцать, — подтвердил врач.

Червонцев спокойным голосом приказал Кузьмищеву:

— Вызывайте полицию, оформляйте, как положено.

Забыв о лифте, Червонцев устремился вниз по лестнице. Утренний кошмар кончился. Игорь Мокеевич Федоровский умер от счастья. Сердце не выдержало. Слишком долго ждал, когда ему вновь разрешат вербовать.

Итак, никаких убийств, никаких чрезвычайных происшествий, никаких проблем. Кроме отправки трупа на родину. Шифровка с предупреждением о возможном теракте отошла на задний план. Червонцев сел в торгпредовскую машину и вернулся в посольство.

ДАМАСК. ГОСТИНИЦА. НОМЕР ПРОФЕССОРА ЧСМАНОВА

Сон был чудесный. Он давно таких не видел.

На его кровати лежала голая женщина. Ее руки и ноги была связаны, во рту кляп. Она совершенно беспомощна и смотрит на него с ужасом. Он улыбается и обещает, что ей будет хорошо. Гладит и целует ее грудь. Теперь целует ее живот и опускается еще ниже. Он чувствует, как ее тело откликается на его ласки. Он медленно целует каждый сантиметр ее тела. В отличие от других мужчин он никуда не торопится. Разве кто-нибудь из них был так внимателен и нежен с ней?

Он — настоящий любовник. Знает, как доставить женщине удовольствие. И оргазма они достигают одновременно.

После этого он берет в руки хлыст. Ее глаза испуганно расширяются. Она еще не понимает, что он может доставить ей только удовольствие. И он вынужден ей это объяснить. Разговаривает с ней мягко и неторопливо, хотя его самого сжигает страсть.

— Ты же любишь секс. Ты любишь секс больше всего на свете. Ведь я прав? Ну, признайся, — говорит он. — Ты боишься себе самой в этом признаться. Я помогу тебе.

И он наносит первый удар. Свист хлыста успокаивает его.

Садистские фантазии — отголоски детской борьбы за расположение матери, это то, что недоступно женщинам, это страдания младенческого ума, оказавшегося во взрослом теле. Разве его вина, что женщина не в состоянии понять, в чем состоит радость жизни? Все, что нужно садисту, это услышать от женщины вожаемое: да! Он возбуждается сам. И в эту минуту пробуждается...

Олег Червонцев проснулся весь мокрый от пота. Это был всего лишь сон. Сердце у него отчаянно колотилось. Во рту пересохло. Он сбросил с себя тяжелое одеяло. Присел на кровати. Рядом валялась пустая бутылка. Он услышал, что звонит телефон.

В субботу утром в Дамаск прилетел профессор Усманов. Он сразу позвонил Олегу Виленовичу Червонцеву. В Москве полковник Червонцев часто обращался за помощью к Усманову. Случаются медицинские проблемы, с которыми не ко всякому врачу обратишься.

Лысый и толстый Усманов обзавелся большой клиентурой, в первую очередь благодаря готовности помочь в самой щекотливой ситуации и привычке помалкивать. Даже самым близким людям он не рассказывал о бедах и несчастьях своих пациентов, среди которых были весьма высокопоставленные люди.

— Профессор, дружище, страшно рад тебя слышать! — пророкотал в трубку довольный Червонцев. — Ты надолго?

— Нет, я на конференцию по военной медицине. Помогаем сирийским коллегам. Правда, отпустили всего на пару дней. Я могу тебя увидеть?

— Конечно.

— Как ты? Есть проблемы? Как себя чувствуешь? — поинтересовался профессор.

— Это не телефонный разговор.

— Хорошо, хорошо, — согласился Усманов. — Приезжай ко мне в отель. Жду тебя вечером, поужинаем. Есть хорошие бутылки, какие ты любишь.

Червонцев отпустил водителя возле гостиницы и сказал, что позвонит в гараж, когда понадобится машина.

Профессор был на полголовы ниже полковника и вдвое толще. Он скинул пиджак и остался в жилете. Широким жестом указал на накрытый стол:

— Садись, поужинаем. А то я час хожу мимо стола, измучился.

Профессор ел с аппетитом и рассказывал новости. Он словно не замечал мрачного настроения Червонцева, хмуро смотревшего в тарелку. Полковник предпочитал неразбавленный бурбон со льдом. Усманов знал, что Олегу надо дать время расслабиться, размякнуть. Это произошло после четвертой порции бурбона.

Червонцев расстался с пиджаком и галстуком. В компании старого друга он чувствовал себя спокойно и надежно. Усманов выключил верхний свет и зажег свечи. У него всегда был запас кубинских сигар лучших сортов. Насытившись, профессор закурил сигару и мечтательно наблюдал за колечками дыма в дрожащем пламени свечи.

— Что мне делать? — вдруг спросил Червонцев.

— Ты болен, Олег? — забеспокоился Усманов.

— Я здоров, — нетерпеливо отмахнулся Червонцев. — У меня серьезные неприятности. У большого начальства вырос на меня зуб, а своему непосредственному руководителю я никогда не нравился. Только ждут повода, чтобы избавиться от меня.

Червонцев наливался бурбоном, словно это была минеральная вода. Но почему-то не пьянел. Усманов отвинтил пробку второй бутылки и заодно наполнил тарелку Червонцева.

— Может быть, ты преувеличиваешь? У нас у всех бывают неприятности. На то и начальство, чтобы портить настроение.

— Ты-то что в этом понимаешь? — пробормотал Червонцев. — Ты сам себе начальник. Что хочешь, то и делаешь. А я чувствую, как они на меня давят, сволочи, хотят, чтобы я ушел. Кто-то зарится на мое кресло.

Профессор Усманов внимательно разглядывал своего друга. Олег всегда был склонен к пессимизму. У него случались невротические реакции. Он легко впадал в тоску. Усманов всегда принимал во внимание особенности психической конституции своего друга, но считал, что Червонцев давно научился держать себя в руках. И Червонцев всегда знал, откуда дуют ветры. Все-таки он служил в серьезной организации.

— А чего они на тебя взъелись?

— Я для них чужой, — немедленно ответил Червонцев. — У нас служба делится на кланы. Они мирились с моим существованием, пока наш клан имел влияние. А теперь наших почти никого не осталось. Кто-то ушел, кто-то на пенсии. — Лицо Червонцева было мрачное, почти черное. — Они почувствовали себя увереннее и хотят посадить на мое место своего человека, удобного, послушного, своего.

Червонцев тоже раскурил сигару.

— Может быть, тебе уйти самому? — предположил Усманов. — Черт с ними со всеми!

— А что я буду делать? — мрачно сказал Червонцев.

— Займешься бизнесом, с твоими-то связями, — посоветовал Усманов. — Зарабатывать будешь значительно лучше.

Червонцев, сосредоточенно пыхтевший сигарой, покачал головой.

— Это занятие не по мне. — Он вдруг разозлился, залпом допил стакан. — И вообще я не намерен облегчать им жизнь. Я буду сражаться до конца! Они еще пожалуют, что связались со мной.

Профессор Усманов стоял на своем.

— Мне все равно кажется, что незачем тебе тратить силы на борьбу с ними. Лучше заранее поищи запасной аэродром и уходи сам. Сейчас тебе везде будут рады. Увольняйся, найдем тебе место в хорошем месте. — Вкусная еда неизменно приводила Усманова в благодушное состояние. — Попробуй десерт и пошли их всех к черту.

Но Олегу Червонцеву выпитое только прибавило упямства. Он и слушать не хотел старого друга.

— Нет и еще раз нет, и перестань спорить. Все. Больше об этом говорить не будем.

Несколько минут они молчали. Олег Червонцев посмотрел на часы.

— Вообще-то мне пора ехать, — сказал он. — Я вызову машину.

Усманов доедал торт.

— Приезжай завтра с утра. Позавтракаем, еще поговорим.

Червонцев похлопал его по плечу.

— Хороший ты парень. Таких друзей, как ты, у меня уже не осталось.

Усманов, проводив его, меланхолично посмотрел на стол с остатками ужина, подумал, не съесть ли еще кусок шоколадного торта, но сумел остановить себя. Он, конечно, съел меньше, чем хотелось бы, хотя явно больше, чем следовало при его избыточном весе. Пошел в ванную комнату умыться на сон грядущий, почистил зубы, однако раздеваться не стал. Ждал телефонного звонка, читал газеты, пил минеральную воду. Ему позвонили

ровно в два часа ночи. Он снял трубку и, не дослушав, сразу же ее повесил.

Через три минуты Усманов вышел на улицу. На перекрестке его ждала машина с двумя пассажирами. Номера были заляпаны грязью. Один из пассажиров предусмотрительно распахнул дверцу. Профессор сел в машину, но они никуда не поехали. Разговор продолжался полчаса. После этого Усманов быстрым шагом отправился в гостиницу. Сон как рукой сняло. Он долго лежал и заснул, когда уже рассвело.

Олег Червонцев, выспавшийся как следует, приехал к завтраку. Усманов уже заказал еду в номер. Червонцев выпил три чашки черного, без сахара кофе и безостановочно курил.

— Дать тебе таблетку? — предложил Усманов, сочувственно глядя на Червонцева. — Похмелье — болезнь серьезная.

Червонцев отказался. Он сидел в пиджаке без галстука, с расстегнутым воротом рубашки. Сразу после завтрака собирался уехать. Но Усманов предложил ему не торопиться:

— Побудь у меня, отдохни. Здесь к тебе никто не станет приставать с разными глупостями.

Червонцев вяло согласился. Он с полчаса посидел с газетой в руках, потом прилег на диван и заснул. Профессор тоже подремал. К обеду оба приободрились. Новая бутылка бурбона появилась на столе, и Червонцев ожил. После третьей порции профессор объявил, что намерен серьезно поговорить со старым другом.

— Послушай, Олег, я всю ночь думал над твоим рассказом. И очень переживаю, что ты оказался в такой ситуации. В общем, ты прав. Они не дадут тебе спокойно жить и работать. Надо что-то делать. — Усманов произнес все это без обычной улыбочки. Он смотрел Олегу Червонцеву прямо в глаза. — Я скажу тебе сейчас одну

важную вещь. Только не спеши с ответом, не торопись говорить «нет».

Полковник с некоторым удивлением взглянул на своего старого приятеля и приготовился слушать.

— Олег, ты никогда не думал о том, что есть место, где тебе всегда были бы рады?

— Ты имеешь в виду хороший публичный дом?

Усманов сделал вид, что не обратил внимания на шутку.

— Олег, ты не считаешь, что тебе следует поговорить с людьми, представляющими здесь оппозицию?

Червонцев резким движением руки отодвинул от себя чашку. Кофе выплеснулся, и большое коричневое пятно расплзлось по белой скатерти. Усманов страдальчески косил глаза. Червонцев выскочил из-за стола.

— Ты с ума сошел! Что ты несешь? Я для этих людей враг номер один. И они мои враги. Я же и занимаюсь тем, что помогаю власти их уничтожить. О чем мне с ними говорить: упростите мою жизнь, перестаньте засылать своих людей?

— Олег, я ничего не понимаю в твоих делах, — прервал его профессор. — Но ты подумай о другом. Если ты сумеешь чего-то добиться в контактах с оппозицией, твое положение на службе только укрепитя. Личный успех тебе сейчас не повредит.

— Ты несешь чепуху, — остановил его Червонцев. — Я больше ничего не хочу об этом слышать.

— Ну, смотри, Олег, — Усманов сбавил тон. — Я всего лишь врач.

Профессор знал, что Червонцев упрям и давить на него бессмысленно, поэтому доктор не без удовольствия вернулся к тортю. Это было достойным вознаграждением за все волнения и переживания.

Олег Червонцев щедро плеснул себе бурбона. Он пил третий день подряд, и ему хватило сравнительно неболь-

шой дозы, чтобы войти в привычное состояние легкости и полной свободы. Со стаканом в руках он несколько раз прошелся по комнате. Рассеянно посмотрел в окно. Подсел к Усманову.

— А ты кого-то знаешь?

— Конечно, — ответил профессор, — я знаю двух или трех видных человек. Они врачи и священнослужители. Очень набожные, серьезные и авторитетные люди. Я в отличие от тебя политикой не занимаюсь. Но очевидно, что нынешний режим долго не продержится. Все равно вам придется устанавливать с ними отношения. Разумнее это сделать заранее.

Олег Червонцев опять погрузился в свои мысли.

— Может, ты и прав, — рассеянно сказал он. — Во всяком случае, терять мне нечего.

— Олег, — осторожно заметил профессор, — если бы тебе была нужна медицинская помощь, я бы все сделал сам. Но твой недуг медицина не лечит.

— И ты мог бы устроить встречу? — нерешительно спросил Червонцев.

— Нет ничего проще, — облегченно вздохнул Усманов. — Они могут приехать сюда, или я тебя к ним отвезу.

ДАМАСК. КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА

Усманов доставил его к какому-то многоэтажному дому.

— Здесь живет мой хороший знакомый, — пояснил он. — Мы познакомились в Саудовской Аравии на конгрессе.

На старом скрипучем лифте поднялись на шестой этаж. Дверь открылась мгновенно, едва Усманов нажал кнопку звонка. Их встречал симпатичный седовласый

человек в светлом костюме. Он широко улыбнулся и пригласил жестом пройти.

— Дорогой профессор, страшно рад вас видеть! — сказал хозяин квартиры. — Заходите.

Усманов представил Олега Червонцева:

— Это мой старый друг.

Червонцев был одарен столь же широкой улыбкой.

— Меня зовут Абд аль-Хаким, — представился седовласый.

Мог бы этого и не делать. Они были знакомы. Подполковник Абд аль-Хаким служил в сирийской разведке. Хорошо говорил по-русски.

Встреча с ним произвела на Червонцева гнетущее впечатление. Если уж офицеры разведки переходят на сторону оппозиции, значит, решение правильное. В Москве оценят, если он первым установит рабочие контакты с будущими хозяевами страны.

Квартира с высокими потолками показалась Червонцеву старомодной и необжитой.

— Прощу к столу, — пригласил Абд аль-Хаким, — у наших русских друзей мы научились тому, что все разговоры надо вести за едой и хорошей выпивкой.

В большой комнате, уставленной антикварной мебелью, Червонцев увидел умело накрытый гигантский круглый стол. Чревоугодник Усманов радостно потер руки. Такие деликатесы даже он не мог себе позволить. Червонцев обратил внимание на батарею бутылок. Там был его любимый бурбон, но некоторые этикетки он видел впервые. Абд аль-Хаким выбрал украшенную медалями бутылку.

— Это французский коньяк двадцатилетней выдержки. Крайне советую попробовать.

Он широким жестом разлил коньяк по рюмкам.

Коньяк Червонцеву понравился, он охотно позволил вторично наполнить свою рюмку. Абд аль-Хаким

проявил себя очаровательным собеседником. Он умело рассказывал безумно смешные истории. При этом бдительно следил за тем, чтобы тарелки гостей не пустовали.

Профессор Усманов охотно ел. Время от времени незаметно поглядывал на часы, пока вдруг не вскочил с места.

— Друзья, простите меня, но я должен вас ненадолго покинуть, — сказал он.

— Куда ты? — удивленно спросил Олег Червонцев. — А как же я?

— Не беспокойся, я вернусь за тобой, — обещал Усманов, надевая пиджак. — Мне нужно уехать примерно на час. Потом я доставлю тебя назад.

Усманов вышел из квартиры, но никуда не уехал. На лестничной площадке его ожидали два человека, которых он давно знал.

— Ну как? — спросили они.

Усманов пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю. Он уже сильно пьян. Смотрите, чтобы не перебрал, а то просто отключится.

Усманова провели в соседнюю квартиру, где ему предстояло ждать, пока не завершится разговор с Олегом Червонцевым. Эта было совершенно пустое, почти без мебели помещение. Усманова усадили в дряхлое кресло и включили телевизор. Доктор с сожалением подумал об оставленном в соседней квартире столе и уткнулся в экран.

А исполнявший обязанности резидента внешней разведки чувствовал себя как дома, и причиной тому был не только коньяк и бурбон. Давно уже Олег Червонцев не слышал столько комплиментов в свой адрес.

Когда Усманов ушел, к Абд аль-Хакиму присоединился высокопоставленный сотрудник разведотдела

главного управления безопасности Ахмед Шараф, который тоже оказался замечательным собеседником. И он свободно говорил по-русски.

Коллеги, оказывается, были прекрасно осведомлены о Червонцеве. Высоко ценили его способности. Посмеивались над далеким московским начальством, которому Червонцев вынужден подчиняться.

— Вам бы и быть начальником разведки, Олег, с вашим-то опытом, — заметил Ахмед Шараф.

— Я готов работать у такого директора, — немедленно отреагировал Абд аль-Хаким, который пил с Червонцевым наравне.

— Хорошая мысль, — согласился Червонцев.

Приятно, черт побери, быть среди людей, которые способны оценить тебя по достоинству.

— Политики приходят и уходят, — продолжал Абд аль-Хаким. — Не это главное. Главное — это то, что мы, русские и сирийцы, были и остаемся друзьями и союзниками. И должны неустанно размышлять над тем, как сохранить наши отношения.

Олег Червонцев научился произносить тосты на арабском и с обоими офицерами по очереди выпил за дружбу. Две последние порции, пожалуй, оказались лишними, хотя ни сам Червонцев, ни его гостеприимные хозяева сразу этого не поняли.

— Так что, Олег, вы готовы нам помочь в борьбе за подлинно народную Сирию? — громко спросил Ахмед Шараф.

— Конечно, — подтвердил Червонцев, чья рука никак не могла подцепить ломтик лимона. Эти замечательные люди ему так понравились, что он был готов на все. — Да я вообще лучше у вас останусь, — заплетающимся языком предложил Червонцев. — Не хочу возвращаться к своим идиотам. Они мне надоели.

Хозяева переглянулись.

— Выпьем за нашего русского друга, — провозгласил Абд аль-Хаким.

Это была последняя рюмка, которую в тот вечер осушил Червонцев. Он настолько опьянел, что перестал что-либо воспринимать.

— Перестарались, — горестно констатировал Ахмед Шараф, когда убедился, что Червонцев уже ничего не понимает.

Глаза у него закрылись. Он бы сполз со стула, если бы его не поддержали.

— А говорили, что он способен выпить значительно больше, — удивился Шараф.

— Выпил бы, если бы ему ничего не подмешали в питье, — напомнил Абд аль-Хаким. Надевая пиджак, спросил: — Что будем делать?

Теперь Абд аль-Хаким не производил впечатление человека, который выпил больше положенного.

— Доложим руководству, — пробормотал Ахмед Шараф. — Для того начальство и существует, чтобы решать.

Абд аль-Хаким чуть заметно пожал плечами и пошел умыться. Свою миссию он выполнил, хотя и без особого удовольствия. В сирийской разведке у него была слава одного из лучших вербовщиков. Когда-то он гордился своими талантами. Но в последнее время завербованные им люди вызывали у него скорее презрение. Разве платные агенты заслуживают уважения?

Из соседней комнаты он позвонил человеку, который ждал звонка и сразу снял трубку. Услышав отчет, тот разозлился:

— Зачем вы его напоили? Что теперь с ним делать?

— Надо немедленно отправлять его назад, пока его не начали искать, — хладнокровно ответил Абд аль-Хаким. — Профессор здесь и ждет.

— Русский дал согласие работать с нами?
— Нет. Но он сказал, что желает с нами остаться...
— Пьяный разговор к делу не пришьешь.
— У нас есть магнитофонная запись разговора. Да мы теперь можем держать его в руках, — с энтузиазмом ответил Абд аль-Хаким. — Никуда он не денется. Он будет на нас работать. Если мы предадим гласности его слова...

Пока решалась его судьба, Олег Червонцев храпел на кожаном диване в маленькой комнате возле кухни. С него заботливо сняли пиджак и галстук.

Усманов, увидев своего друга, пришел в ужас:

— Что вы натворили? Я должен обязательно вернуть его назад. А он в таком состоянии! Что будет, когда его увидят?

Сирийцы с презрением смотрели на Усманова. Когда им надоели его причитания, Ахмед Шараф, не стесняясь, распорядился:

— Уберите этого гомика.

Усманов вздрогнул и замолчал.

Никогда еще с ним не разговаривали так грубо и презрительно!

Сладко спящего Червонцева сирийцы снесли вниз и уложили на заднем сиденье машины. Усманов сел рядом с водителем. Они ехали по ночному Дамаску, притормаживая на перекрестках и сворачивая в нужных местах, но он смотрел на дорогу невидящими глазами.

Профессор Усманов вспоминал большой крестьянский дом, в котором вырос. Зима была лучшим временем года, потому что отец, отправляясь на заработки, брал его с собой в лес. А когда отец уходил один, в доме появлялись разные мужчины. Сидели на кухне вместе с его мамой. Она наливала им разбавленный спирт и угощала пловом. Мама совершенно преображалась. Она крути-

лась между мужчинами, которые похлопывали ее пониже пояса и при этом хохотали.

«Ты бы лучше погулял», — обыкновенно говорила ему мама, раскрасневшаяся от спирта и мужского внимания. Усманов убежал из дома и плакал. Он был достаточно взрослым, чтобы понять, для чего заявлялись в их дом незнакомые мужчины. Он возненавидел мать за то, что она предала его, и перенес эту ненависть на всех женщин в мире.

Впервые он почувствовал себя счастливым, когда в столице республики пожилой главный врач клиники пригласил юного ассистента к себе домой на ужин. Главврач был внимателен и заботлив. Усманов истосковался по добрым чувствам. Он с восхищением смотрел на своего руководителя.

После ужина они выпили немного водки и настоящего кофе, а затем начальник, высокий, статный мужчина, принялся его целовать. Раздел, увел в комнату и уложил в постель. Наконец-то Усманов осознал, что значит любить самому и быть любимым и желанным. Впервые в жизни он был счастлив. Они оставались любовниками несколько лет. Но главврач рано умер.

Потомившись месяц, Усманов стал подыскивать себе нового партнера. За эти годы отвык спать один. Встретить по-настоящему близкого человека не удавалось. Однажды попытка найти в Ташкенте партнера на ночь закончилась арестом. Его задержали вместе с молодым человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, нуждавшимся в деньгах.

Ночью вызвали из камеры на допрос. Беседовал с ним человек в штатском. Усманов согласился на все, лишь бы избежать суда и позора. Утром его тихо отпустили.

Сидя в машине, профессор Усманов заплакал. Слезы катились по его полному лицу, а он их даже не замечал.

Кристи нашла лидера ливанских христиан Башира Амина очень красивым. Особенно замечательны были его темные восточные глаза, от которых трудно было оторваться. Он легко завязал разговор и беседовал с ней совершенно непринужденно. Кристина с интересом смотрела на Башира. Она представляла его совершенно иным человеком, ознакомившись с его досье в своем служебном кабинете в Кёльне.

Башир с детства отличался неукротимым характером. В школе ему трудно было спокойно сидеть за партой. В юности он мог запросто унижить и ударить человека. С годами стал разумнее, научился сдерживать себя, старался не повышать голоса. Он начинал войну против исламистов всего с пятьюдесятью бойцами. Очень скоро старшее поколение христианских лидеров признало его способность быть лидером.

Он трудился двадцать четыре часа в сутки, требовал того же от остальных. Заседания руководства «Ливанского фронта» начинались после полуночи и заканчивались под утро. Желающие выступить поднимали руки, и Башир записывал их имена на листке бумаги. Потом предоставлял слово. Каждый имел право говорить пять минут. Башир всех выслушивал, не прерывая. Когда замолкал последний оратор, объявлял решение.

Беседы Кристи с Баширом Амином затягивались иногда до полуночи. В комнату заглядывали озабоченные помощники и намекали шефу, что пора идти. Башир целовал Кристи руки и приказывал отвезти ее в гостиницу на своей машине и с охраной.

Накануне их очередной встречи Башир Амин распорядился убить своего соперника Тони Франжье. Подсланные люди уничтожили в доме Франжье всех и вся, включая горничную, шофера и собаку.

Кланы Франжье и Амина, христиане-марониты, воевали между собой, хотя раньше вместе сражались против ливанских шиитов и сирийцев. Они убивали друг друга не из-за религиозных разногласий, а из-за плодородных участков земли и права взимать дорожные пошлины.

— Почему вы отдали приказ убить Тони? — смело спросила Кристи.

Башир долго молчал. Она уже решила, что не дождется ответа.

— Я попытался поладить с ним. Даже патриарх старался помирить нас, но безуспешно. Тони угрожал моей жизни. Его люди убили одного из моих помощников и не отдавали тело. Мы не могли его похоронить. Я всего лишь приказал забрать тело и арестовать убийц.

Зазвонил телефон, и Башир вцепился в него, как в спасательный круг.

По телевидению показывали, как в Дамаске счастливо улыбающийся президент Сирии Асад-младший радостно жмет руку низенькому и пузатому Самире Кантару, одному из боевиков шиитской боевой организации «Хезболла».

Башир знал, что Самир Кантар молодым человеком вступил в террористическую группу «Народный фронт освобождения Палестины». Вместе с тремя другими боевиками на моторной лодке подплыл к израильскому городу Нагария, чтобы захватить заложников. Они выбили дверь и ворвались в жилой дом. В одну комнату бросили гранату. Из другой вытащили человека с четырехлетней дочкой и повели их к лодке. Самир Кантар застрелил отца и на глазах девочки бросил его тело в море. А потом убил и ее — ударами приклада. Боевиков схватили. На суде были представлены результаты экспертизы. Судья назвал преступления Самира Кантара «низшей точкой нравственного падения и сатанинским деянием».

Но через некоторое время пришлось его выпустить, чтобы вернуть на родину тела двух погибших израильтян.

Самир возглавил группу боевиков шиитской «Хезболлы», которые по указанию Ирана отправились в Дамаск воевать на стороне Башара аль-Асада. Благодарный президент Сирии наградил его орденом. Орденоносец недолго наслаждался высокой наградой. Две ракеты влетели точно в окно дома в южном пригороде Дамаска, где Самир проводил совещание со своими подручными. Журналисты предположили, что это военно-воздушные силы Израиля провели точечную операцию. Представитель Армии обороны Израиля генерал-майор Йоав Галант ответил, что не комментирует такого рода предположения, и добавил: «Это хорошо, что Самир Кантар больше не будет частью нашего мира».

Кристи увидела на экране, как выносят трупы боевиков. Тем временем Башир Амин повесил трубку. Он все-таки ответил на ее вопрос:

— Я не приказывал убивать Тони и его семью. Идет война, она жестока, и остановить людей невозможно. Научить их воевать в белых перчатках? Этого я не могу. Человек находится в ужасающих условиях и ведет себя соответственно.

Была и еще одна причина. Молодой Франжье породнился с семьей сирийского президента. Тони должен был стать заместителем сирийцев в Ливане. Смерть его послужила предостережением всем ливанским христианам, служившим сирийцам.

Кристи увидела другого Башира. Это был жестокий политик, уничтожавший всех, кто стоял на его пути. Она смотрела на него с удивлением.

Башир встал и приблизился к ней. Опустился на колени и взял ее за руки.

— Я тебя люблю, — сказал он.

Его темные глаза излучали магическую силу. У Кристи не было сил оторваться, и все же она встала и ушла.

Приезд Алексея в Бейрут стал подарком судьбы. Алексей был чудесен. Когда после трудного дня она приходила к Алексею в его гостиничный номер, он окружал ее любовью и заботой. Он совершенно не думал о себе. Кристи рассказывала ему обо всем, что ей удалось узнать.

Алексей должен быть передавать полученные от нее материалы Федоровскому. Но тот скоропостижно скончался. И на встречи с Алексеем из Дамаска в Бейрут приезжал полковник Червонцев.

Кристи рассказала Алексею, что Башир, похоже, влюбился в нее и весьма настойчив, ей с каждой встречей все труднее сопротивляться. Может быть, немедленно прекратить с ним все отношения?

Алексей обнял ее и прошептал:

— Кристи, я все равно буду любить тебя. Что бы ни произошло.

Фактически это было разрешение. Алексей не возражал, если Кристи ляжет в постель с Баширом. Информация, которую Кристи получает, важнее всего.

Она пересказала удивившие ее слова лидера ливанских христиан: «Сирийские исламисты намерены уничтожить российского министра обороны, когда он прилетит в Дамаск».

Башир сказал правду. Кристи получила подтверждение из самого надежного источника.

В гостинице ее ожидала Петра Вагнер. После ухода Гюнтера она пребывала в тоске и с надеждой устремилась к Кристи. Зашла в ее номер. Опустилась на стул. И у нее началась истерика. Вновь Кристи выводила ее из этого состояния. Она знала, как это сделать проще всего.

Петра плакала, наслаждалась и говорила. Главное для Кристи состояло в том, чтобы Петра говорила. Такого источника информации у нее еще не было. Утешив Петру, Кристи отправилась на встречу с любимым человеком.

Алексей вышел утром проводить ее до такси. Он торопился на встречу с Олегом Виленовичем Червонцевым. А тот по дороге в резидентуру заехал к своему новому знакомому — подполковнику сирийской разведки Абд аль-Хакиму, с которым его свел профессор Усманов.

ЛИВАН. БЕЙРУТ. ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ

Лежа в постели, Олег Червонцев представлял себе ночь любви с женщиной, чье лицо он не мог увидеть. В квартире они одни. Окна закрыты и занавешены плотными шторами. Она — голая, на ней только черные кожаные сапоги выше колена и кожаный пояс. Длинные волосы распущены. В руках у нее кнут.

Он стоит на полу на коленях, на шее у него собачий ошейник. Она начинает бить его кнутом, он кричит. Она бросает кнут, опускается на пол рядом с ним, и они занимаются любовью. Потом она надевает ошейник на себя, и теперь уже он берет в руки кнут. Она кричит: «Остановись! Не надо! Не надо-о-о!»

Но на самом деле она хочет продолжения. И они опять занимаются любовью на ковре...

Олег Червонцев и не подозревал, что все его переживания, связанные с сексом, коренятся в детских эмоциях. За всем этим кроется страх опозориться и утратить контроль над женщиной, проявить свою слабость.

Вопрос: если мужчина все еще не может избавиться от детских страхов, находясь в постели с любовницей, то

когда же для него начнется взрослая жизнь? Ответ: возможно, никогда.

Червонцев вообще никогда не видел своего отца живым — только на немногих оставшихся фотографиях. Его воспитала мать, на которую обрушились все беды мира. Маленький Олег об этом и не подозревал. У него была своя жизнь, и в ней мама была центром вселенной, неограниченным самодержцем.

— Не делай этого! — слышал ребенок материнский голос.

Ты должен поступать так, а не иначе. Встань, иди, ложись, ешь, пей — эти команды управляли его жизнью. Необходимость подчиняться матери подрывала его самоуважение. Наконец наступил момент, когда подраставший Олег в первый раз произнес робкое «нет». Это была попытка вернуть себе независимость, утвердить себя как личность.

Подростком Червонцев отвечал «нет» на все. Восстав против материнской власти, он утверждал свою независимость. И старался проводить побольше времени вне дома, на улице, в общении со сверстниками. Друзья и приятели ценили в нем совсем не то, что мама. Они хотели, чтобы он был самостоятельным, смелым и решительным. В какой-то момент он понял, что лучше быть хулиганом, чем маменькиным сынком.

Одновременно Олег попытался стать мужчиной в общении с девочками, но наткнулся на отказ и презрение. «Я разрешу тебе это, только если мы поженимся», — предупреждала его девушка, с которой он встречался. «Нет, только не сегодня, потому что ты очень грубо себя ведешь. К тому же ты выпил, а я неважно себя чувствую», — отказывала ему жена. «Отстань, меня это совершенно не интересует», — говорила ему женщина, которую он мечтал сделать своей любовницей.

Всякий раз это больно ранило Олега. Он воспринимал отказ как оскорбление, словно женщина выражала сомнение в чем-то самом для него главном — в его силе и мужестве. Отказ женщины лечь с ним в постель возвращал Олега к тем временам, когда всем в его жизни распоряжалась женщина — мать.

Некоторые мужчины с головой уходят в работу, другим — более счастливым — удается найти более покладистую женщину. Третьи начинают пить. Некоторые же мужчины просто не в состоянии справиться со своим гневом. Они погружаются в садомазохистские фантазии, которые придают им ощущение силы и власти.

Сладость полного господства над женщиной Олег Червонцев впервые испытал в сорок с лишним лет. К тому времени брак окончательно разрушился, и его надменная и чопорная жена уехала к родственникам. Она была младше его и выше на десять сантиметров. Начальник управления, увидев ее, философски заметил: «Тощие и высокие блондинки доводят мужчину до инфаркта быстрее выпивки и сигарет». Его личный помощник, худой как щепка, ухмыльнулся в знак полного согласия с шефом. Начальник управления ошибся. Инфаркты случаются не от блондинок.

Олег Червонцев несколько дней, сказавшись больным, беспробудно пил дома. А в ближайшее воскресенье Абд аль-Хаким на своей машине свозил его в дорогой публичный дом в Бейруте. Хорошо заплатил, и Олег получил то, о чем мечтал всю жизнь.

Проститутка пришла в короткой юбочке, кокетничала с ним и здорово раззадорила. Он выпил и попытался повалить ее на постель. Она не давалась, посмеиваясь, но убежать не пыталась. И тогда пьяный Червонцев набросился на нее, она покорилась его силе.

В хорошем заведении стараются угадать вкусы состоятельных клиентов. В следующий раз, когда они приехали с Абд аль-Хакимом, все было по-другому. Проститутка — высокая, с плотной фигурой и короткими волосами — оценивающе взглянула на Олега и выгнала из шкафа большой хлыст, сапоги, кожаные куртку и штаны.

— Переодевайся, — приказала она низким резким голосом.

Олег, неловко посмеиваясь, снял костюм, галстук и рубашку и натянул на себя все кожаное. Новенькая куртка поскрипывала у него на плечах. Он взял в руки хлыст и с интересом посмотрел на себя в зеркало.

Он увидел в зеркале молодого еще человека с надменным лицом и жестким взглядом. Повернулся к проститутке и нетерпеливо посмотрел на нее. В кожаной куртке, с хлыстом в руках и рядом с этой женщиной, готовой покориться, он почувствовал себя другим, настоящим человеком.

— Я — твоя раба, — прошептала проститутка. — Делай со мной все, что хочешь.

— Ты дрянь, — внятно и громко сказал Олег. — Ты жалкое ничтожество, недостойное целовать мне ноги.

— Прости меня, прости меня за все. Я одна во всем виновата. Ты щедрый и великодушный! Я заставила тебя страдать, но я молю о прощении.

Перед тем, как подняться с проституткой в ее комнату с большим зеркалом и двуспальной кроватью, Олег выпил внизу, у буфетной стойки две стопки коньяка. Сейчас жаркая волна ударила ему в голову. Эта дрянь бросила его! Жена издевалась над ним все годы, что они состояли в браке. Ей не нравились его манеры, его неумение вести себя в обществе. Она бросала на него испепеляющие взгляды, когда он осмеливался открыть рот. А что такого

ужасного он говорил? У них в деревне все так говорили. Даже его высокое назначение ничего не изменило в их отношениях.

После каждого такого спора она неделю не пускала Олега в свою спальню. После ужина она уходила к себе и демонстративно запиралась на ключ. Поначалу Олег пытался убедить ее открыть дверь, жалко переговаривался с ней через замочную скважину, умолял впустить. Она никогда не меняла гнев на милость. После этого он назло ей напивался в гостиной. Несколько раз утром она заставляла его спать прямо в кресле. Он просыпался от ее презрительного взгляда.

Тварь! Сука! Олега вновь охватил гнев, и впервые в жизни он мог его не скрывать.

— Ты заплатишь мне за все, — твердо сказал он.

Когда все закончилось, он лежал на ней, уткнувшись лицом в ее большую грудь, и плакал. Почему только сейчас, на пятом десятке, он получил то, чего желал всегда?

Проститутка ласково гладила его по голове и шептала ободряющие слова. Ее служба закончилась, когда он встал и начал одеваться. Она зевнула и повернулась спиной к зеркалу, чтобы посмотреть, не остались ли на спине следы от хлыста. Вечером она ждала еще одного клиента, у которого было несчастное детство и неудачный брак. Раз в неделю он приходил в публичный дом, чтобы его как следует отстегали кнутом.

Проститутка никогда прежде не встречалась с Олегом Червонцевым. Она не знала, что именно его мучило. Но мужчины такого типа приходили к ней каждый день. Она научилась их понимать. Поэтому ей платили так много, несмотря на ее возраст — она была старше всех в публичном доме.

У Олега Червонцева все шло наперекосяк. В отсутствие резидента он исполнял его обязанности. Поползли слухи о том, что Олега скоро вернут домой. Эти слухи достигли и ушей самого Червонцева.

Когда директор внешней разведки подписывал приказ о назначении Олега Червонцева заместителем резидента по внешней контрразведке, он сказал:

— Я ставлю перед вами четыре задачи. Во-первых, вы должны следить за действиями вражеских спецслужб, угрожающих нашей стране. Во-вторых, вы должны заняться террористами, и особенно исламистами. В-третьих, вы должны выявлять иностранных шпионов и, в-четвертых, проверять благонадежность наших людей, работающих в Сирии.

Червонцев пожал руку директору и пошел служить.

Много раз Олега Червонцева, пьяного и плохо соображающего, выводили через задний выход к машине, чтобы никто не увидел начальника в плохой форме. Опытный водитель служебной автомашины резидентуры был нем как рыба.

Тайные поездки в публичный дом в Бейруте, которые устраивал его новый сирийский друг, на чью скромность он мог полностью положиться, приободрили Олега. Кое-что в его жизни изменилось. После посещения профессионалок он приезжал на работу в приподнятом настроении.

Он был искренне благодарен подполковнику Абд аль-Хакиму. Подолгу и охотно беседовал с ним на конспиративной квартире за хорошо накрытым столом. Аль-Хаким снабжал его информацией о ситуации в высших эшелонах власти Дамаска. Червонцев рассказывал новости из Москвы. По-дружески сообщил детали программы секретного визита министра обороны. Кому-кому, а уж такому надежному человеку, как аль-Хаким, точно следовало все знать.

Башир Амин выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней. Монастырь, прохладное каменное здание, был связан для Башира со светлыми воспоминаниями.

Пока он произносил свою речь, ливанец Хабиб Шартуни в последний раз проверял гигантскую бомбу, которую накануне ночью подложил в комнату на втором этаже, прямо над конференц-залом штаба партии Амина. Детонатор японского производства был отменного качества. Он позволял взорвать бомбу с расстояния в несколько километров.

Хабиб Шартуни входил в партийную штаб-квартиру, как к себе домой. Это и был его дом. Он жил в этом здании со своей семьей — в небольшой квартире на последнем этаже. Его дядя служил здесь же охранником, а сестра была подружкой одного из помощников Башира.

После выступления в монастыре Башир Амин попрощался со всеми и поехал в партийную резиденцию.

Накануне вечером Кристи вновь приехала к Баширу. Обратила внимание на то, что он похудел и повзрослел. Часы болтались у него на запястье, и обручальное кольцо съезжало с пальца. Под глазами были круги. Он почти ничего не ел.

Они поужинали в небольшом ресторанчике, потом Башир отвез ее в гостиницу. Проводил до номера. Она открыла дверь и повернулась к нему. Их взгляды встретились. Башир вошел следом и закрыл дверь. Охрана осталась в коридоре.

Он ничего не говорил. Молча раздел Кристи. Она смотрела на него как зачарованная. Ее увлекал его мощный южный темперамент. Но ей было плохо, она не получила никакого удовольствия. Она любила только Алексея. Впрочем, Башир ничего не заметил.

В номере они пробыли два часа. Когда Башир собрался уходить, Кристи спросила:

— Какие у тебя планы на завтра?

— Я должен председательствовать на заседании в штаб-квартире партии. Я обещал, но служба безопасности возражает.

— Ты должен к ним прислушаться, — заметила Кристи. — Я уже не в первый раз слышу, что тебя могут убить.

Башир отмахнулся.

— Я просто не думаю об этом. Чему быть, того не миновать.

— Странно слышать от тебя такие слова. Ты не похож на фаталиста. Ты и не можешь им быть. Хотя я понимаю, что ты не хочешь выглядеть трусом.

— Вот именно, — твердо сказал Башир. — Я не имею права бояться. — Он посмотрел на часы. — Я буду там в четыре, а в пять уеду. Часа мне хватит.

Несмотря на позднее время, Алексей не спал. Он ждал ее. Когда Кристи вошла, он вскочил и помог ей раздеться. Ни о чем не расспрашивал. Он подготовил ей горячую ванну и стоял с мохнатым полотенцем в руках. Помог вытереться, налил рюмку вишневой водки и заставил выпить. Она легла в чистую постель. Ее трясло, будто она простудилась. Алексей укрыл ее теплым одеялом.

Лечь рядом он не решился. Встал на колени у кровати. Кристи долго лежала, уткнувшись лицом в подушку. Она безмолвно всхлипывала. Или это только казалось? Она слово в слово повторила все, что рассказал ей Башир. Не поднимаясь с колен, Алексей записывал в маленький блокнот. Уточнил:

— Башир точно приедет в партийный дом? Ты уверена?

— Да, — подтвердила Кристи.

Алексей поцеловал ее в щеку и встал. Щелкнула дверь гостиничного номера.

Когда Башир Амин поднялся в конференц-зал, где собрались четыреста членов его партии, Хабиб Шартуни покинул партийный дом и на велосипеде поехал в сторону Восточного Бейрута. В условленном месте возле дороги его ждал джип. Хабиб бросил велосипед и с чувством облегчения сел в машину. Он все исполнил и теперь уже в полной безопасности. Сирийцы обещали немалое вознаграждение за труды...

Когда он захлопнул дверцу, сидевший на заднем сиденье подполковник Абд аль-Хаким выстрелил ему в затылок. Капитан Шаукат, выступавший водителем, съехал с дороги на обочину. Вдвоем они вытащили труп Хабиба и бросили в яму, заполненную водой.

Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Кристи тоже приехала его послушать. Ей хотелось знать, что именно он скажет. Ровно в десять минут пятого капитан Шаукат нажал кнопку дистанционного управления взрывателя. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось.

Абд аль-Хаким и Шаукат подъехали к месту взрыва. Там было полно карет скорой помощи. Из-под обломков здания вытаскивали трупы. Более кровавого зрелища оба сирийца еще не видели.

Первые сообщения были ложными: все были уверены, что Башир Амин остался жив. Только через несколько часов стало ясно: он погиб. Христианская радиостанция «Голос Ливана» прервала передачи и включила печальную музыку. Ливанские христиане остались без лидера и без надежды.

Тело Башира откопали одним из первых, но лицо было изуродовано до неузнаваемости. Поэтому его те-

ло вместе с другими отвезли в морг. И только там Башира опознали по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Крестину фон Хассель опознали сразу, она не расставалась с документами. Ее имя капитан Алексей Карманов увидел в длинном списке погибших. И понял, что ему придется вернуться в Москву и вряд ли он еще когда-нибудь здесь окажется.

Его отец, Карманов-старший, всю жизнь преданно служил в органах госбезопасности. Супруга заболела воспалением легких и умерла, когда мальчику было пять лет. Похоронив ее, Карманов-старший, отправленный в Афганистан, отдал мальчика в детский дом. Он находился на окраине их маленького города.

Там Алексею совершенно не нравилось. Когда дети играли во дворе, воспитательница поймала в сарае курицу и попыталась топором отрубить ей голову, но не смогла ее удержать. Алексей с визгом убежал в деревню. Его искали два дня и нашли, голодного и замерзшего, в заброшенном сарае.

В другой раз ему срочно надо было в туалет. А воспитательница его не пустила — они учили стихотворение о Ленине; велено было не отвлекаться, и мальчик напустил в штаны. В наказание его заперли в деревянном сарае, где лежал топор. Он взял его и попытался взломать дверь. Из этого ничего не вышло, но на шум прибежал разгневанный директор. Когда он открыл дверь, чтобы битьем привить мальчику любовь к ближнему, тот проскользнул у директора между ног и опять удрал.

Школа ему понравилась еще меньше. Зато после занятий можно было болтаться на улице. Он бегал с сорванцами из банды, которая наводила страх на всю округу.

Потом началась самая дрянная часть его детства. Однажды появился отец, которого он уже почти забыл.

И сказал, что у мальчика теперь новая мать и он забирает его домой. Первое время все шло благопристойно. Спокойная жизнь закончилась, когда мачеха родила ребенка. Алексея стали бить за все.

Однажды за плохие оценки родители заперли его в воскресенье в комнате одного, а сами ушли в гости. Вместе с мальчиком срок отбывал волнистый попугай в клетке. Мальчик открыл клетку, выгацил попугая и распахнул перед ним окно. Он сделал это для того, чтобы насолить своему старику. Кроме того, Алексей на собственной шкуре почувствовал, как хреново быть запертым. Когда поздно вечером отец недоуменно спросил, куда подевался попугай, мальчик все честно рассказал. Карманов-старший совершенно рассвирепел и отделал сына.

Он пошел в горсовет и сказал секретарю, что не хочет возвращаться домой. Расстегнул рубашку и показал синяки. Пожилая женщина в очках и вязаной кофте выслушала его, вздохнула: «Но ведь нельзя же было выпустить попугая».

И отвела домой.

Некоторое время отец вел себя мирно, потом все повторилось сначала. Алексея опять отправили в детский дом.

В красном уголке стояла музыкальная аппаратура. Алексей мечтал стать ударником. Он сел за барабаны и стал наяривать. Прибежавший на шум воспитатель ударил его так, что он свалился с табурета. Столь нового метода воспитания Алексей испытал за год досыта, украл велосипед у какого-то ротозея и подался назад к отцу.

Карманов-старший получил повышение, звание подполковника, перебрался в новую большую квартиру и милостиво принял сына. Тем временем Алексей уже обзавелся подружкой, того же возраста, что и он, — такой же, как он, замкнутой и испуганной. У них обна-

ружился один общий интерес — побыстрее смыться из дома и целоваться до одурения где-нибудь на чердаке. В этом деле Алексей был богато одарен с детства.

Подружка подарила ему цепочку на шею, а отец сорвал ее с криком:

— Это бабская цацка! А ты мужик!

Карманов-старший сообразил, что с сыном надо что-то делать, и предложил учиться на разведчика.

Алексей неопределенно пожал плечами. Отец принял его жест за знак согласия. Взял отпуск и поехал в Москву. Две недели в ведомственной гостинице терпеливо ждал приема у старого знакомого в больших чинах и дождался. Тот рад был видеть сослуживца, снисходительно вник в его отцовские проблемы и сказал:

— Получит аттестат, привози в Москву, возьмем в Высшую школу. Будет чекистская династия.

Все курсанты мечтали о зачислении во внешнюю разведку. Но известно было, что всех не возьмут.

— В Ясенево нужно въезжать на белом коне, — говорил начальник курса и требовал только отличных оценок от тех, кто хочет служить в разведке.

Когда Алексей решил жениться, начальник курса пришел к нему домой познакомиться с будущей женой чекиста. Снял пальто и, потирая руки, с порога спросил:

— Так, где у вас книги?

Книг у Кармановов было немного, но, когда полковник угостился пирогами, которые все утро пекла невеста Алексея, он расчувствовался и благословил брак.

Одной женщины Карманову не хватало, он понял это через два месяца после свадьбы. Карманов был ходок, каких мало. Любил эту работу. Но при этом в определенном смысле хранил верность жене. По-прежнему любил ее. Она стала хозяйкой дома, матерью его детей. Остальные женщины интересовали его только в постели.

Ему нравились все женщины, кто оказывался с ним наедине. Его волновало само сознание, что каждый раз открывается нечто новое. И только одна женщина была ему неприятна в сексе. И именно с ней он должен был заниматься любовью многие годы. Кристи, Кристина фон Хассель.

Она не понравилась ему сразу. В отличие от многих других мужчин он не любил девственниц. И не находил ничего интересного в том, чтобы тратить силы и время на тело, которое ничего не умеет.

Но Кристи оказалась его палочкой-выручалочкой, его талисманом.

Карманова взяли в разведку, несмотря на тройки. На дальнейшие благодеяния он рассчитывать не мог. Его однокашники один за другим разъезжались по резидентурам, возвращались, получали новые назначения. А он как пришел, так и сидел за тем же скучным столом и рылся в архивных делах. Спасла его именно она — Кристина.

Генерал Калганов, разглядев в нем скрытые достоинства, поручил Карманову осуществить вербовку в постели. Молодая немка, которая приехала в Москву и которую соблазнил лейтенант госбезопасности Карманов, не представляла в тот момент особого интереса для разведки. Это был скорее эксперимент.

Когда Кристину фон Хассель взяли в контрразведку, она превратилась в важнейшего агента. И тогда Карманов почувствовал, что дела пошли в гору. Его служебная жизнь переменилась. Он получил повышение, из лейтенантов дорос до капитана — и зарплата заметно повысилась. Ему предоставили просторную квартиру в новом доме.

Капитан Карманов понимал, что он всем, по существу, обязан Кристи. А вот в постели ему с ней было нехорошо. Совсем нехорошо.

Капитану Шаукату было тридцать девять лет, и он наслаждался жизнью на полную катушку. Невысокий, широкоплечий, с бочкообразной грудью, Шаукат командовал спецподразделением, бойцы которого охраняли высших чиновников государства и иностранных гостей. От службы не уставал. В свободное время, переодевшись, мог закатиться в любой ресторан в городе.

Если слишком засиживался, то, придя домой, заплетаящимся языком объяснял жене, что сопровождал очередную шишку из правительства. Гулянки кончились тем, что ему пришлось обратиться к венерологу.

Он пришел в штатском. Без привычной формы чувствовал себя неуверенно. Доктор сидел за массивным пустым столом с чернильным прибором и внимательно слушал капитана. Кроме накрахмаленного белого халата ничто в кабинете не напоминало о профессии врача. Все медицинские инструменты хранились в соседней комнате, чтобы раньше времени пациент не пугался. Его круглое розовое лицо располагало к доверию. Видно было, что доктор и сам не чужд простых радостей жизни.

— У меня серьезная проблема, — мрачно сказал капитан.

— Я и сижу здесь для того, чтобы их решать. — Такое предисловие доктор слышал по десять раз на день.

— Можете себе представить, как я много работаю... А тут приехали гости. Надо было их принять. Совещание, потом товарищеский ужин... Ну, вы знаете, как все это происходит.

— Не знаю, — покачал головой доктор. — Я, видите ли, не служил в армии.

— Нас обслуживали хорошенькие официантки и...

— Вы запомнили ее имя? — деловито прервал его доктор.

— Чье? — недоуменно переспросил капитан.
— Женщины, которая наградила вас болезнью.
— А откуда вы знаете? — Восхищенное удивление было наигранным.

— Догадался, — на сей раз врач не смог скрыть свою иронию.

— Вы правильно все поняли, — кивнул капитан. — Дней через десять я стал ощущать дискомфорт в кончике... Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

— Что именно вы чувствовали?

— Мочиться было больно, словно жгло там, и капала какая-то желтоватая гадость, — раздраженно сказал Шаукат.

Он и по сей день не мог понять, как это с ним, таким крепким и умелым парнем, произошло какое-то форменное безобразие.

— Когда у вас появились эти симптомы?

— Три дня назад.

— Почему сразу не обратились к врачу?

Капитан посмотрел на доктора так, словно тот сам был больным.

— Я же не могу идти в наш госпиталь и говорить, что у меня триппер. Но дело не только во мне. Есть проблема посерьезнее. У меня были... интимные отношения с женой.

— Зачем?

— Я же не сразу понял, что заразился.

— Вам надо было просто отказаться.

— А как я мог? У меня... была эрекция.

— Замечательно.

— Я понимаю, что банальный триппер — для вас это слишком просто. Но мне бы не хотелось, чтобы кто-то знал о моей болезни.

Доктор хмуро посмотрел на него.

— Гонорея — серьезная болезнь. Я обязан вас предупредить. Если не вылечиться полностью, могут возникнуть неизлечимые осложнения.

— Да ладно вам, — широко улыбнулся капитан, — у меня полвзвода переболело триппером. Некоторые по два раза успели. Было бы о чем говорить! Три дня глотаешь таблетки — и здоров. Мне ребята все рассказывали. Дают антибиотики и еще какой-то препарат, который мешает печени разлагать антибиотик. Надо, чтобы в крови находился достаточно высокий уровень лекарства, которое убивает гонококки.

Доктор всем своим видом показывал, что ему не нравится легкомыслие капитана.

— Должен вас предупредить. Если я берусь лечить пациента, то при одном условии. Пациент должен хотеть вылечиться и неукоснительно исполняет все мои предписания.

Капитан Шаукат понял свою ошибку и поспешил ее исправить.

— Отлично. Я человек дисциплинированный, — сказал он с подкупающей улыбкой. — Но меня беспокоит жена. Она ни на что не жалуется. Но я слышал от ребят, что у женщин гонорея может протекать бессимптомно. Они болеют, но даже не подозревают об этом.

— Да, так бывает, — согласился врач.

— Что же делать? Я не могу ей сказать, что она, вероятно, больна и ей надо лечиться. Это убьет наш брак, она немедленно со мной разведется, и я больше никогда не увижу своих детей. А для меня семья — это все!

— Жаль, что вы забыли об этом.

— Доктор, я даже не помню, как там все это происходило. Я был пьян и сейчас бы эту девушку просто не узнал.

— Так что вы от меня хотите? Чтобы я сказал вашей жене, что она больна и...

Капитан стал очень серьезным. На его лице выступили капли пота.

— Я хочу, чтобы вы прописали ей какие-нибудь антибиотики, которые я бы просто подмешал ей в еду. Сделаю так, что она ничего не заметит. Аллергии на антибиотики у нее нет, я точно знаю. Она их много раз принимала. Доктор, это единственное разумное решение. Если вы откажетесь, наш брак рухнет.

Он получил лекарства, которые просил.

— У меня есть к вам встречная просьба, — доверительно сказал врач. — У меня родственники живут в запретной зоне. Ни я, ни мои родители не можем их навестить...

— Я вам помогу, — деловито обещал благодарный капитан. — Сколько вам нужно пропусков?

— Десять, — твердо сказал врач.

СИРИЯ. ДАМАСК. РЕЗИДЕНТУРА

Для офицеров резидентуры это было плохое утро. От главного военного советника сообщили, что при взрыве штаба погиб министр обороны и все, кто его сопровождал. Чудом уцелел заместитель министра по вооружению генерал-полковник Шипачев. Незадолго до нападения боевиков его срочно пригласили на переговорный пункт — вызывала Москва. Он вернулся после разговора, когда из-под обломков штаба уже вытаскивали обгоревшие трупы.

Останки погибших отправили на родину в запаянных гробах. Москва требовала найти и наказать наглых убийц, посмеявших бросить вызов России.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

СЕВЕРНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. СТАНЦИЯ ЗЕЛЕНГРАДСКАЯ

Документы Каримова Шувалов читал, сидя на жесткой скамейке в закрытом павильоне станции Зеленоградская Северной железной дороги в ожидании электрички, и довольно быстро осознал, что произошло.

По просьбе министерства обороны, подкрепленной выделением секретного гранта, Алик Каримов развернул в своем институте тайную программу подготовки бойцов спецназа. Первые же результаты заказчика впечатлили — человек обретал богатырское здоровье.

В министерстве нашлись генералы, решившие воспользоваться программой. Привести себя в порядок, укрепить собственное здоровье, пошатнувшееся в результате тяжелой службы, а также неумеренного употребления калорийной пищи — не из общего котла — и горячительных напитков.

Высокопоставленных пациентов помещали в спецблок. Самым заметным клиентом был молодой заместитель министра по вооружениям генерал-полковник Щипачев, которому предсказывали скорое повышение.

Для работы с особо важными клиентами Алик Каримов выписал из родных мест старого знакомого профессора Усманова. Не без оснований считал профессора кудесником. Усманов погружал пациентов в искусствен-

ный сон и проводил процедуры, которые и в самом деле преобразжали человека. Каримов знал, что профессор привез с собой неизвестные и непроверенные в России препараты, и потому на всякий случай не вникал в его методику.

Опытный был человек, оставлял себе возможность сослаться на незнание. О чем Каримов не подозревал, так это о глубокой религиозности профессора Усманова. И о том, что с некоторых пор профессор взялся всячески помогать «Исламскому государству»*.

Каримов и предположить этого не мог! Спыхватился, когда выяснил, что Усманов, пользуясь своими неограниченными полномочиями и минуя директора института, положил к себе в спецблок десять никому не известных человек. Заподозрив неладное, Каримов спустился вниз.

Одного из новичков как раз вывели из сна, чтобы покормить и провести очередное обследование. Каримов с ним заговорил. И быстро понял, откуда тот. Они перешли на арабский. В спецблоке института лежал боевик, поклявшийся отдать жизнь во имя халифата. А на соседней койке безмятежно спал поправлявший свое здоровье заместитель министра обороны.

Каримов безумно испугался. Что Усманов — или тот, кто за ним стоит, — задумал? Убить заместителя министра? Похитить его?

Алик составил служебную записку о самоуправстве профессора, собрал все документы и отвез на дачу, где и спрятал на чердаке. На всякий случай. Как гарантию своей безопасности.

Связным от министерства обороны был майор Осадчий. Похоже, ему Алик Каримов и пожаловался.

Об Осадчем Шувалов кое-что узнал. Майор прежде служил адъютантом генерала Щипачева, был ему пре-

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

дан и рассчитывал на большое повышение, когда шеф наконец станет министром.

Так что же произошло дальше?

Щипачева решили избавить от скандала?

Осадчий с Усмановым послали одного из тайных пациентов спецблока ликвидировать Каримова. А тот понял, что и его уберут. Схватил в ресторане лежавшие на столе деньги и попытался бежать... И все это произошло на глазах Шувалова, что нарушило все планы.

Теперь Шувалов иными глазами взглянул на историю чудесного спасения генерала Щипачева в Сирии. Вся делегация погибла, а он один выжил. Его вдруг вызвали на переговорный пункт. Счастливая случайность? Или все было подготовлено? Может быть, у кого-то в халифате возник план — помочь Щипачеву стать министром?

А что обещано взамен? И что же произошло с генерал-полковником, пока он лежал в институтском спецблоке рядом с боевиками халифата?

В любом случае нужно поговорить с майором Осадчим. Теперь, похоже, он один способен назвать остальных пациентов спецблока, опекаемого профессором Усмановым.

МОСКВА. ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Старший лейтенант Соколов внимательно наблюдал за женщиной в окне дома напротив. Она ему нравилась. Стройная, с высокой грудью. Он плохо видел ее ноги, но представлял их — длинные, с гладкой, шелковистой кожей, с перламутровыми ногтями. Такая женщина не может не делать педикюр.

Он испытывал к ней нечто вроде симпатии. Возможно, думал Соколов, ему прикажут убить ее. Жаль. Однако работа превыше всего.

Единственный, кто его раздражал, так это напарник — капитан Мельник. Он выдавал себя за ветерана чеченской войны, хотя Соколов в первые пять минут понял, что тот нагло врет. Впрочем, это не его дело. Майор Осадчий подбирает в свою группу, кого хочет. Если хвастливый козел, который не расстается со своей пушкой даже в ванной комнате, кого-нибудь пристрелит, он будет только рад. Потому что, ей-богу, Соколову не хотелось убирать эту женщину.

Он фотографировал Шувалова и Лизу Каримову цифровой камерой. Повернувшись, увидел, что капитан Мельник мирно спит. Аккуратно вытащил его пистолет и положил себе в карман. Тихо ступая, вышел, прикрыл дверь и снаружи забарабанил в нее.

— Открывай, полиция! Быстро!

В комнате раздались быстрые шаги, туда — обратно, некий вопль отчаяния. И наконец жалкий голос у двери:

— Я открою! Только не стреляйте!

Увидев Соколова, капитан выругался.

— Что за дурацкие шутки? Ты до смерти меня напугал.

Соколов вошел в квартиру. Мельник пожаловался:

— Кто-то украл мой пистолет.

Майор Осадчий появился, когда его не ждали. Услал Мельника за сигаретами.

— Как напарник?

— Врун и неумеха, — честно ответил Соколов.

Осадчий огорчился.

— А мне его прислали как опытного человека. Никому нельзя верить. Обманывают на каждом шагу. Хорошо, хоть на тебя могу положиться.

Если Осадчий ждал какой-то реакции, то не дождался.

— Я могу узнать, — спросил Соколов, — зачем меня посадили следить за этой бабой? И что мне предстоит сделать?

— А вот это не твое дело, — разозлился Осадчий. — Я плачу тебе не за то, чтобы ты вопросы задавал.

Осадчий следил за Шуваловым, а не за Лизой. Какие бы иллюзии ни питал Щипачев, Осадчий желал знать, что происходит на самом деле. Верил, что кто-то из двоих — Шувалов или Лиза — приведет его к бумагам Каримова. Осадчий не знал, что в этих бумагах. Но, судя по лицу Щипачева, отдававшего приказ найти их во что бы то ни стало, — нечто важное.

Мир существует только потому, что люди помогают друг другу. Надо оказывать друзьям услуги и вовремя отдавать долги, тогда в нужный момент всегда найдется человек, способный тебе помочь. Интуиция у Осадчего была потрясающая. Она позволила ему стать начальником спецгруппы. А на это место многие претендовали.

Вернулся Мельник с сигаретами. Осадчий собрался уходить. Мельник и Соколов спустились его проводить. Когда подошли к машине, нищий с трясущимися руками подошел к ним.

— Помогите, господа.

— Пошел отсюда, — прошипел Соколов.

Тот заплакал и заскулил:

— Неужели таким богатым господам жалко мелочи для несчастного инвалида?

Мельник полез в карман. Осадчий посмотрел на него с раздражением.

— Ты сентиментальный какой, оказывается.

Мельник вытащил две десятки и протянул нищему. Тот стал быстро-быстро благодарить и засунул купюры куда-то в свои обноски.

Брезгливый Соколов подтолкнул его:

— Все-все, получил бабки и пошел отсюда.

Рука нищего вынырнула наружу с необыкновенной быстротой, и в воздухе мелькнуло лезвие, которое во-

ткнулось Осадчему в грудь и, пропоров костюм и не встретив преграды, добралось до майорского сердца.

Мельник так и стоял с раскрытым ртом. Старший лейтенант Соколов ударом в лицо отправил мнимого нищего на землю. Тот оказался тренированным и крепким бойцом и только после третьего удара выпустил нож из рук и затих.

— Что это означает? Кто это на нас наехал? — сам себя спросил Соколов, ни на минуту не потерявший хладнокровия. Приказал Мельнику: — Обыщи.

Бледный как смерть капитан пошарил по карманам «нищего», ощупал одежду, но, что и следовало ожидать, ничего не нашел. Пока не приехала «скорая помощь», майор Осадчий лежал на асфальте с выражением крайнего удивления на застывшем лице.

МОСКВА. УЛИЦА ГАЗГОЛЬДЕРНАЯ

Старший лейтенант Соколов вылез из машины, расплатился и сверху щедро бросил водителю пятисотенную купюру:

— Держи шеф, пятихатку, гуляй и помни добрых людей.

— И вам спасибочко, — ответил водитель.

Он иронически посмотрел на подвыпившего пассажира и покачал головой.

Когда с другой стороны из машины вылезла сильно накрашенная женщина, водитель нажал на газ и уехал. Женщина подхватила Соколова под руку:

— Куда ты меня ведешь, красавчик?

Они оба спотыкались и передвигаться могли, лишь помогая друг другу.

Соколов не без усилий набрал номер кода и распахнул дверь. Нажал кнопку лифта. Его знакомая вставила

тонкую сигарету в длинный мундштук и щелкнула зажигалкой.

— Роскошная ты женщина! — восхитился Соколов.

— Пора в постельку, красавчик. — Она прижалась к нему, и ее руки сноровисто скользнули куда-то вниз.

— Мне уже хорошо, — блаженно промолвил Соколов. Оценил новую знакомую. — Ты понимаешь в этом деле.

— Будет еще лучше. Не пожалеешь, что выбрал меня.

— Ты мне сразу понравилась, как только подошла к нашему столику, — признался Соколов. — Но раньше я тебя в клубе никогда не видел.

— А я новенькая, — ответила женщина, прижимаясь к нему всем телом. — Умею такое, чего ты никогда не пробовал.

Они вошли в квартиру и сразу приступили к делу.

— Иди умойся, — тихо сказала новая знакомая Соколова.

— Одну секунду, — обещал Соколов. — Не начинай без меня!

И сам засмеялся собственной шутке.

Едва он вошел в ванную комнату, как женщина вновь оделась и вернулась в прихожую. Она открыла входную дверь. В квартиру скользнул водитель машины, который их только что привез. Теперь он совсем не походил на таксиста, каким, собственно, никогда и не был. Когда Соколов в халате, пошатываясь, появился из ванной, водитель и женщина схватили его за руки с обеих сторон.

— Что это? Что здесь происходит? — возмутился незадачливый любовник. — Куда вы меня тащите? Что вам надо? — Он изумленно уставился на шофера. — Ты откуда здесь взялся?

Ответа не последовало. Соколова поволокли в комнату, где уже была открыта дверь на балкон. Женщина оказалась совершенно трезвой, действуя быстро и умело.

— Не надо! Я вам заплачу! Берите что хотите! — кричал Соколов. — У меня есть деньги.

Они выволокли его на балкон. Пьяный, он не мог сопротивляться.

— Помогите, — хотел он крикнуть, но водитель сильно ударил жертву в живот.

От боли Соколов потерял дар речи. Его подхватили под ноги, перевалили через поручень и бросили вниз. Проводив взглядом, женщина спокойно обронила:

— Я же говорила, что умею то, чего ты никогда не пробовал...

Водитель посмотрел вниз на распростершееся на асфальте тело. Было уже поздно, улица опустела, и падение человека никто не заметил.

— Одевайся и уходим.

МОСКВА. БОЛЬШАЯ ТАТАРСКАЯ УЛИЦА

Мельник предусмотрительно посмотрел в глазок. На лестничной площадке стояли две молодые женщины в белых халатах. Одна с чемоданчиком в руках. Обрадованный, он распахнул дверь.

— Как вы быстро добрались! Такие пробки в городе. Хотел из ведомственной поликлиники врача вызвать, но понял, не доберется... Заходите... Когда появляется врач, сразу становится легче.

Женщины вошли.

— Вот видите, а все ругают скорую помощь, — наставительно сказала старшая из них. Спросила: — Что с вами произошло? Рассказывайте.

— Давление подскочило, — пожаловался Мельник. — У меня теперь частенько скачет, особенно когда понервничаю.

— Ложитесь, — велела старшая. — Посмотрим ваше давление. И сердце нужно послушать.

Мельник послушно улегся на кровать. Врач села на стул рядом, достала тонометр. Завернула ему рукав рубашки, надела манжету, стала работать резиновой грушей.

— Какое у вас нормальное? — спросила она.

— Сто тридцать на семьдесят, — ответил Мельник.

— Сейчас двести на сто двадцать.

— Ого! То-то мне так плохо, — сказал Мельник.

— Что-нибудь принимали?

— Нет, как назло, ничего под рукой не оказалось.

— Сейчас мы вам сделаем укол и посидим с вами минут десять, — предложила врач. И сразу предупредила: — Но если давление не снизится, придется доставить вас в больницу.

— Нет, нет, только не в больницу, — взмолился Мельник. — Я недавно лежал, больше не хочу.

Подошла медсестра со шприцем в руках.

— Переворачивайтесь на живот.

Протерла ваткой и вонзила иглу.

— Здорово вы уколы делаете, — похвалил Мельник. — Я ничего и не заметил. А то есть такие коновалы, потом неделю сесть не можешь. Я в южных странах работал, там эпидемии разные, так что прививок много делали.

Врач внимательно наблюдала за ним:

— Сейчас вам станет легче.

Мельник благодарно кивнул. Вдруг у него перехватило дыхание. Он хотел что-то сказать, но агония была быстрой. Глаза закатились. Лицо окаменело.

Медсестра уже собрала свой чемоданчик.

— Я готова.

Врач, в последний раз посмотрев на тело Мельника, пробормотала:

— Не провожайте, мы сами найдем дорогу.

В лифте они сняли белые халаты. Когда обе женщины вышли из подъезда, подъехала карета скорой помощи.

— Это второй подъезд? — спросил их водитель с усталым лицом. — Квартира тридцать восемь здесь?

Женщины озабоченно переглянулись. Старшая покачала головой и извиняющимся тоном сказала:

— В тридцать восьмой никто не живет. Вас, видимо, разыграли.

И они пошли.

— Спасибо вам, — сказал им вслед водитель «скорой помощи» и нажал на газ. — Бывают же такие сволочи.

МОСКВА. КЛАДБИЩЕ

Когда у них был роман, Шувалов неизменно опаздывал на свидания. Лиза не обижалась и всякое опоздание превращала в шутку. На это свидание опоздать он не мог. Оно было последним. Больше на земле они уже не увидятся.

Ночь Шувалов не спал. Сначала Марина, теперь Лиза. Его любимые женщины умирали одна за другой. Вернее, их убивали. Хорош мужик, не в состоянии защитить своих женщин... Хуже того, навлекает на них смерть...

Когда Шувалов позвонил в институт, ему сказали, что Лиза выбросилась из окна. Сказали: самоубийство, сомнений нет, даже уголовное дело возбуждать не стали... Может, кто-то в эту версию поверил, но только не он. Несчастная Лиза попала в цепочку тех, кого поспешно устраняли, чтобы убрать любых свидетелей событий в спецблоке института. А теперь, получается, и некому рассказать, что там происходило. Он думал, это майор Осадчий подчищает хвосты. Оказалось, кто-то достал и самого Осадчего...

Шувалов открыл бутылку коньяка, налил. Пить не стал. Вспоминал и плакал. Никто его не видел. И незачем

ему было скрывать свои чувства. Мобильный телефон он отключил, а городской молчал.

Утром он побрился, принял душ и пешком отправился в церковь. Людей у входа собралось порядочно. Они незримо делились на три разные группы — у каждой свой покойник. Ни одного знакомого лица, и он не мог определить, кто же пришел хоронить Лизу, пока не подъехал длинный черный лимузин и оттуда не вышел генерал Иван Антонович Калганов, заместитель начальника управления нелегальной разведки. Издалека казалось, что он совсем не переменялся.

Калганов распахнул дверцу, и из машины вылезла его жена; та же высоко поднятая голова, пышная прическа. Родители при рождении дали ей пышное имя Энгельсина. Не всякий мог без запинки выговорить ее имя-отчество — Энгельсина Феодосьевна. Близкие люди именовали ее просто Ина. Остальным такая фамильярность не позволялась.

Распоряжавшийся похоронами что-то прошептал генералу на ухо, и тот позвал собравшихся. Довольно много людей разных возрастов последовало за ним внутрь. Шувалов встал в заднем ряду. Возле гроба лицом к нему расположилась чета Калгановых. С другой стороны занял место высокий крупный мужчина с надменным лицом. Видимо, один из мужей Лизы. Какой по счету, равнодушно подумал он. Рядом плакал мальчик лет двенадцати. Ее сын.

Он вдруг подумал, что, сложись судьба иначе, это он бы стоял сейчас у гроба вместе с этим мальчиком. Вернее, с другим. Или с девочкой. Словом, их общим ребенком. А может, у них было бы много детей — он мечтал о большой семье.

Несчастное дитя, оставшееся без матери, безмолвно рыдало. Лизин сын по-мужски сжал рот, но слезы ка-

тились по его щекам. Пожилая женщина в меховом манто громким шепотом внушала ему:

— Не плачь. Ты не должен плакать. Подумай о том, что Бог забрал твою мать к себе, потому что Он больше в ней нуждается, чем ты.

Шувалов покачал головой. Зачем лишать мальчишку законного права плакать и горевать? Да еще и ссылаясь на Бога, который забирает у сына мать потому только, что она ему понадобилась? Какие чувства он будет испытывать к такому Богу?.. И самое главное: выходило, что смерть матери — вина мальчика, которому она нужна меньше, чем Всевышнему... Зачем возлагать тяжелый груз на детскую душу? Все это совсем не то, что он должен был услышать в такой день.

Будь это его сын, он сказал бы ему совсем другое. Мать умерла потому, что заболела неизлечимой болезнью, происхождение которой никому не известно. Бог вовсе не хотел отнимать у него мать. Напротив, хотел, чтобы она жила долго и счастливо. Но Он не может вмешиваться в жизнь людей и нарушать законы природы...

Однако Шувалову ничего не пришлось объяснять несчастному сироте, стоявшему у гроба, потому что это не его сын. У них с Лизой не было детей.

Когда служба закончилась, Шувалов вышел на улицу. На душе у него было погано. Мелькнула, правда, удобная мыслишка: считай, тебе повезло, а то был бы сейчас вдовцом. Но он отогнал ее. Зато столько лет они могли быть вместе, не давала покоя другая мысль. Не так мало для счастья, а?

Погода выдалась мерзкая — под настроение. Сильный ветер бросал в лицо капли непрекращавшегося дождя. Весь асфальт был в лужах, и ботинки уже покрылись грязью.

Когда Шувалов свернул на стоянку, из черного «мерседеса» вылез широкоплечий человек в темном плаще. Штатский костюм не мог ввести в заблуждение относительно его профессиональной принадлежности. Он остановил Шувалова:

— Виталий Александрович, на минутку!

Меньше всего на свете Шувалов хотел сейчас с кем-нибудь разговаривать. Он замедлил шаг и мрачно посмотрел на окликнувшего его человека. Тот незаметно для окружающих показал Шувалову удостоверение Федеральной службы охраны.

— Мое начальство, — вполголоса сказал офицер, — просит вас подъехать в Кремль. Дело неотложное. Если сомневаетесь, могу соединить по телефону.

Внутри Шувалова не зародилось даже любопытство. Ему в тот момент было совершенно все равно: кто его зовет, зачем он понадобился власти.

— Я еду на кладбище, — сказал он.

Насчет кладбища и всего прочего человек в плаще был в курсе и нисколько не удивился.

— Не вопрос, Виталий Александрович. Мы отвезем вас, а оттуда уж доставим в Кремль.

Шувалов пожал плечами. Пусть будет так.

До кладбища добрались уже немногие — видимо, только родственники.

На новом участке была непролазная грязь. Все испачкались и торопились со всем покончить. Гроб быстро зарыли. Поставили крест, табличку с фотографией. Когда родственники разошлись, он подошел к могиле. Они с Лизой уже несколько раз расставались, но всегда оставалась надежда. Теперь они прощались навсегда.

Шувалов положил цветы на могилу.

Ему удалось избежать необходимости пожать руку генералу Калганову, чьи губы недовольно скривились, выдавливая:

— Привет.

Энгельсина Феодосьевна протянула ему ладонь царственным жестом:

— Спасибо, что пришли, Виталий.

Лицо у нее было на удивление спокойным, без признаков горя и отчаяния, словно ничего особенного не произошло и она присутствует на рядовом светском мероприятии. Шувалов всегда считал, что у Энгельсины Феодосьевны стальной характер и завидное здоровье. Видимо, по наследству это не передается.

Двое в «мерседесе» терпеливо ожидали его возвращения. Он долго очищал обувь от налипшей грязи, потом, отчаявшись, сел в машину, и та сразу тронулась с места.

— А к кому едем? — равнодушно спросил Шувалов.

— К моему начальству, — любезно объяснил человек в плаще.

Шувалов понял, что расспрашивать бесполезно. Скорее всего, офицер сам не знает. А и знал бы — не сказал. Служба такая.

Пока они ехали в центр, Шувалов вдруг вспомнил девичью фамилию Энгельсины Феодосьевны — Щипачева. Она же сестра заместителя министра обороны. Круг замкнулся. И все стало на свои места.

МОСКВА. КРЕМЛЬ

Кремлевский металлоискатель был чувствительнее тех, что ставят в аэропорту. Пришлось не только выложить связку ключей, часы, авторучку и мелочь, но снять брючный ремень. Сотрудник Федеральной службы охраны меланхолично наблюдал за тем, как Шувалов возвращает ремень на прежнее место, потом повел к лифту.

«Давненько я не ходил под конвоем», — подумал Шувалов. Но это без преувеличения был день сюрпризов. Кремлевский коридор казался бесконечным.

В новой приемной Валерки Лебедева, переведенного в президентский аппарат из Федеральной службы безопасности, было многолюдно. Шувалов заскучал. Человек шесть с одинаково толстыми папками ожидали приема. Они заигрывали с секретаршей, разумеется, свои люди быстрее проникнут за высокую дверь.

Однако Шувалов не успел присесть, как выглянул вальяжный Лебедев, при появлении которого все дружно встали, и сам пригласил его войти. Посетители проводили чужака завистливыми взглядами: кто это такой?

Прикрыв дверь, Лебедев по-свойски сказал:

— Дурак ты, дурак. Если бы сразу сообщил нам об этих ребятах, мы бы их уже допрашивали сейчас. А так одни трупы собираем. Мы же не похоронная команда...

МОСКВА. КВАРТИРА ГЕНЕРАЛА КАЛГАНОВА

Генерал Калганов застрелился под утро, примерно в половине пятого.

Если бы он продержался еще несколько часов, скорее всего, остался бы жить. С рассветом бы к нему вернулись мужество и силы. Но в ноябре светает поздно, а предрассветные часы — самые мучительные для тех, кто не может уснуть. Генерал не дождался рассвета.

Его дом был заполнен призраками. Все его страхи словно материализовались в этих призраках, которые ночь напролет хозяйничали в доме. Только генерал никому о них не рассказывал.

Он не мог заснуть, потому что призраки расхаживали по дому, шумели, не обращая внимания на хозяина, громко переговаривались между собой. Убитые, ране-

ные, искалеченные — все, его он когда-либо встречал, опять пришли к нему. Прошлое вернулось.

Иногда он вообще не мог заснуть. Уставший мозг отказывался отключиться. Или в лучшем случае ему удавалось задремать под утро, приняв сильное снотворное, которое врач в ведомственной поликлинике согласился выписать только из уважения к высокой должности и заслугам генерала.

Ночью он вспоминал все. Он видел не только фигуры людей, но и слышал звуки выстрелов, треск взорванных и горящих домов, чувствовал запах тлеющих матрасов и свежей крови. Он слышал свист пуль и грохот взрывов. Сны он видел, к счастью, не каждый день, но если уж сон приходил, то обязательно как кровавый кошмар.

В Бога генерал не верил. Друзей — в результате продвижения по служебной лестнице — растерял. Некому было его утешить и разделить с ним горькие часы воспоминаний. Бывали недели, когда он крепко пил, но алкоголь облегчения не приносил, только легкость в теле.

Ребята из окружения министра, которых взорвали в Дамаске, посетили его на той, прошлой, неделе. Министр обороны был весь в крови, потому что осколок угодил ему прямо в затылок.

Следующей ночью в очередном кошмаре он опять побывал в Дамаске. Это были самые жуткие сны. Мертвецы не забывали его и навещали один за другим.

Встав утром, генерал смотрел новости и пил кофе без молока. После завтрака звонил зятю и спрашивал, как дела у внука. Он не напрашивался на сочувствие.

Теперь он должен за все заплатить. Тогда страдали другие. Настала его очередь. Пока дочь была жива, он жил вне той раковины, где скопились его воспоминания. Когда ее похоронили, створки раковины сомкнулись над ним.

Иногда он думал, что ему следует умереть. Странно, что он вообще прожил так долго. Сидит у себя дома на кухне, гуляет, смотрит телевизор, разговаривает с женой, ест, спит. Спит, правда, плохо. Рядом с людьми, которых он обрек на смерть.

Ему хотелось иногда увидеть какой-нибудь приятный сон. Раньше, засыпая, он любил представлять себе любовные сцены. В конце концов, много месяцев он вынужденно проводил без женщин. Да и от Энгельсины радости в постели было маловато. Но и любовные сцены быстро оборачивались кошмарами. Мысли соскальзывали в ту же пропасть.

Занавески он не задергивал, чтобы, проснувшись утром, сразу понять, где находится. В спальне на стене висело купленное дочкой большое зеркало, так что он не чувствовал себя одиноко. Дочка улыбалась ему с фотографии.

Генерал Калганов сам понимал, что на нем часть вины за ее убийство. Шурина отчаянно хотел стать министром. Щипачеву надоело ходить в заместителях. И Энгельсина постоянно подзуживала:

— Если брат станет министром, и ты вверх шагнешь. А то застрял на одном месте. Скоро уж на пенсию... О себе подумай. И обо мне.

Калганов знал, что Хаджи Бакр задумал убить российского министра в Дамаске. И не стал ему мешать...

Но президент Щипачева не назначил. И кое-что выплыло. Они с шурином приняли меры. Ни Осадчий, ни его люди ничего и никому не расскажут. Но где-то в цепочке произошла ошибка. Убили Лизу.

Щипачев немного нервничает, хотя ему обещали, что после курса, пройденного в спецблоке, он будет здоров как бык. Профессор Усманов тоже уговаривал Калганова лечь. Рассказывал чудеса о своей уникальной методике. Все унес с собой в могилу. Но Щипачев

тревожится, как бы вся эта история не дошла до президента.

Калганову было все равно. Ему-то чего теперь бояться? Он уже наказан. И хуже этого наказания не придумаешь...

Он застрелился из наградного пистолета, подаренного ему на службе в день присвоения генеральского звания. Это было старое и надежное оружие. Генерал сам чистил и смазывал пистолет и держал его в домашнем сейфе.

МОСКВА. КРЕМЛЬ

Президент нашел время, чтобы принять Шувалова. Лебедев сам проводил до его первой приемной.

— Проси у него, что хочешь! — посоветовал жарким шепотом. — Он тебе очень благодарен, так что все сейчас можешь получить.

— Знаешь, Валерка, — мечтательно сказал Шувалов, — я в детстве хотел быть Героем Советского Союза.

— Героем? — озадаченно повторил Лебедев.

— Да, чтобы не стоять в очереди в прачечной.

Лебедев неуверенно помотал головой:

— Знаешь, Героя трудно сделать. Особый повод нужен. Разве что закрытым указом...

— Валерка, я пошутил, — сказал Шувалов. — Это же было в детстве. Сейчас в прачечных очередей нет.

Лебедев схватил его за руку:

— Неужели генералом не хочешь быть? В минуту указ подготовим о возвращении тебя на действительную военную службу, и тут же генерала получишь. А это, учти, совсем другая пенсия.

— Я пошел, — сказал Шувалов. — Звони.

Лебедев посмотрел на него как на сумасшедшего.

Когда Шувалов после короткой беседы вышел из главного кабинета страны, ему пришлось вновь проследовать мимо чиновников, которые только что проводили его непонимающими и завистливыми глазами. На сей раз он их не заинтересовал.

По телевидению передавали печальную новость. После тяжелой и продолжительной болезни скончался заместитель министра обороны генерал-полковник орденоносец Щипачев... Сослуживцы покойного глубоко скорбели...

Как же быстро это произошло, подумал Шувалов.

Он прошел мимо прильнувших к телеэкрану чиновников и отправился домой. Он шел по закрытой для других территории древнего Кремля. Как прекрасен Кремль в солнечную погоду! Но одна мысль не давала ему покоя.

В специальном блоке института у выбросившегося из окна профессора Усманова проходили курс оздоровления пятнадцать человек. Шувалов узнал имена пятерых. Все мертвы. Еще десятерых в спецблок привел сам профессор. Если верно предположение о том, что Усманов был связан с халифатом и помогал готовить террористов-самоубийц, то не сложно предположить, кто лежал в его спецблоке и чем они сейчас заняты.

Кто-то ведь молниеносно устранил майора Осадчего и его людей. А ведь не последние были профессионалы и знали, чего им надо остерегаться... Так что не зря Шувалов советовал президенту не лететь в Дамаск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На следующий день	7
Накануне	12
На следующий день	28
В давние времена	42
Накануне	202
На следующий день	300

МЛЕЧИН ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ

НОЧЬ В ДАМАСКЕ

Ответственный редактор *Игнат Веснин*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Корректор *Людмила Виноградова*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 15.07.2016.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Заказ № 107225.

Издательство «Пальмира»
197022, Санкт-Петербург,
Инструментальная ул., д. 3, лит. К

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30
www.letmeprint.ru

16+ | Издание не рекомендуется детям младше 16 лет

Отряд террористов в Дамаске проник в здание штаба военно-воздушных сил Сирии именно в тот момент, когда там находился наш министр обороны. Но о визите не знал никто, кроме самых доверенных лиц. Нужно обязательно выяснить, откуда происходит утечка информации, как с этим связаны многочисленные смерти и кто стал предателем. К бывшему разведчику Виталию Шувалову обращается сам президент, доверяя ему провести расследование. Действие политического романа Л. Млечина разворачивается в России, Сирии, Ливане, Австрии и Германии.

Фотография из архива автора

Леонид Млечин — известный российский журналист и телеведущий. Лауреат телевизионной премии ТЭФИ. Автор программы «Особая папка» о белых пятнах истории, детективного сериала «Поздний ужин» и многочисленных документальных фильмов об истории России и мира. Он автор многих книг детективной прозы, издаваемой в нашей стране и переводимой за рубежом. За стремительно развивающиеся сюжеты и невероятные развязки коллеги называют Леонида Млечина Конан Дойлом наших дней.

В оформлении обложки использована иллюстрация Андрея Бугаева.

БММ

16+

ПАЛЬМИРА

9 785883 153689 1
ISBN 978-5-88353-689-1